ТАЙНЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Печенеги, торки и половцы

Степи до появления печенегов

Племенное родство и происхождение кочевников

Русь и кочевники

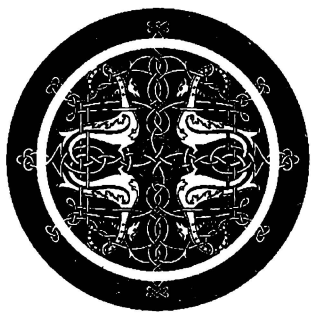
Судьбы окраинного населения

П.В. ГОЛУБОВСКИЙ

П.В. Голубовский

ПЕЧЕНЕГИ, ТОРКИ И ПОЛОВЦЫ

Русь и Степь до нашествия татар

Москва
«Вече»
2011

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Г62

Scan By Vitautas & Kali

Голубовский, П.В.

Г62 Печенеги, торки и половцы. Русь и Степь до нашествия татар / П.В. Голубовский. — М. : Вече, 2011.— 288 с. : ил. — (Тайны Земли Русской).

ISBN 978-5-9533-5268-0

В конце X — в середине XI века в пределы Древней Руси вторглись племена кочевников — печенегов, торков и половцев. Они изменили ход исторической жизни Руси и всего восточного славянства и оказали значительное влияние на их дальнейшие судьбы. В течение нескольких веков Русь не только воевала со степняками, но и основывала с ними военно-политические союзы. В своей книге (оригинальное название 1884 г. «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII веков») известный русский историк Петр Васильевич Голубовский рассказывает насколько и как повлияло соседство кочевников на политическую жизнь Древней Руси, каковы были отношения между тюрками и славянами. Основываясь на важных русских, византийских и арабских источниках, ученый также рассказывает о взаимном племенном родстве и племенном происхождении печенегов, торков и половцев.

Книга издается с небольшими сокращениями, с сохранением особенностей орфографии и пунктуации конца XIX века.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9533-5268-0 **© ООО «Издательский дом «Вече», 2011**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время вполне сознается необходимость разработки русской истории по областям, что доказывается существованием у нас таких ценных сочинений, как: «История Рязанского княжества» Иловайского, «Меря и Ростовское княжество» Корсакова и др. Мало этого. Есть работы, посвященные исследованию частных случаев из исторической жизни той или иной области, отдельных эпох. Такова, например, блестящая монография Н.П. Дашкевича — «Даниил Галицкий». Вероятно, скоро выйдет в свет и труд господина Бозускула — «Мстислав Удалой».

Южнорусские степи также составляют область земли Русской как географически, так и исторически. Главнейшие реки восточноевропейской низменности, Днепр, Дон и Волга, неразрывно соединяют их с остальными областями восточных славян. Славяне, явившись в Европу с востока, несомненно, двигались по нашим степям и, расселяясь далее на север, конечно, пользовались этими естественными путями для своей колонизации. Некоторые племена осели и на побережье Черного и Азовского морей. Вначале они также принимали участие в исторической жизни Русской земли. Однако надо сказать, что отношения их к остальной Руси, судя по отрывочным дошедшим до нас данным, отличались особенным характером. Вскоре Русь перестает их считать *своими*, перестает интересоваться их жизнью. Но, понятно, это не значит, что эти славянские поселения исчезли. Они жили, и судьба их должна занимать нас не менее, чем ход исторической жизни в других областях земли Русской. Как своеобразны были отношения этих племен к остальной Руси, так особенна и своеобразна была их историческая судьба.

На ход их исторической жизни оказали огромное влияние новые пришельцы в южнорусские степи — тюрки. Их появление должно

было изменить отношения между южными и центральными племенами восточных славян; тюрки должны были занять известное положение по отношению тех и других и этим видоизменить ход исторической жизни всего восточного славянства, оказать тем самым значительное влияние на его дальнейшую судьбу. Насколько и как повлияло соседство кочевников на жизнь политическую Древней Руси, каковы были отношения между тюрками и славянами, — проследить это и заставляет цель нашей работы. Мы не могли обойти при этом и вопроса о взаимном племенном родстве и племенном происхождении печенегов, торков и половцев. Это сделать было необходимо и потому еще, что до сих пор в науке существуют некоторые спорные вопросы. Таков вопрос об узах и торках, с которым связан другой — об узах и кипчаках.

В своем труде мы обращаем главное внимание на источники первой руки, стараемся собрать свидетельства русские, византийские и арабские, пересмотреть и на основании только этих источников сделать свои выводы. Мы не излагаем всех теорий, существующих по тому или другому вопросу и не разбираем их, считая это совершенно излишним балластом: *раз мы строим свои выводы на основании источников первой руки, то этим самым возражаем против тех мнений, с которыми мы не согласны*. Мы не пишем истории разработки вопроса, а исследуем самый вопрос. Совершенно иное дело — насколько верны наши собственные выводы. Это решать не нам. Мы желаем, чтобы нам были указаны наши ошибки *на основании источников первой руки. Ими же*, и только ими одними мы будем и защищать свои положения.

Интересна судьба кочевников после их выселения из южнорусских степей в пределы Венгрии и Византии. Может быть, спустя некоторое время мы займемся и этим вопросом на основании собранных данных, но в издаваемой нами работе мы имели в виду рассмотреть только лишь значение соседства кочевых масс с Русью и влияние его на ход ее истории.

Приношу искреннюю благодарность моим учителям Владимиру Бонифатьевичу Антоновичу и Владимиру Степановичу Иконникову, содействовавшим ходу моей работы своими советами и научными пособиями.

П. Голубовский

СТЕПИ ДО ПОЯВЛЕНИЯ ПЕЧЕНЕГОВ

В давние, отдаленные от нас целыми столетиями, времена южная часть восточноевропейской низменности была театром постоянных, продолжительных столкновений оседлого населения с кочевыми племенами, сменявшими друг друга. Северная часть этой великой восточной низменности имеет отличительным свойством лесной характер своей поверхности, между тем как в южной преобладают степи. Но и тут резкую грань проводят возвышенности, входящие в состав так называемой урало-карпатской холмистой гряды. К северу от нее мы также встречаем степные пространства, но рядом с ними идут и возвышенности, есть местности с лесным характером. Эта раздельная холмистая линия, начинаясь от Урала, переходит Волгу, достигает значительной высоты между реками Доном и Медведицей, еще сильнее развивается между Доном и Донцом и в области рек Самары, Крынки и Миуса, образует пороги на реках Калмиусе, Днепре, Ингуле, Буге, Днестре и сливается затем с отрогами Карпатских гор. К югу от этой черты и является степь в полном смысле, во всей своей силе. К востоку от Дона так называемая Задонская сторона составляет продолжение Арало-каспийской низменности. Здесь однообразная безводная степь, с солонцеватой и малоплодородной почвой; реки здешние маловодны, с медленным и слабым течением. К западу картина несколько изменяется. Тут уже степь представляет плодоносную, тучную пажить, перерезанную оврагами и глубокими долинами рек и речек. По этим оврагам сосредоточивается древесная растительность края; возвышенные же пространства заняты полями и пастбищами. Эти овраги, называемые балками, оживляют некоторым образом степь, на которой

нет других выпуклостей, кроме одиноко разбросанных курганов, и нет другой растительности, кроме дикой травы, заглушаемой седым щетинистым ковылем или неуклюжим колючим бурьяном.

С приближением к морю степи реже пересекаются балками, леса исчезают, равнины раздвигаются. Наконец, подходя к самому морю, сухая степь почти совершенно обнажается от растительного покрова и изрезывается широкими и длинными лиманами, с ярко синими водами в глубоких обрывистых берегах. Самый берег моря большей частью песчаный и врезывается в морские воды песчаными же косами[1]. «В области Добруджи нет ни лесов, ни кустарников; плоские возвышенности покрыты высокой пожелтевшей от действия солнца травой; в безводных долинах этих степей только колодцы доставляют жителям воду»[2].

Но повсеместно ли степь сохраняет тот же суровый вид, и всегда ли она имела такой характер? Этот вопрос приводит нас к различным теориям о существовании лесов в южной полосе восточноевропейской низменности. Теорий этих было весьма много, и приводить их заняло бы много времени[3]. Едва ли можно согласиться, что все пространство к югу от теперешних городов Тамбова, Рязани, Глухова, Сосницы, Козельца, Василькова, Бердичева и Кременца было и есть безлесно[4]. Несомненно, были причины, способствовавшие исчезновению лесов в области Южной России. Между ними главнейшими нельзя не признать постоянное движение кочевых масс и способ обработки земли в Древней Руси.

Земледелие на юге ведет свое начало с незапамятных времен. Еще Геродот рассказывает, что где-то в области реки Днепра жили скифы-пахари. Скифское предание о золотом плуге[5], упавшем с неба, показывает, что это земледельческое население относило начало обработки земли к глубокой древности. Еще в IV в. до Р. Х. шла обширная торговля хлебом, вывозимым из Боспорского царства[6]. Города, существовавшие в Тавриде и на азийском берегу Боспора, были по преимуществу торговые, не могли произвести количества хлеба, необходимого для обширного отпуска, следовательно, продукты земледелия доставлялись оседлыми окрестными народцами. Мы не можем, конечно, сказать, какой способ обработки земли существовал в данное время, но едва ли он был более совершенным, чем у нас в Древней Руси.

«Поднимать целину, чертить, подсушивать и выжигать леса было в обычае на Руси даже в XIV и XV вв.; в IX же, X, XI и XII столетиях, по всему вероятию, этот обычай был еще сильнее». Новые земли, расчищенные для пашни, назывались в XIV в. притеребами[7]. Но это название должно было быть и раньше, ибо слово «теребить» в смысле расчищать дорогу в лесу употреблялось и в начале XI в. «Требите путь и мостите мост», — говорит в 1014 г. Владимир, собираясь идти на Ярослава[8]. Сколько же должны были потерпеть леса от такого способа земледелия, когда мы застаем его на юге до Р. Х. Не менее чем земледелие истреблению лесов способствовали и постоянные передвижения кочевых народов. Начало и этого факта нам приходится отнести к глубокой древности. Еще во времена Геродота мы застаем в наших степях кочевников — скифов; затем на виду истории проходят гунны, авары, венгры, печенеги, торки, половцы; в заключение явились татары. Каждое из этих племен оставляло след в убыли лесов. Вот, например, как рисует нам следствия татарского нашествия арабский писатель XIV в., Ибн-Яхия. «Эта страна (половцев), говорит он, до вторжения татар была обработана превосходно, и теперь еще она показывает остатки своего первоначального плодородия. Там можно видеть деревья, приносящие различные плоды... Деревья, существующие теперь, представляют только остатки насаждений, сделанных древними обитателями, которые специально занимались земледелием. Несмотря на то что деревьев уничтожено огромное количество, их остается еще много на горах и вдали от городов»[9].

Можно и в настоящее время указать на большие пространства лесов в Подонье, в Поднепровье и др. местах Южной Руси. Имеются данные, доказывающие их существование и в более отдаленное время.

Византиец Кедрен говорит, что печенеги остались между Балканами, Дунаем и морем — в равнине, богатой лесом всякого рода и пастбищами[10]. Это известие относится к XI в., но еще в IV в. погнанные гуннами готы явились к Дунаю, рубили лес, строили однодеревки[11]. Таким образом, ныне пустынная Добруджа не была когда-то так безлесна. Двигаясь на восток, мы вступаем в области рек Прута, Днестра, Буга и Днепра. Леса между первыми двумя реками сосредоточены главным образом к северу.

Здесь местность представляет истинное царство лесов. На юге они доходят до Кишинева, где сливаются с Днестровскими рощами, а с другой — с прибрежными Прутскими лесами, доходя до Кагула[12]. Точно так же рассказы старожилов теперешней Херсонской губернии свидетельствуют, что в старину, даже очень недавнюю, и леса губернии были гораздо обширнее, и реки многоводнее. Река Ингулец выходит из так называемого Черного леса, и в прошлом столетии считавшегося «великой важности для Херсона и вообще для торга по реке Днепру и Черному морю ради дубовых лесов на вершине его стоящих»[13]. Можно привести для этой местности о лесах несколько известий, восходящих к более отдаленному времени. В конце XII в. мы застаем большие леса по берегам реки Тясминя, впадающего в Днепр. Тут производилась княжеская охота и водилось множество зверей[14]. Спускаясь ниже по течению Днепра, встречаем остатки лесов почти у самого устья этой реки. Ныне еще на луговой ее стороне лески начинаются гораздо ниже Алешек. Назад тому лет полтораста там, без сомнения, было более деревьев, нежели теперь, почему и турки могли сказать, что запорожцы, которые после сражения при Полтаве искали убежища в Алешках, скрылись «в лесе братьев»[15]. Где-то в этой же местности помещалась Гилея греческих писателей. Все они говорили об обилии в ней лесов, а один из них, греческий оратор Дион, посетил лично Гилею и сравнивает ее деревья с корабельными мачтами[16]. Таким образом, в глубокой древности мы находим в низовьях нашего Днепра могучие леса, от которых сохранились только небольшие остатки.

Переходим на восточную сторону этой реки. Самая южная местность, о которой мы имеем известие, это Перекопский перешеек. Константин Багрянородный рассказывает, что некогда тут был канал, соединявший Азовское море с Черным, но потом засорившийся и поросший густым лесом, в котором было всего только две дороги. К северу отсюда в прошлом столетии густые купы деревьев встречались еще по берегам рек Волчьих вод, Кальмиуса и Миуса[17]. На восток от них леса существовали на Дону, о чем нам сообщает венецианский путешественник Иосафат Барбаро, проживший в городе Тане, находившемся недалеко от устья этой реки, шестнадцать лет. Из его известий видно,

что в трех милях от города был лес, где скрывались разбойники[18]. Таковы наши сведения о лесных пространствах к югу от проведенной нами холмистой раздельной линии, направляющейся, как мы сказали, через реки Дон, Калмиус, Днепр.

Гораздо более можно сказать о лесах в местностях к северу от этой границы. В области между реками Доном и Днепром до самой реки Самары, впадающей в Днепр с левой стороны, мы видим и теперь большие лесные пространства, но для веков прошедших есть данные, благодаря которым можно смело заключить, что в данном районе были сплошные дремучие леса. Обращаясь к области бывшего Переяславского княжества, мы находим, что и теперь еще берега почти всех его рек покрыты древесною растительностью. Берега Сулы в прежние времена были покрыты дремучими лесами, да и теперь еще тут остались рощи, преимущественно дубовые. Левый берег притока этой реки, Удая, в настоящее время покрыт лесами до города Прилук, а к югу от него растут порядочные дубовые рощи. Еще более лесным характером отличались берега Перевода. В первой половине текущего столетия близ Поддубновки был лес столетних дубов. Правый берег Псла занят лесами разных пород и преимущественно дубом. Северное течение Хорола также отличается обилием лесной растительности. На Ворскле замечательны леса дубовые, которые нечаянно спаслись от повсеместного истребления; их осталось немного; в Диканьке есть, однако же, дубы, которые имеют сажень в диаметре. Они пережили века и свидетельствуют о лесном богатстве, которым некогда этот край изобиловал. От непроходимых дремучих лесов Супоя почти ничего не осталось. Эти дремучие леса были в древнее время и по берегам Трубежа; в них водились дикие козы, кабаны, лоси, олени, медведи. Корань, Трубеж и Цыбля вместе с Днепром образуют обширные острова, окруженные непроходимыми болотами, топями, зарослями и лесами[19].

Какой была эта местность веков шесть тому назад? Можно смело сказать, что территория Переяславского княжества была далеко не так безлесна, как область нынешней Полтавской губернии. Нам остается сделать обзор местности самой интересной в истории Руси до нашествия монголов. Она занимает область левых притоков Ворсклы, верх-

него течения последней, рек Сулы и Псла с одной стороны, область Дона и его притоков с другой. Южной границей ее можно считать реку Самару. Начнем обозрение с северо-западной ее части. Здесь в первой половине XVII в. были леса по рекам Суле и Терну, носившие название Кореневского, Козельского и Гриневского; по рекам Бетице, Любани, Гнилице (большой черный Гнилицкий лес), между вершинами Сулы и Ильмов; в селе Могрице сохранилось предание о некогда бывших тут дремучих лесах[20]. Они были также и по течению Псла. Горы и нынешние луга по берегу этой реки некогда были покрыты самыми дремучими лесами[21]. В стародавнее время на реках Белке и Боромле, впадающей в Ворсклу, были такие же леса. Мы видим их ниже по Ворскле и теперь, как, например, около Журавного, и в XVII столетии. Так в 1638 г. ляхи застали врасплох казаков Котельвы, которые были рассеяны и спаслись в ее лесах. По соседству отсюда был лес Крупицкий[22]. Идя к югу, можно и теперь еще видеть лесные пространства по реке Мерлу. На среднем течении его в настоящее время есть леса около Краснокутска, а из одной грамоты прошлого столетия мы видим их существование и на его верховьях[23]. На нижнем течении его леса соединялись в отдаленное от нас время с лесами Котельвы. Есть до сих пор густой лес на водоразделе рек Коломака и Межа[24]. Этим приходится закончить обзор лесных пространств в области притоков Днепра.

Переходя к бассейну Дона, мы находим описание его берегов до устья реки Воронежа в известном путешествии Пимена XIV века. «В неделю же св. Мироносиц поплыхом рекою Доном на низ, — читаем там. — Бысть же сие путное шествие печально и унылниво, бяше бо пустыня зело всюду... нигде бо видети человека, точию пустыни велия и зверие множество: козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медведи, бобры; птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и прочая, и бяше вся пустыни великия»[25]. Правда, здесь о лесах и помину нет, но всякий согласится, что перечисленные тут породы зверей могли водиться только в лесных местностях. Тут же Воскресенская летопись указывает существование в конце XIII в. Воронежских лесов, куда спасался от татарского преследования Липовецкий князь Святослав в 1283 г.[26] От них в настоящее время остались более или менее частые перелески по правым берегам Дона и Воронежа[27]. На той же

стороне мы находим лесные места и по реке Битюгу[28]. К востоку простирается область теперешней Саратовской губернии. Северная половина ее довольно богата лесом и теперь. Есть леса и по берегам рек Медведицы и Хопра. По Иловле встречаются еще перелески, но местность по большей части представляет открытую равнину. Однако же и к югу от Саратова встречающиеся в некоторых местах остатки пней огромного размера свидетельствуют, что когда-то и здесь существовали леса и что обнаженность гор произошла от истребления леса, необходимым последствием чего было выветривание и размытие плодородного слоя почвы[29]. Берега нижнего течения рек Хопра и Медведицы покрыты лесом[30]. Переходя в область правых притоков Дона, мы замечаем, что в нынешней Курской губернии и теперь еще изредка попадаются звери, свойственные лесным местностям, но в старину их было гораздо больше[31]. Действительно, в конце XVI и начале XVII в. был так называемый Пузацкий лес у верховьев Донца и Оскола[32]. Между последним и речкой Потудонью в то же время был лес Погорельский, а у верховьев рек Дубны, Корочи и Корени — лес Юшковы Бояраки[33]. В настоящее время лесом покрыт правый, высокий берег Оскола[34]. По верхнему течению Донца в XVI—XVII вв. росли леса: Розумный, Болховы Бояраки и Долгий Боярак[35]. Мы видим, таким образом, в юго-восточном углу Курской губернии сплошные лесные пространства два столетия тому назад. В конце XVII столетия был дубовый лес около нынешнего Салтова на Донце[36]. Местность около Чугуева была покрыта по обеим сторонам Донца дремучими лесами. На левом берегу был мачтовый бор. Здесь водились дикие звери: медведи, волки, лисицы, куницы, барсуки, сурки, дикие козы и сайгаки; из птиц, кроме нынешних, лебеди, гагары[37]. По рассказам старожилов, таким же характером отличались берега Донца около нынешней деревни Шелудовки[38]. Леса Змиевские отличались непроходимостью. В конце XVIII столетия здесь были «дубовые деревья клейменные для корабельного строения»; водилась тут масса зверей и в том числе белки и горностаи, не говоря уже о разных породах птиц. Около Изюма в старые времена рос дремучий бор. Леса теперь истреблены и открылись сыпучие пески, переносимые, подобно волнам, с одного места на другое[39].

Леса вокруг Святогорского монастыря. Современный вид

Еще южнее мы находим остатки лесов около нынешнего Святогорского монастыря. Тут по правому берегу Донца идут высокие горы, покрытые вековыми дубами, изредка соснами, или кленовыми, или ясеневыми деревьями. Из грамоты конца XVII в. видно, что монастырю принадлежали и большие лесные угодья[40]. В прежнее время по рекам Белой и Айдаре были леса и камыши, и, по известию Гюльденштедта, густым лесом была окружена вершина Кремяной, впадающей в Красную[41].

Проедемся теперь по реке Удам. Прежде всего, на правом ее берегу мы находим в половине XVII столетия леса между реками Песочином, Ольшаной и Репками[42]. Глухой лес стоял от самого Харькова до реки Березовой, а вековые дубы на холмах Хорошева монастыря свидетельствуют, что некогда и здесь местность имела такой же характер[43]. Переберемся к реке Можу и начнем осмотр ее берегов с нижнего течения. На устье ее в Донец мы видели уже леса Змиевские. Подымаясь вверх, мы попадаем у реки Озерянки в местность еще и теперь непроходимую от топей, озер и леса[44]. Далее мы встречаем около села Ординки городище, по валам которого выросли дубы; иные из

них уже срублены, и на них свободно может лежать человек высокого роста, не занимая всей длины поперечника[45]. Сколько столетий должны были расти эти дубы, чтобы достигнуть до такой величины объема? На левом берегу Можа, у верховьев его притока, Адалаги, был в XVII в. лес Иловские Бояраки[46]. Леса в бассейне Можа соединялись с лесами, бывшими по Коломаку. Мы уже видели существование леса в настоящее время около села Ковег, на водоразделе этих двух рек. «Книга Большого Чертежа» указывает, что тут были непроходимые леса и болота[47]. Лесные пространства здесь не останавливались: они шли дальше в область рек Орел и Самары. Еще и теперь по берегам первой из них растут леса и кустарники[48].

В XVII в. у верховьев Орели был лес, называвшийся Кошь Бояpак[49]. Берега Самары в древнее время были весьма лесисты. Боплан говорит о богатстве лесов по этой реке в XVII в., каким не отличалась ни одна из других виденных им рек[50]. Подтверждение этому мы находим в статейном списке посла в Крым в 1681 г., Василия Тяпкина. Сказавши, что леса кончаются только на реке Самаре, он далее продолжает: «...да не токмо на тех Овечьих водах, но и на всех помянутых вершинах Конских и Самарских и Орельских вод можно городы земляные, крепкие поделать... для того, что около тех рек, и на степях, *дубровы великия, и леса* и терни и тальники и камыши, и *зверь в лесах,* и рыбы в водах, и кормов конских всюды множество, и пашни можно завести великия»[51]. Это описание особенно важно, потому что оно ясно указывает на существование дубрав и лесов в самих степях. Где степь, там чернозем; где чернозем, там не могут быть леса. Таково мнение некоторых ученых. Но уже это сообщение нашего посла опровергает эту теорию. Приблизительно между верховьями Самары и Осколом летопись помещает Черный лес во второй половине XII в.[52]. Вот все данные, какие только мы были в силах собрать о распространении лесов в южной части Российской низменности[53].

Приведем в заключение нашего обозрения слова ученого агронома, Баумана. «Многие ученые, — говорит он, — отвергают возможность существования первобытных лесов в южно-степном крае в отдаленные от нас времена; я сам принадлежал к приверженцам этого мнения; но последнее путешествие по Земле Донского Войска совер-

шенно меня убедило в справедливости противоположного мнения»[54]. Мы позволяем себе присоединиться в этому мнению: мы обозрели или существующее теперь, или существовавшие прежде леса; мы видели ясные указания для некоторых местностей, что в более отдаленное от нас время эти леса были обширней, даже росли там, где их теперь совсем нет. Я думаю, что на основании всего этого бесспорен вывод, что несколько столетий назад леса занимали весьма обширные пространства. Для нас важен скромный вывод, что лесные пространства были более распространены, чем теперь, во время историческое, во времена поселения тут славянских племен, не касаясь вопроса о безлесности степи, или о сплошном занятии ее лесами, в доисторическое время. Повторяем, для нас важно, что славяне застали на юге большее распространение лесов, большую их дремучесть, чем это было во времена позднейшие, чем это есть теперь. Какое значение имел лес для славянского населения? Не касаясь его влияния на склад народной жизни, на занятия, на поэзию народа и т.д., обратим внимание на его значение для оседлого населения в другом отношении. Кажется, не может быть спору в том, что славянское племя, появившееся в Европе, конечно, с востока, должно было двигаться по речным системам как единственному удобному пути.

Лесные пространства являлись препятствием движению. Доходя до водораздела между какими-нибудь двумя реками, славянство должно было на некоторое время задерживаться здесь, чтобы прочистить себе дорогу к следующей речной системе. Иногда известное племя тут и осаживалось надолго. В то же время другое племя, двигаясь по другой реке, приходило к этому же водоразделу с противоположной стороны. Водораздел являлся границей двух племен. Таким образом, лес служил немалым препятствием при расселении племен, и поэтому уже тогда должно было начаться его истребление. Но вот племена оселись. И тут вражда к лесу не могла прекратиться. Он препятствовал земледелию, сообщению с соседями и т.п. Уничтожение леса должно было усилиться. Таково было положение в то время, когда славянство не было тревожимо никем.

Но вот обстоятельства изменяются. Азия высылает массы кочевников-насильников против оседлого славянского населения. Лес из врага

становится защитником. Особенно чувствует это окраинное население. В странах, где есть горы, оседлое население удерживается в местностях гористых. У нас не было этих защитников. Надо было отступать в леса, окружить себя чащами, топями, болотами. Начинается переселение. Чем лесистей местность, тем вытеснение совершается медленнее, чем она открытее, тем скорее происходит удаление оседлого населения. Угличи, занимавшие открытую местность на нижнем течении Днепра, раньше других, еще в X столетии, переселяются в более лесистые местности Бессарабии. Подонское население держалось дольше и, как кажется, отступало постепенно. В начале XII в. мы видим переселение Беловежцев в область Черниговскую. Постепенному отступлению способствовало обилие лесов в области Дона и его притоков. Переяславское княжество упорно боролось за свои границы и, благодаря лесистости своей территории, и в XII в. удержало небольшие поселения даже по Ворскле. Все это факты известные. Мы вправе поэтому искать в более лесных местностях остатков славянских поселений в гораздо более продолжительное время, чем в местностях открытых.

Отступая, оседлое население старалось окружить себя всевозможными преградами для набегов кочевников. Летопись сохранила нам известие о постройке городов Владимиром Святым по Суле и по Стугне, для обороны против печенегов: «...бе бо рать от печенег, и бе воюяся с ними и одоляя их»[55]. Письмо же Брунона к императору Генриху II указывает нам на устройство Владимиром весьма крепких и длинных засек[56], чему, конечно, способствовала лесистая местность берегов Стугны. Население пользовалось для своей защиты всеми естественными преградами. Позже, например, во время занятия степей татарами, устраивались крепости «лесные и болотные»[57]. Население, при вести о набеге врагов, скрывалось в леса. Так изменилось значение леса. Для оседлого населения он стал защитником, для кочевника препятствием в его опустошительных набегах. Легкое войско печенегов и половцев было страшно своим военным искусством в открытом месте, но в лесу оно пасовало перед пешей ратью. Припомним, например, как в 1170 г. русские «постигоша половцев в Чернего леса, *и ту притиснувше к лесу, избита е, а ины руками изоимаша*»[58]. «Народ

земледельческий, крепко привязанный к своей земле и к своим старым обычаям, славяне не могли легко и охотно покидать свои старые жилища»[59]. Они покидали их медленно, в течение веков, и лучшим помощником, защитником для них в этом упорно-медленном отступлении были леса.

Когда же появилось славянское племя на берегах Черного моря и в теперешних степных пространствах? Первые известия о славянах в этих местностях мы находим у писателей VI в. Так Иордан представляет нам их разделенными на два племени: анты между Днепром и Днестром и славяне собственно между Днестром и Дунаем[60]. Но этот писатель не знал о поселениях антов и далее на восток. Об этом нам сообщает Прокопий Кесарийский, заслуживавший полного доверия благодаря положению, которое он занимал в Византии, как сенатор и префект города: о столкновениях греков со славянами он писал на основании рассказов очевидцев и официальных сведений[61].

Он рассказывает, что к северу от готов, обитающих по берегам Дона и Азовского моря, живут анты[62]. В третьем веке по Р. Х. мы видим столкновение готов с римлянами; между тем готы застали уже антов и славян на их местах, ибо покорили их. Следовательно, время поселения славян по берегам Черного моря следует отодвинуть от VI в. назад, к I или II столетию по Р. Х. Нет, конечно, ничего невероятного, что славяне жили здесь еще и до Р. Х., но мы ограничиваемся и этой давностью, которая сама вытекает из приведенных известий. Нельзя, кажется, сомневаться в том, что расселение славянства по местам их позднейшего пребывания шло с юго-востока. Первоначально, конечно, и анты явились на юго-востоке и оттуда уже путем рек, впадающих в Днепр, достигли до его области. Как бы ни было, мы в III в. находим обширные поселения славян от Дуная и до Дона. Несмотря на движение готов, оно остается на прежних своих местах, как более слабое, покоряется ими.

С появлением гуннов готы поработившие славян, вытесняются; анты подчиняются гуннам и все-таки остаются на своих местах. Даже более, — нахлынувшие кочевники, по рассказу бывшего у них греческого посла, Приска[63], сами подвергаются в некоторой степени культуре оседлого населения, принимают многие его обычаи, что и

подало повод смешивать гуннов со славянами. Если мы даже примем то мнение, что Приск не выезжал из пределов Паннонии, что население в ней принадлежало к кельтскому племени[64], то все-таки нельзя отрицать его оседлости и влияния ее на кочевников.

Вслед за гуннами на славян обрушились авары, появившиеся на берегах Волги еще в 554—555 гг. В VII в. их власть простиралась уже от Дуная до Дона и на запад до Чехии. Они покорили антов, но после, при аварском кагане Байане, последние подняли восстание. Кагану пришлось усмирять их. Вскоре начались отпадения от власти авар отдельных племен. Первыми сбросили с себя это иго болгары в 630 г. Затем появление хазар в 667 г. и быстрое распространение их могущества окончательно ослабили авар[65]. Мы видим и в это время антов оседлыми: они покорены, поднимают восстание, усмиряются. Мы замечаем тут уже, что у них есть племенные князья, как, например, Мезамир, явившийся для переговоров к аварам и убитый ими. Писатель конца VI в., император Маврикий, рисует их нам как людей благосклонных и гостеприимных по отношению к путешественникам; у них были рабы, но рабство не вечное; жили они в лесах и болотах и жилища делали со многими выходами, как предосторожность от неожиданных нападений врагов; вооружались они двумя дротиками и большими щитами, имели и луки; у них вечные несогласия, и никто не хочет при обсуждении дела уступить другому; между ними есть много князьков (reguli), враждующих между собой[66]. Черты быта, сообщаемые Маврикием, весьма интересны: мы видим, что анты были по характеру действительные славяне, даже напоминали новгородцев при решении общих дел; они сражаются пешими, с большими щитами — ясный признак некочевого населения. С падением власти авар исчезает и имя антов. Но нет никакой возможности допустить, чтобы это оседлое население погибло в этих местах, от Дуная до Дона, а тем более целиком переселилось бы куда-нибудь. Все, что могло произойти при постоянных движениях кочевых масс, — это группировка оседлого населения в более лесистых местностях. Мы видим, что анты уже ограждаются лесами и болотами. Вся страна их, по известию Маврикия, наполнена болотами, лесами и тростниками[67]. Благодаря такому характеру местности славяне удержались здесь до

X в. Главными местами их поселений должны были сделаться берега рек, где больше сосредоточивалась лесная растительность, где являлось больше топей, зарослей. Мы увидим ниже, что это и было так. О судьбе антов в бассейнах рек Днепра, Днестра, Буга мы имеем известия нашей летописи, но об их братьях, живших в VI в. в области Дона, в последующие столетия нет прямых известий, хотя есть указания, не позволяющие, как нам кажется, сомневаться, что анты и здесь не были поглощены землей. Как западные их родичи сгруппировались по долинам рек в лесных местах, так и они могли занять места около рек Дона и его притоков. Мы обязаны вспомнить, что еще в XVI—XVII вв. мы видим леса по Самаре, Орели, Овечьим-водам, находим их у устья Дона. Оседлое население могло отступить частью южнее к устью этой реки, частью на линию, где начинались лесные гущи. Степные пространства в этих местностях мы находим в IX столетии занятыми кочевым народом венграми. Страшные спустя одно столетие печенеги до этого времени жили еще между Волгой и Яиком[68], и оседлое население не приходило с ними в столкновение. Сохранению его способствовало и политическое положение дел, установившееся на юге.

С конца VII в. хазары распространяют свою власть на всем пространстве от Волги до Днепра. Славянское население подчиняется им и находит под их властью безопасность. В государстве хазар мы встречаем полную религиозную и национальную терпимость. Это общеизвестно. Во время своего могущества они умели сдерживать подвластные им племена от враждебных столкновений. Кочевники венгры находились в зависимости от хазар, как это видно из рассказа Константина Багрянородного[69]. Враждебное движение в степях начинается только в то время, когда Хазария ослабела в борьбе с арабами, когда вследствие этого ей пришлось взяться за ту же политику, какой пользовалась в своем бессилии Византия, — ссорить соседей, чтобы удержаться самой. Начало этому дал союз хазар с узами для обуздания печенегов в IX в. Печенеги обрушились на венгров, заставили их уйти в Паннонию. Хазария не имела далее сил справиться с узами, теснимыми половцами. Походы русских X века подорвали ее могущество окончательно и уничтожили этот *оплот славянства* на Востоке. Но

Хазарский воин, ведущий пленного. Рисунок на вазе

в период VII—IX вв. сила хазар была еще крепка, и славяне под ее охраной сохраняли свое местопребывание.

Когда в IX в. началось упомянутое движение, то славяне должны были несколько отступить и более сосредоточиться около устьев Дона и к северу в лесных местностях. Тут, у этой реки, еще застает их арабский писатель Массуди в X в. Вот что сообщает он нам: «Между большими и известными реками, впадающими в море Понтус (Черное море), находится одна, называемая Танаис, которая приходит с севера. *Берега ее обитаемы многочисленным народом славянским* и другими народами, углубленными в северных краях»[70]. Рядом с этим известием стоит другое: «Марван, дядя Халифа Гишама, проник в Хазарию и там, расположившись лагерем у славянской реки, взял из них в плен 20 000 человек и поселил их в Кахетии»[71]. Это сообщение для нас весьма важно. Оно не только подкрепляет известие Массуди, но доказывает существование славянского оседлого населения по Дону в VIII в., потому что рассказанное событие совершилось в первой половине этого столетия, а этим подкрепляются приведенные нами выше соображения. Кажется, не может быть сомнения в том, что под именем славянской реки арабские писатели разумели Волгу и Дон, принимая последнюю за рукав первой. Так думал и Массуди, говоря, например, что Каспийское море не имеет никакого другого сообщения с Азовским, кроме хазарской реки (Волги)[72]. Чтобы представить эту реку соединяющей упомянутые моря, необходимо нужно Дон признать ее рукавом. Точно такого же мнения был и Ибн-Хордадбег[73]. Арабы в своей борьбе с хазарами не раз проникали в страны на север от Кавказских гор, и нет ничего удивительного в том, что Марван дошел до нижнего течения Дона. После этого события он в 735 г. занялся подчинением кавказских мелких владетелей и потом снова через города Баланджар и Семендер вторгся в самое сердце Хазарии, разбил армию кагана и вывел в страну лезгин колонию хазар. Имя хазар сохранилось до нынешнего столетия среди лезгин и других народцев Кавказа, хотя и в переносном смысле: словом «chyssr», в их произношении, равном слову «хазар», они называют евреев[74]. Нет, таким образом, основания отрицать вышеприведенного известия, так как по самым обстоятельствам оно не представляет ничего невероятного, несогласного с ходом

дела. Этим сообщением мы обязаны двум авторам: Аль-Баладури и Табари. Первый из них жил и писал во второй половине IX столетия. Своими сатирическими произведениями он приобрел расположение халифов, а так как принятый им на себя труд — история завоеваний ислама[75] — был весьма интересен для мусульманского мира, то можно смело предположить, что для него были открыты архивы, а это уже много говорит в пользу достоверности его известий. Мы не имеем также основания заподозрить в неверности и Табари, известного своими сочинениями по богословию и истории[76]. Вообще арабов обвиняют в большой склонности к фантазии, выставляют невозможность правильных сообщений с их стороны по отдаленности их местопребывания от описываемых стран и народов, от места событий. Но не ко всем из них и не во всех случаях это может относиться. Есть факты, где нет пищи для фантазии; есть между арабами путешественники, лично посещавшие описываемые земли; многие из них и на месте своего жительства обладали средствами, дававшими им возможность правильного изложения фактов истории, географии и этнографии. Нужно смотреть, таким образом, на характер сообщаемого факта и на положение сообщавшего. Известие Аль-Баладури и Табари мы признаем заслуживающим полного доверия.

К числу таких же сообщений, на которых нет возможности разгуляться фантазии, должно отнести и известие Массуди о пребывании славян по реке Дону. Перечитывая его, убеждаешься в его простоте, в отсутствии всего того, что заставляло бы подозревать автора в какой-либо тенденциозности, в стремлении к вымыслу. Таков характер сообщаемого факта. Но мы не должны забывать еще, что Массуди был путешественник, лично посетивший прикаспийские страны. В свою жизнь он объездил Ирак, Армению, Каспийское море и его прибрежные страны, Персию, Индию, остров Цейлон, Траксоксиану, может быть, Малайское и Китайское море, Египет, Африку, на западе Испанию[77]. Из прикаспийских стран он посетил Хазарию[78], что, конечно, особенно важно для нас: значить, те лица, от которых он добывал свои сведения, могли сообщить ему верные данные, так как в Хазарии жило много славян, и самое Подонье входило в район подчиненных ей стран. Массуди отличался большой осторожностью в собирании материала

Хазарский шлем. IX в.

для своих сочинений. «Во всякой стране, говорит Рейно, которую он посещал, он отыскивал документы, относившиеся в прошедшему времени; он входил в сношение со знающими людьми страны»[79]. Вот, например, слова самого нашего путешественника. «Я путешествовал, — говорит он, — из Абоскуна, который есть пристань Джурджана (Гурганч, Гургандж, Ургенч — столица Хорезма. — *Примеч. ред.*), в страну Табористан, *и я не пропускал ни одного из виденных мною купцов сколько-нибудь понимающих, которого не расспрашивал бы* об этом (о соединении Азовского и Каспийского морей), и все они рассказывали мне, что нет другого пути в Абоскун, как через Хазарское море»...[80] Сверх этого, в доказательство верности своего мнения, он приводить рассказ о походе руссов в Табористан[81]. Такое отношение к делу заставляет относиться с доверием к автору известий: наверно, он внес в свой труд заметку о славянском поселении Подонья не по первому слуху, а после тщательных расспросов. Нет также ничего невероятного в том, что Массуди мог еще у себя, в Багдаде, слышать об этом факте, или почерпнуть его из сочинений других арабских географов и историков. Но и в таком случае достоверность сообщения нисколько не уничтожается.

Наш автор принадлежал в числу самых образованных людей своего времени. Он изучал даже греческую литературу[82]. В числе его источников мы находим сочинения уже упомянутых нами Ал-Баладури и Ибн-Хордадбега. О положении, которое занимал в Багдаде первый, мы уже говорили. Еще в лучших обстоятельствах стоял Ибн-Хордадбег. Около 880 г. он занимал должность начальника почт в Джибале. От него осталась «Книга путей». Тут находится полное перечисление всех главнейших провинций, городов, с обозначением количества налогов не только с каждой провинции, но и города; в описании путей сообщения перечисляются все станции с указанием расстояния между ними в фарассангах[83]. Эта точность труда, его мелкие подробности показывают, что автор пользовался официальными сведениями. Кроме того, ему, как министру путей сообщения, было весьма легко собирать указания и от иностранцев, которые должны были к нему весьма часто обращаться. Но предположим даже, что у Массуди были под руками еще другие, менее достоверные источники, то и в таком

случае отношение его к ним должно уничтожать недоверие наше к его известиям. Как поступали арабские ученые с материалом, добытым раньше их путешествий, видно из слов Ибн-Гаукаля. Он говорит, что первое время своих поездок постоянно держал в руках сочинения Ибн-Хордадбега, Кодамы и Джагайни, конечно, с целью проверок их сообщений своими личными наблюдениями. То же самое делал и Массуди. Он скептически относился во всем ранее приобретенным сведениям и проверял каждое из них на месте. «*Некоторые ошиблись и думали*, — говорит он, — что море Хазарское соединялось с морем Майотас (Азовское), но *я не видал* между купцами, отправляющимися в страну хазар и путешествующими по морю Майотас и Найтас (Черное), в страну рус и булгар, *ни одного*, который бы думал, что с Хазарским морем соединяется одно из этих морей»[84]. Он, таким образом, не берет на веру мнений своих ученых предшественников или современников, а прямо указывает их ошибку. Следовательно, найди он опровержение факту славянских поселений на Дону, мы видели бы у него непременно и его отрицание, а поверить в этот факт он имел возможность, так как был в Хазарии. Итак, к какому заключению мы придем относительно этого важного известия Массуди? Известия Прокопия и Маврикия VI в., Аль-Баладури VIII в. и Массуди X в. стоят в связи между собою и поддерживают друг друга. Исторические обстоятельства, о которых мы говорили, служат также их подтверждением. Молчание нашей летописи о распространении славян в область реки Дона не может служить опровержением сделанному нами выводу. Она молчит о многом. Летопись наша не интересуется судьбой даже уличей и тиверцев, о которых упомянула вначале; для нее мало заботы о Тмутаракани после 1094 г.: для нее исчезает этот город, хотя мы знаем из других источников о продолжении его жизни. Все, что не было под властью русских князей, было для нее «не наше». Она только при случае упоминает о реке Доне. Летопись составлена в XII в., когда уже собственно племенные названия утратились и заменились именами княжеств. Поэтому она знает княжество Тмутараканское, но не называет его жителей племенным именем. Отчего же она не упомянула под каким-нибудь названием о них при своем перечислении славянских племен, когда поставила в числе их уличей и тиверцев, о которых позже

тоже ничего не говорит? Оттого, что в то время, когда племена русских славян носили еще свои имена, эти уличи и тиверцы входили вы состав подчиненных русским князьям, между тем как племя, жившее по Дону, входило тесно в состав Хазарской державы, следовательно, было для летописца «чужим». Он мог смотреть на них даже как на хазар. Беловежцы являются в 1116 г. в Русь, отступая перед напором кочевников, и одна из летописей прямо называет их хазарами[85]. Возьмем самое известие нашей летописи о размещении северян: «а друзии же седоша по Десне и по Семи и по Суле и нарекошася севера»[86]. Река Сула является здесь юго-восточной границей этого племени, а между тем мы находим поселения и на Хороле, и на Ворскле, и на Псле, и даже на Донце[87]. «Как далеко, — говорит господин Барсов, — простирались на юг славянские поселения на восточной стороне Днепра, неизвестно. К концу X в. мы застаем их окраины на Суле реке, но если и здесь славянское население было также принуждено постепенно отступать к северу под наплывом степных инородцев, как то было на западной стороне Днепра, то необходимо допустить, что их первоначальные поселения заходили гораздо далее на юг»[88]. Но кто же будет спорить против того, что давление кочевников было действительно, что славяне принуждены были отступать? Нельзя считать эти засульские поселения следствием колонизации славян в степи, потому что до самого нашествия татар мы видим здесь только отступательное движение славянского племени, а никак не наступательное. Следовательно, это были остатки некогда бывших здесь поселений. Но летопись не говорит нам о них ни слова. Таково ее отношение к местностям ближайшим, населенным русскими же людьми. Мы не отрицаем, что летопись *могла* знать и о более отдаленных странах; нельзя не принять мнения господина Срезневского, что источниками для географии летописи служили рассказы бывалых людей, принимавших участие в торговле; что русские с незапамятных времен изведали многие страны Востока и Запада[89]. Но знания русских людей приходится отделить от знаний по географии нашего летописца, насколько это видно из его сообщений: географические сведения летописи на ее первых страницах о Западной Европе и странах прикаспийских весьма скудны. Известия ее о Хазарии, бывшей в близкой связи с рус-

скими славянами, имеют только исторический характер. Очевидно, летописец или не имел о ней рассказов бывалых людей, или не хотел передавать их. Но последнее не так верно. Доказательство этому мы находим в описании обычаев разных племен. Начав рассказ с обычаев русских славян, летописец желает показать, что он знает и более. Он рассказывает тут и о сирийцах, и бактрянах, о халдеях и вавилонянах, и об амазонках; есть тут и половцы. Последние были уже очень близки, непосредственно могли быть знакомы летописцу. Но от кого он узнал о раньше упоминаемых народах? «Глаголет Георгий в летописаньи»[90]. Вот откуда — из греческого хронографа. Заметим, что весь рассказ о всяких халдеях, вавилонянах и амазонках изложен в настоящем времени. Бывалые русские люди, принимавшие участие в обширной торговле с Азией[91], наверно, знали о ее жителях совсем иное, наверно, могли рассказать кое-что о жизни арабов, а не об амазонках. Отсюда ясный и, кажется, неопровержимый вывод, что наш летописец не слушал рассказов этих бывалых людей, а верил только своим хронографам и питался их сообщениями, не желая вовсе проверять их. Несколько слов о Западной Европе и о пути через Волгу в «Хвалисы» являются совершенно случайными. Допустив, что они переданы бывалыми людьми, придется только сказать, что летописец *мог знать* о внерусском мире, но *не хотел.*

Можно ли после сказанного поставить рядом с нашим летописцем любознательных ученых арабов, как Ибн-Хордадбег, Ибн-Фоцлан Ибн-Фадлан. — *Примеч. ред.*), Массуди? Каждый путешественник, каждый писатель сообщает иногда факты, требующие строгой поверки, но из этого не следует возможность отрицать все его известия.

Когда Массуди писал свое известие о Подонском поселении славян, входивших в пределы Хазарии, последняя была прекрасно известна арабам. Мы могли бы в доказательство указать на выводы, сделанные господами Григорьевым и Савельевым в указанных раньше трудах. Оба они работали в одно время, независимо друг от друга, и пришли к одинаковым заключениям об обширности сношений народов на территории теперешней России с Азией. Но не лишним считаю указать несколько фактов, относящихся к Хазарии. Между Таврическим полуостровом и Азией существовали издавна самые оживленные сно-

Хазарская кольчуга. IX в.

шения. Они были так прочны, что не прекращались даже в XIII в., когда занятие степей кочевниками выдвинуло для них много препятствий. Весьма интересны в этом отношении данные, находимые у Ибн-эль-Атира, арабского писателя середины XIII в. Он рассказывает, что, когда в 1223 г. татары потребовали от владетеля Тебриза[92] выдачи бежавших хорезмийцев, то владетель часть последних убил, часть взял в плен; пленных и русских (купцов) отправил с подарками татарам[93]. Для нас это известие должно сохранять полную силу и в том даже случае, если здесь именем русских купцов названы некоторые из хорезмийцев, торговавших на Руси.

Рассказывая о взятии Судака татарами, Ибн-эль-Атир говорит, что к этому городу пристают суда с одеждами и частью покупают, частью выменивают на них невольников и меха[94]. Когда пришли татары, сетует он далее, дорога нарушилась, и не получалось никаких товаров, ни чернобурых лисиц, ни бобров, ни белок, что отправлялось из тех стран; когда же татары возвратились, то дорога открылась, и стали отправлять

товары по-прежнему[95]. О событиях 1223 г. Атир говорит по рассказам бежавших из Крыма[96]. Если такие оживленные сношения происходили во времена Атира, то нет повода уже сомневаться в верности арабских известий предыдущих столетий о вывозе из земли Руса и Славонии всякого рода мехов, когда Хазария покровительствовала этой торговле. Ей способствовали в сильной степени евреи, в большом числе проживавшие в этом государстве. Поселение этой нации на Таврическом полуострове восходит к отдаленному времени. Еще раньше появления готов в Крыму в Пантикапеоне находилась иудейская синагога и есть свидетельство, что в VII в. тут существовала иудейская община[97]. При Гарун-эль-Рашиде хазарские правители приняли иудаизм, и с тех пор много евреев утвердилось в их стране, особенно после 944 г., когда на них было поднято гонение в Византийской империи[98]. Есть известие у Ибн-Хордадбега, что раданиты ездили из Западной Европы или морем или сушей в Суэц, Аравию, Индию, Китай и говорили по-персидски, латински, арабски, французски, по-испански и славянски[99]. Эти раданиты, не без вероятия, могут быть признаны за евреев.

Обширные торговые связи были между поволжскими берегами и Центральной Азией — Хорезмом. Булгары и славяне вели с ним деятельную торговлю[100]. Она происходила главным образом в столице Хорезма, Джурджание или Куркандже. Из этого города часто направлялись караваны в Хазарию, Маверанагру и Джорджан. Сюда стекались пушные товары и рабы хазарские, славянские и тюркские[101]. Из Джорджана шли караваны на верблюдах в самый Багдад[102]. Хорезмийцы иногда делали и набеги на болгар и славян, причем многих из них уводили в плен[103]. Скажем, между прочим, что последнее известие говорит в пользу существования славянских поселений по Дону, ибо нападать на славян хорезмийцы могли только в областях приволжских или придонских. У эль-Атира сохранилось даже такое предание, что несколько после принятия иудейства на хазар напали хорезмийцы и покорили их; что в другой раз (в 204 году гиджры, т.е. 819—820 гг. по Р. Х.) хорезмийцы подали хазарам помощь под условием принятия последними исламизма[104]. Оно указывает на близость отношений между Хазарией и Хорезмом. Кроме того, известно, что гвардия хазарского кагана состояла из хорезмийцев[105].

Как давни были сношения хазар с Персией, видно, например, из того, что при Хозрое был в силу политических обстоятельств воспрещен доступ к его двору иностранцами из Хазарии и Алланиии[106]. Столетием ранее эры арабов владения хазар простирались до реки Аракса[107]. С развитием силы арабов начались их частые столкновения с Хазарией. Борьба эта шла с переменным счастьем. Результатом ее прежде всего должно было явиться расширение этнографических и географических сведений арабов о Хазарии и областях между Черным и Каспийским морями. Оба народа в своих походах глубоко проникали в страны один другого: с одной стороны хазары доходят до Моссула, проникают и в глубь Персии, с другой — арабы берут хазарские города Семендер, Баланджар[108]. Чем далее шло взаимное знакомство двух наций, тем более расширялись и сношения между ними. Отношения были и дружественные, коммерческие. Любопытство или выгоды побуждали арабских путешественников ездить в северные страны. Особенно эти отношения усилились в X в.[109]

Этого небольшого очерка вполне достаточно, чтобы убедиться, что во времена Массуди страны между Волгой и Доном, между Черным и Каспийским морями были прекрасно известны арабам. Мог ли бы наш путешественник написать ложь в своем сочинении, притом без всякого интереса для себя, когда его могли уличить в ней его современники, знавшие о Хазарии не менее его. Что значило для него славянское поселение на Дону сравнительно с его ученой известностью на Востоке. Не забудем, что период IX—X вв. на всем Востоке, в Византии, в Багдаде был лучшим временем географии[110].

В заключение мы могли бы привести соображения о славянстве населения Тмуторакани господ Ламанского, Барсова, Иловайского, Багалея, но это только увеличило бы объем главы, тем более что выводы, сделанные ими, известны. Важнее всего, что каждый из них шел различными путями[111]. Заканчиваю свои доказательства о существовании славянских поселений по Дону словами господина Срезневского, сказанными им по другому поводу: «Как-то нам все еще странно представлять, что это было, а тем не менее надобно, наконец, освоиться с подобным взглядом»[112].

Нам нет надобности долго останавливаться на вопросе о славянских поселениях в области рек Днепра, Буга, Днестра. «Дулеби же живяху по Бугу, кде ныне волыняне, а улутичи, тиверцы седяху по Бугу и по Днепру, и приседяху к Дунаеви; и бе множство их, седяху бо по Бугу и по Днепру оли до моря»[113]. Таково известие Ипатьевской летописи, но другие списки помещают эти племена по реке Днестру[114]; однако все они единогласно говорят, что уличи и тиверцы занимали и приморскую область. Старание точно определить местность, которую занимали эти славянские племена, вызвало несколько статей, посвященных этому вопросу или касающихся его отчасти. Мнения получились весьма разнообразные, но каждое из них, по нашему крайнему разумению, представляется гипотетичным[115]. Для нас нет особенной важности, обитало ли племя уличей в углу, образуемом Днепром, или они жили между западным берегом Азовского моря и Днепром, или в углу между Днестром и Дунаем. Важно только то обстоятельство, что местность в бассейне рек Днепра, Буга и Днестра до самого моря была занята оседлыми славянскими племенами. Все, занимавшиеся вопросом об этих племенах, согласны с этим. Также никто не отрицает, что уличи и тиверцы представляют потомков тех антов и славян, которых поселения мы видели в данной местности в VII в.[116]

Таким образом, это оседлое население продолжало существовать на своей территории до самого появления кочевников — печенегов в IX в. Наша летопись утверждает, что уличи и тиверцы удерживались тут даже в XI в. «Суть гради их и до сего дне», — говорит она. Это известие весьма важно, и нам придется говорить о нем несколько далее, в одной из следующих глав. Как византийцы рисуют нам антов многочисленным, сильным народом, так и наша летопись говорит об уличах и тиверцах, что «бе множьство их». Нельзя сомневаться, что уличи и тиверцы во время зарождения государства у полян стояли по культуре выше других славянских русских племен. Большему культурному развитию их способствовало географическое положение занимаемой ими местности. Благодаря ей они рано должны были сделаться участниками в черноморской торговле: они не были только «приречными» жителями, а и приморскими, и влияние местности было для этих пле-

Обры притесняют дулебов, заставляя их женщин возить повозки. Миниатюра из Радзивилловской летописи

мен нисколько не менее, как и на всякий другой народ. «Неповоротливые» готы сделались благодаря соседству с морем поворотливыми и громили своими морскими набегами области Византийской империи. Адриатические славяне также являются искусными моряками. Мы не имеем никакого права отрицать силу этого влияния на уличей и тиверцев. Припомним, что лодки для морских походов, по словам Константина Багрянородного, строили славяне, подчиненные Киеву[117]. Следовательно, если умели строить, то и плавали.

Нельзя не согласиться с мнением господина Ламбина, что киевским князьям необходимо было покорить уличей и тиверцев, как сильный мореходный народ, могший препятствовать их путешествиям в Константинополь. Мы увидим далее, что Киеву трудно было с ними справиться. Теперь мы ограничиваемся этими немногими словами. Мы обозрели состояние так называемого степного пространства до появления печенегов, т.е. до IX в. Мы видим край, богатый всякого рода растительностью, обильный зверями и птицами, край, плодоносная почва которого способствовала развитию земледелия. По рекам, орошающим эту богатую естественными произведениями страну, живет оседлое население, сначала раскинутое на всем пространстве края, потом группирующееся по долинам рек, защищенным лесами.

Тут оно остается до IX в. и, благодаря географическому положению занимаемой местности, благодаря соседству торговых, промышленных народов, развивает свою культуру. Историк не имеет права вдаваться в гадания о том, *что было бы*, но здесь можно сказать, что движение кочевых масс остановило культурное развитие южнорусских племен, вытеснив их из приморских стран, и тем самым видоизменило много судьбу и всей Руси вообще. Первыми появились печенеги, за ними торки, потом половцы. Что это были за племена, об этом в следующих главах.

ИХ ПЛЕМЕННОЕ РОДСТВО И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Посвящается памяти Н.М. Карамзина

В массе народов, двигавшихся в Средние века из Азии в Европу, последними явились интересующие нас печенеги, торки и половцы. Шествие, впрочем, окончательно завершилось татарами, нахлынувшими в XIII столетии. При своем появлении в южнорусских степях наши племена стали играть видную политическую роль. Заняв пространство от реки Урала до Дуная, они приходят в столкновение со многими государствами, и то своими набегами, то как посредники в торговле с восточными странами, то как военная сила, всегда готовая в услугам того, кто больше даст, они заставляют обратить на себя внимание, и их имена являются в летописях русских, поляков, венгров, греков, арабов; их известность распространяется и в Западной Европе. И вот писатели разных национальностей выдвигают нам целую массу имен. Приглядываясь к ним, замечаешь, что это по большей части искажения одного и того же имени, явившиеся или в силу неправильной устной передачи, или происшедшие по законам языка того или другого писателя. Иногда бытописатели (особенно византийские) окрещивают наших кочевников классическим именем скифов или громким прозвищем гуннов, не желая осквернять свой язык новым варварским названием. Иногда же мы находим у одного и того же писателя несколько различных имен для одного племени, притом таких, которые не указывают на искажения, а являются действительно существовавшими рядом одно с другим и происходят в силу разных обстоятельств.

Мы не имеем никакой возможности входить в рассмотрение, откуда ведет свое начало слово «печенеги», но нам кажется довольно веро-

ятным, что другие народы узнали это имя от русских славян. «Печенеги» и «Πατζιναχίται» греческих писателей стоять весьма близко по созвучию. Если мы примем во внимание известие нашей летописи под 944 г., что корсуняне послали весть в Константинополь о движении Игоря против греков, что болгары сделали то же, «глаголюще: идуть Русь, и наяли суть собе печенеги»[118]; если вспомним подробные сведения о печенегах Константина Багрянородного, ясно указывающие, что многое он почерпнул из рассказов людей, бывавших на Руси или в Крыму, то наше предположение получает некоторое основание.

Впрочем, возможно, что и русские славяне узнали имя печенегов от венгров, которые передали его и византийцам, если верно объяснение господина Европеуса, что название «печенег» — угорское от bitšeŋ (ng) — jax, что значит «сосновые люди», т.е. живущие в сосновых лесах[119]. В таком случае знакомство русских славян с этим именем существовало еще до непосредственного столкновения их с печенегами. Близко к русскому названию стоит находимое у Титмара Мерзебургского «pezineigi» и у Брунона еще правильнее «pezenegi». Первый мог взять у второго с незначительным изменением, а Брунон был в России и слышал это имя от русских, когда шел на проповедь к печенегам. Вполне искаженное название — «pedenei и petinei», встречающееся у того же Титмара, — нам кажется, произошло вследствие устной передачи этого имени немецкими воинами, участвовавшими в походе Болеслава на Русь[120]. Не считаю нужным распространяться о том, что все названия, употребляемые польскими писателями для обозначения имени «печенеги», произошли путем искажения слышанного от русских. Piecinigi, pieczyngi, pincenakiti и т.д. — варианты польских хроник. Последний из них, находимый в хронике Галла, может быть объяснен знакомством автора с византийскими писателями[121].

Обращаясь к венгерским источникам, мы находим в них наших печенегов под именами bessi, bysseni, bicenati. Венгерское имя этого народа есть besenyö[122], которое в грамотах передается как besseneu, bessynew. Иногда же в этих документах мы находим имя wysseni[123]. Венгерский ученый Эрней видит печенегов и под именами wosciani, wosseravii и ebes[124]. Последнее действительно встречается в одной грамоте конца XII в.[125] Мы не знаем, каким образом произошли все эти

варианты, но нужно помнить, что венгры были в непосредственных сношениях с печенегами. Возможно, что все эти разночтения представляют олатинизированное besenyö.

Арабы также не оставили без внимания наших кочевников, и печенеги являются в их сочинениях под именем «баджнак». Укажем для примера на известия двух арабских писателей Эль-Бекри и Аль-Балхи. Говоря о стране Баджнак, Эль-Бекри рассказывает, что к северу от нее лежит земля Kifdjak (Кипчак), на юг Хазария, на восток Гузия, на запад славяне[126]. А Эль-Балхи сообщает, что «часть турка выселилась из страны своей и заняла пространство между хазаром и Румом (Византией) — их зовут баджнак; в древние времена они не занимали настоящих своих жилищ, а лишь впоследствии они разделили и завоевали эти владения»[127]. Если мы постараемся определить по другим источникам, какой народ обитал в указанных арабами местностях, то убедимся, что это были печенеги. Эль-Бекри писал в XI столетии, а Эль-Балхи в первой половине X в., но как тот, так и другой говорят, очевидно, о времени им предшествующем[128], т.е. о начале X в. или о конце IX столетия. В этот период все пространство между Хазарией и Византией занимали печенеги, о чем единогласно говорят как византийские источники, так и русские летописи[129]. Кроме того, Константин Багрянородный сообщает нам, «что печенеги сначала жили возле рек Волги и Яика, и соседями их были народы, которые называются мазари и узы. Пятьдесят лет назад так называемые узы, согласившись с хазарами и напавши на печенегов, одолели их и выгнали из собственной страны[130]. Если наш писатель и не говорит специально о границах Печенегии, то все-таки из его известия видно, что соседями этой страны были узы и хазары, так что Эль-Бекри, Аль-Балхи и император-историк взаимно поддерживают друг друга и говорят, очевидно, об одном в том же народе.

Всматриваясь во все указанные варианты, не особенно трудно заметить, что они являются лишь искажением какого-то одного имени, которое, как кажется, дано было печенегам иностранцами.

Явившиеся затем в Европу половцы награждаются средневековыми писателями массой различных имен. Половци, plauci, balwen или blawen, walwen, Κόμανοι, cumani, cuni, кипчаки — вот под какими

названиями известно было новое кочевое племя. Небольшое сличение известий различных источников покажет нам, что здесь во всех случаях разумеется один народ.

В 1201 г. между болгарами и Византией был заключен мир[131], закончивший долгую борьбу этих двух народов, в которой на стороне первых, по византийским источникам, стояли скифы или *комане*. В этом году, по рассказу Никиты Хониата, влахи и *комане* разоряли Фракию, но князь Галиции, Роман, напал с большим войском на землю *коман*, разграбил и опустошил ее без труда. Этот писатель знает также, что в этом году Роман и Рюрик дрались между собой, причем на стороне второго были *комане*. Наша летопись вполне подтверждает это известие, ставя на место византийских *коман* своих *половцев*: «тое же зимы ходи Роман на *половцы* и взя вежи половечьские, и приведе полона много и душь христианских отполони много и бысть радость в земли Рустей. Тое-же зимы Генваря 2 взят бысть Киев Рюриком и Ольговичи, и всею *половечьскою* землею»[132]. Под тем же именем половцы являются и у западных писателей, которые называют их cumani. Так Рубруквис, описывая южнорусские степи, говорит, что на них обыкновенно жили кумане прежде, чем пришли татары[133], а далее повторяет: «На ней (этой равнине) обыкновенно кочевали кумане, которые называются капшат (kapschat = кипчак)»[134]. Нам кажется, не может быть сомнения в тождестве куман и Κόμανοι, а потому мы можем подтвердить слова Рубруквиса, что они и кипчаки одно и то же, двумя известиями — одним арабским и другим византийским. Ибн-Яхия повествует о том, что кипчаки были на египетском престоле; эта кипчакская династия старалась окружить себя своими соотечественниками, и все важные государственные должности перешли в их руки[135]. Этот факт вполне подтверждает и Пахимер с Никифором Грегорой, рассказывая, что между Михаилом Палеологом и султаном Египта, происходившим из куман, проданных некогда в рабство, был заключен торговый договор, по которому египетские корабли могли свободно плавать к северным берегам Черного моря для покупки его соотечественников.

Тождество же наших половцев и кипчаков видно из известия Ибн-эль-Атира. По его словам, татары проникли через Дербент в их страну, отвлекли их от союза с алланами и разбили по одиночке тех и других;

тогда *кипчаки* искали спасения у *русских*. То же самое повествует и Альбульгази[136]. Вполне согласно с этими писателями говорит и наша летопись, но на место кипчаков ставит половцев. «В лето 6732. Приде неслыханная рать: безбожнии моавитяне, рекомыи татарове, придоша *на землю половецьскую*... Прибегшим-же *половцем* многим *в Рускую землю*»[137]. Как Ибн-эль-Атир и Абульгази рассказывают потом о поражении *русских* и *кипчаков*, так наши летописи говорят о победе татар над *русскими и половцами*. Кажется, нет основания после приведенных фактов сомневаться в тождестве половцев, куманов и кипчаков. Мы не можем объяснить происхождения имени «кумане». Может быть, и западные, и византийские писатели узнали его от половцев, если мы только предположим, что последние сами величали себя куманами[138].

Обращаясь снова к известиям Рубруквиса, мы находим унего следующее добавление: «Немцами же называются (кумане) валанами (valani), а область их Валанией (Valania)»[139]. Кажется, что это имя есть олатинизированное немецкое Valwen. В письме братьев проповедников и миноритов, писанном в 1241 г., говорится, что в числе войск татар есть и «кумане, которых мы, — объясняет автор послания, — называем по-немецки Valwen»[140]. Нет никакого основания предполагать ученого домысла в слове valani и valania. Средневековые писатели могли бы, пожалуй, произвести его от страны Алании и народа алан, но Рубруквис, знакомый со средневековой ученостью, непременно и пояснил бы нам это производство. Очевидно, наш путешественник передал в латинской форме имя Valven, бывшее распространенным в Германии. Вариант его встречается в одном польском известии в форме *Balwen* или *Blawen*[141]. Здесь это имя отождествляется с *Plauci*. Весьма возможно, что первоначальная форма и есть *Blawen* из *Plauci*; под последним названием разумелись *кумане-половцы*[142]. У венгерских писателей это племя называется еще *cuni*, что ясно обнаруживается из сличения известий нашей летописи и хроники Туроца о Санской битве 1097 г. Венгерский писатель рассказывает, что русские призвали себе на помощь кунов против короля Коломана; венгры потерпели страшное поражение[143]. По нашему источнику, Святополк Киевский пригласил Коломана действовать против Володаря и Василька, но *половцы*, приведенные Давидом Игоревичем, наголову разбили венгров[144].

Таким образом, источники дали нам возможность разобраться в целом ряде имен. Может быть, нам удастся теперь решить до сих пор спорный вопрос: следует ли отождествлять половцев с узами, или последние составляли отдельное племя, известное в наших летописях под именем торков? До сих пор исследователи не пришли ни к какому заключению[145], а между тем при таком или ином решении изменяется взгляд и на наши Черноклобуцкие поселения, существовавшие по реке Роси и в других местах. Поэтому мы считаем необходимым рассмотреть этот вопрос подробнее, тем более что с ним неразрывно связан другой — о прародине наших кочевников.

Источниками для его решения являются известия мусульман, византийские хроники, русская летопись и некоторые данные, сообщаемые западноевропейцами. Разберем же сначала известия византийцев.

Самый важный писатель для географии и этнографии IX и X вв., бесспорно, есть Константин Багрянородный по богатству сообщаемых им данных, которые собирать было для него удобнее, легче,

Прием императором Константином VII Багрянородным княгини Ольги. Подношение Ольге императорских даров. Миниатюра из Радзивилловской летописи

чем для кого-либо другого. Он знает узов в Европе, между Волгой и Яиком, на местах, где, по его словам, жили прежде вытесненные ими печенеги[146]. Отчего же для императора осталось неизвестным другое из имен этого народа — комане или кипчаки? Автор, так подробно говорящий о печенегах, о союзе узов с хазарами, не мог не иметь сведений о названиях этого племени, если бы их было несколько. Но, может быть, эти же самые узы с течением времени изменили свое имя, стали называться куманами, кипчаками? Ответ на это мы находим при сравнении между собой известий других византийских писателей. *Первый раз кумане* появляются участвующими в делах Балканского полуострова в *1078 г.* В это время они вместе с печенегами осаждают Адрианополь[147]. *Никаких упоминаний раньше этого года мы о них не находим.* Между тем племя, нас теперь интересующее, переходит Дунай еще *в 1064 г.* и все-таки под своим собственным именем *узов.* Об этом нам сообщают два автора — Атталейота и Скилица, оба писавшие в XI в. По мнению господина Васильевского, второй вполне подражал первому, т.е. целиком списывал у него. Атталейота же был участником в деятельности императора Романа[148] и потому заслуживает полного нашего доверия. В своей истории он постоянно отличает куман от узов. О переправе последних через Дунай мы находим у него подробный рассказ, как они переправлялись, как разбили болгар и греков и разграбили весь Иллирик до Фессалоники и даже до Эллады. Но зима доконала их. Часть их приняла византийское подданство. «Те, которые пришли, — говорит Атталейота, — к римскому императору, взявши государственную землю в Македонии, стали на сторону римлян и *по сю пору пребывают союзниками их... и были удостоены сенаторских и сиятельных достоинств*». Это место особенно важно для нашего вопроса. Выражение «по сю пору» показывает, что писавший сам знает эти поселения узов, что они существовали в его время. Кроме того, Атталейота мог лично знать некоторых узов, облеченных сенаторским званием, служивших в византийской армии. Участник походов Романа, он должен был близко быть знакомым с представителями этого племени. Следовательно, наш писатель имел полную возможность различить узов от других тюркских племен, печенегов, половцев.

Скилица, писавший также в XI в., одинаково не лишен был возможности наблюдать и печенегов, и узов, и поэтому, хотя он и несамостоятелен в смысле фактическом, то все-таки различие, делаемое им между узами и куманами, заслуживает внимания. Оба приводимые писателя, при появлении половцев в 1078 г., прямо говорят, что это кумане. Отчего же они не назвали новых врагов и узами?

Переходя затем к известиям Анны Комнены, мы видим у нее полное подтверждение нашего мнения. Она рассказывает о событиях царствования своего отца, когда кумане-половцы принимают деятельное участие в судьбах Византии. Говоря о борьбе императора Алексея с *куманами* и печенегами, она указывает, что в войсках ее отца были узы, отличая, таким образом, последних от первых; рассказывая о борьбе печенегов с *куманами*, о том, что последние заняли болото Озолимну, Анна дает нам знать, что это имя произошло от народа *узов*, некогда здесь останавливавшегося лагерем[149]. Нам не важен филологический домысел писательницы, а факт признания ею узов за отдельный народ. Ценность известий Анны увеличивается еще потому, что она, несомненно, воспользовалась рассказами своего отца, что видно из мелких подробностей в описаниях битв, действий императора. А никто уже не может отрицать, что Алексей сознательно отличал *узов* от *команов*: первые были в его войске, а со вторыми он вел борьбу и принимал их посольства.

Приведем здесь два западноевропейских известия из времени крестовых походов, которые подкрепляют сказанное выше. Именно, по Раймунду-де-Ажиль, крестоносцы застали в Диррахиуме в 1096 году служивших в войске Алексея: *гузов*, фанаков (печенегов) и *команов*; по другому автору, там находились в 1110 г.: *туркопулы, команиты* и пиценарии[150]. Очевидно, писано это по рассказам очевидцев, а посему заслуживает быть принятым в число доказательств.

Сличим теперь показания приведенных писателей с известиями нашей летописи.

Мы приводили уже раньше сообщение Константина Багрянородного, что узы в IX в. жили еще за Яиком, в Азии, затем, потеснив печенегов, заняли область между Яиком и Волгой[151]. Писатель X в. Массуди находит их уже на правой стороне реки Дона, который отде-

ляет от них Хазарию[152]. Географические сведения русских о Поволжье и Подонье в X в. были довольно значительны благодаря походам на Восток Святослава и его предшественников[153]. В раздаче уделов Владимиром Святым упоминается уже Тмуторакань, на восточном берегу Керченского пролива[154]. Какой же народ знает наша летопись в степях около Дона в X в.? Печенегов и торков. Услугами последних воспользовался в 985 г. Владимир Святой, когда шел на волжских болгар. «Иде Володимир на болгары с Добрынею уем своим в лодьях, а *торкы* берегом приведе на конех»[155]. Что это племя торков действительно жило у Дона, доказывается тем обстоятельством, что его остатки в первой четверти XII столетия ведут на берегах этой реки отчаянную борьбу с половцами[156]. Затем Константин Багрянородный в одном месте делает весьма важное сообщение: «Должно знать, — находим у него, — что в то время, когда печенеги были выгнаны из своей земли, некоторые из них по своей воле и по взаимному соглашению остались там и стали жить вместе с так называемыми *узами* и до сих пор находятся между ними»... Это известие указывает на дружественное совместное сожитие, а никак не на кочевание только в одних и тех же местностях. Эта небольшая горсть оставшихся печенегов могла быть отличена от узов только благодаря сохранению своей национальной одежды, как поучает сына наш император-писатель[157].

Перечитайте теперь все наши летописи и убедитесь, что печенегов среди половцев не было. Последние в нашей летописи везде являются одни. Но вместо того мы находим в наших источниках другие важные факты. Первое нападение печенегов на Русь, по нашей летописи, было в 915 г.[158], а последняя отчаянная битва с ними у Золотых ворот произошла в 1034 г. Они были разбиты наголову «тако погибоша, а прок их пробегоша и до сего дни»[159]. Печенеги не погибли окончательно, и после этого поражения на Руси мы видим их сильный напор на Византию в 1035 г.[160] Русская земля избавилась от печенежского народа. С этого времени с ними начинает иметь дело только Балканский полуостров. В продолжение 82 лет (1034—1116 г.) нет о них упоминаний в русской летописи. Но вот после такого длинного периода они неожиданно являются снова, на Дону, в 1116 г. Неужели они снова перекочевали назад из придунайской области? Это для них было невозможно,

Князь Борис идет на печенегов. Миниатюра из «Сказания о Борисе и Глебе»

ибо сзади их стояли другие кочевники. «В се же лето (1116 г.), — говорит летопись, — бишася половци с *торкы* и с *печенеги* у Дона, и секошася два дни и две нощи, и придоша в Русь к Володимеру *торци* и *печенези*»[161]. Очевидно, это были те самые печенеги, которые, по словам Константина Багрянородного, остались среди *узов*.

Таким образом, тождество наших *торков* и *узов* вполне обнаруживается. И в дальнейших событиях печенеги являются неразрывно с торками. «Прогна Володимер (в 1121 г.) береньдичи из Руси, а *торци* и *печенези* сами бежаша»[162]. Печенеги и торки вместе, как мы увидим, поселились и по реке Роси. Если этот небольшой остаток печенегов сроднился с торками, то это нисколько не мешало последним вести борьбу с целым народом печенежским, занявшим после 1034 г. юго-западную часть степей. Византийцы нам сообщают о постоянных стычках печенегов с узами[163]. Но последние — не половцы, появление которых в южнорусских степях произошло в первый раз лишь в 1055 г., а первое нападение на Русь в 1061 (1063 г.)[164]. Занятие половцами юго-западных окраин степей, как видно из византийских источников, относится к последней четверти этого столетия[165].

Между тем эта борьба печенегов с узами происходила еще раньше 1050 г.[166] В это время степи около Днепра заняли торки, двигавшееся, конечно, под напором половцев. Так в 1055 г. Всеволод должен был ходить на них для защиты Переяславского княжества; в 1060 г. князья предприняли на них поход соединенными силами на конях и лодьях — очевидно, по Днепру[167].

Известие летописи о последнем походе для нас весьма интересно. Вот что повествует она: «Того же лета (1060) Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав, совокупивше воя бещислены, и поидоша на коних и в лодьях, бещисленное множество, на *торкы*. И се слышавше торци, убоявьшеся, пробегоша и до сего дни, и помроша бегающе гоними, *овии от зимы, друзии же голодом*, *инии же мором* и судом Божиим, и тако Бог избави крестьяны от поганых»[168]. Как наш летописец описывает гибель торков, так византиец, Атталейота, говорит о поражении узов. По его словам, они потерпели сильно *от зимы*, были изнурены *болезнями* и *голодом*. Далее этот писатель сообщает нам важный факт, что узы, ушедшие обратно за Дунай, были рассеяны

Каменная баба из собрания Эрмитажа

князем Мирмидонов около его городов[169]. Кто бы ни были эти узы, но за Дунаем они несомненно являлись в южнорусских степях. Никаких других городов, кроме русских, они найти не могли; никакой князь, кроме русского, их разогнать у своих городов не мог. И вот под 1080 г. мы находим в нашей летописи следующее: «Заратишася *торци* Переяславстии на Русь, Всеволод же посла на не сына своего Володимера, Володимир же шед побив тороки»[170]. Откуда же опять взялись эти кочевники, когда, по словам того же летописца, они погибли в 1061 г.? Ясно, что они откуда-то вернулись. Мы можем найти ответ только в приведенном выше рассказе Атталейоты[171], но при этом придется признать тождество *узов* с *торками*. Полная картина этих событий действительно и получается лишь при соединении известий нашей летописи и истории Атталейоты. Сношения Византии с Русью позволили последнему упомянуть о событии 1080 года, как заключительном в период самостоятельного существования племени узов-торков.

Все приведенные нами факты с самого начала главы приводят к следующим выводам: 1) что кумане-кипчаки-половцы есть один и тот же народ; 2) что узы представляют из себя торков наших летописей и 3) европейские писатели знают в Европе *три отдельных племени: печенегов, торков-узов* и *половцев*. Эти выводы весьма для нас важны, ибо на них нам придется опереться. — Переходим теперь к известиям мусульманских писателей.

До нас дошла география писателя XIV в. Абульфеды. Он жил и писал в такое время, когда ни узов, ни куманов уже не существовало. Его географический трактат окончен в 1321 г. Сведения для прошлого он черпал из богатой библиотеки, бывшей у него в Гамате[172]. Абульфеда делает грубую хронологическую и географическую ошибку, описывая уже несуществующее как действительный, современный ему факт[173], но это приносит громадную пользу нам. Очевидно, что различие, полагаемое Абульфедой для тюркских народов, признавалось и теми авторами, из которых он черпал.

В этом географическом трактате кумане-кипчаки постоянно отличаются от узов. Абульфеда отдельно описывает границы этих народов. Так кипчаков он помещает к северу от страны башкир, а относительно гузов говорит, что они «находятся между хазарами страной карлоков

и булгарами» (правильнее башкирами)[174]. Могущество кипчаков, по его словам, было уничтожено татарами[175]. Мы знаем, что нашествие последних сломило силу половцев. Ничего подобного не говорит он об узах. В географии Эдризи половцы постоянно называются куманами, а не узами, тогда как это название означает у него обитателей собственного Туркестана[176]. Раньше мы указали на известие Эль-Бекри, писавшего во второй половине XI в. Он также отличает страну Кипчак от Гузии[177]. Из известий Ибн-эль-Атира видно, что и для него гузы и кипчаки-половцы были двумя отдельными народами. Так он говорит о службе половцев-кипчаков у царей гузов и о тесной связи владетелей Адзербейджана с гузами (les gozz)[178]. Все приведенные писатели говорят нам о гузах в Азии. Припомним при этом известие Константина Багрянородного, что узы в IX в. жили за Уралом. Подробные сведения об этом племени мы находим у путешественника X в. Ибн-Гаукаля, лично посетившего местности, о которых он говорит. Он рассказывает, что гузы живут на песчаных равнинах в северу от Каспийского моря и Аральского озера, до среднего течения реки Sihoun, также между Каспийским морем и рекой Djihoun на юг до Джурджанской провинции[179].

Таким образом, в IX, X вв. мы видим гузов или узов в степях Средней Азии. Но затем мы находим их уже в Европе. Переселение их, как мы видели из известия Константина Багрянородного, относится к концу IX в. В Европе их знает и Абульфеда. «Руссы, — говорит он в одном месте, — народ турецкой национальности, который с востока граничит с гузами, народом такого же происхождения»[180]. Руссы никогда бы не могли граничить с ними, пока бы они сидели у себя, в Азии. Более подробные данные об европейских поселениях гузов мы находим у Массуди. Он рассказывает, что к югу от славян страны заняты несколькими тюркскими племенами; что гузы кочуют с их стадами, по песчаным равнинам; их территория отделена от хазар большой рекой, которая соединяет Итиль (Волгу) с заливом Меотиды (Азовское море)[181]. Эта река, как известно, есть Дон. Однако же это племя существовало еще в Азии и в XI в. В этом столетии гузы завоевали Персию и основали сельджукскую монархию[182]. Следовательно, в Европу выселилась только часть племени, сохранив свое собствен-

ное имя, как оно и является у Массуди и византийцев, а у русских эта ветвь гузов стала совершенно случайно известна под именем торков[183].

Узо-половецкая теория основывается главным образом на свидетельстве двух источников — Рашид-Эддина и Абульгази. Они, перечисляя турецкие племена Средней Азии, уйгур, кипчак, канклы, карлук, калачь[184], не упоминают совершенно об узах или гузах, так что последние могут разуметься под каким-нибудь из прежде названных племен. Рашид-Эддин рассказывает, что кипчаки жили между страной Кара-Китай и Яиком[185]. Таким образом, их область совпадает с землей узов, а Абульгази утверждает, что Огуз-хан, о котором мы сейчас будем говорить, предназначил племени кипчак вести борьбу с руссами, улаками (?), мадьярами и башкирами, которые жили на берегах Дона, Волги и Яика. Он прибавляет, что кипчаки, заняв эти местности, жили тут 4000 лет до Чингиз-хана, и вся их страна называлась Дешти-Кипчак, т.е., по объяснению самого Абульгази и Ибн-Хальдуна, степью кипчаков[186]. Принимая вполне эти данные, пришлось бы видеть кипчаков во всех племенах, двигавшихся в южнорусских степях. Но мы не имеем никакого права делать подобное заключение.

В сообщениях Рашид-Эддина и Абульгази мы имеем дело с народными преданиями. Первый из них писал в первой четверти XIV столетия, а второй в XVII в.[187] Но и самые предания могли подвергнуться переделке в руках монгольских ученых. По рассказу Абульгази, Газан-хан, один из прямых потомков Чингиз-хана, поручил Рашид-Эддину составить книгу генеалогии, религии и обычаев монголов на память потомству[188]. Приказание было исполнено. Но, очевидно, излагая историю монголов по желанию хана, автор ее должен был позаботиться о возвеличении рода своего государя, выдвинуть добродетели его предков и осветить завоевания, сделанные Чингиз-ханом. И вот мы находим, что Огуз-хан начал борьбу из-за истинной религии со своим отцом; что Чингиз-хан — прямой потомок Огуз-хана[189]. Мы не можем придавать всем этим известиям исторического значения, но не имеем права игнорировать их, как материал этнографический, и в этом отношении должно признать мнение господина Катрмера о важности этих данных[190].

Передадим вкратце сами предания. У Карахана, одного из сыновей Могула, который в седьмом колене происходил от турка, сына Яфетова, был сын Огуз-хан. Когда Огуз начал борьбу со своим отцом, к нему явились некоторые из его родственников со своими родами и признали его власть. Их всех Огуз назвал уйгур (пришедший на помощь), а все они стали носить имя огузцев или угузцев, по имени своего властителя. По прошествии известного времени от этой массы угузцев отделились колена — уйгур, канклы, кипчак, карлок и калачь, получившие свои имена по совершенно случайным обстоятельствам. Так канклы названы этим именем оттого, что их родоначальник изобрел телеги, сильно скрипевшие, которые названы были кунпек, и был окрещен, как их изобретатель, Огуз-ханом именем Капкли. Кипчаки назвались так от своего предка, найденного Огузом в дупле дерева и потому получившего название кипчак, что значит пустое дерево. И т.д. Эти различные племена поселились в разных местностях. Так кипчаки сначала жили между рекой Яиком и Кара-Китаем, а потом Огуз-хан отправил их в область рек Волги и Дона, где кипчаки и жили 4000 лет до Чингиз-хана. Между тем самое имя огузцев или угузцев исчезло и заменилось названием туркмен[191].

Можно ли придавать буквальный смысл всему здесь рассказанному? Такие предания образуются у всех народов, лишь только у них проявляется историческое самосознание. Прежде всего народ старается объяснить свое происхождение. Сходство языка, обычаев у нескольких племен заставляет их признавать себя родственниками и искать общего родоначальника. Припомним братьев Чеха, Леха и Руса, Радима и Вятко. Очевидно, что и уйгуры, кипчаки, канклы, карлоки, чувствуя свою близость по языку, по обычаям, стремились объяснить это непонятное для них явление. Они отыскали себе родоначальника в Огуз-хане. Однако это имя является несколько странным. Народ всегда называет своего прародителя именем, взятым от какого-нибудь из существующих племен. Между тем среди перечисленных мы не находим народа огуз или гуз. Но очевидно, что предания, записанные Рашид-Эддином, восходят к глубокой древности. И вот действительно мы встречаем в IX и X вв. в степях Средней Азии племя гуз, огуз, уз. От него-то, как видно, и взято имя родоначальника всех уйгур, кипчак,

канклы, карлок. И само предание ставит связью между Огуз-ханом и этими племенами народ угузцев, причем первые относятся к последнему как вид к роду.

Кипчаки, как мы видели, жили некогда в тех же степях, где, как известно, в IX и X вв. обитали узы или гузы, откуда потом совершилось выселение в Европу части гузов, а затем в начале XI в. и кипчаков-половцев. Канкли занимали те же местности, т.е. степи Каспийского и Аральского морей. Затем часть удалилась на восток[192], а часть, несомненно, оставалась на тех же местах до половины XIII столетия, где их и застает Рубруквис, к северу от Каспийского моря. По языку он считает их родственниками куман-половцев[193]. Тут помещает Плано Карпини племя кангитов между Команией, землей торкменов, Каспийским морем[194]. Следовательно, мы можем принять их за канкли Рубруквиса и считать одного происхождения с кипчаками.

Но несомненно, что наши печенеги также появились в Европе из степей Каспийского и Аральского моря. Так Эль-Бекри знает их на равнинах от Джорджании до горы Корезма, т.е. опять в области, занятой некогда гузами[195]. Аль-Ямбуи также видел печенегов в Азии. Он прибыл к ним из Бухары[196-197]. Если возможно сближение названия καγγαρ (кангар)[197], даваемого печенегам Константином Багрянородным, с именем кангиты Плано Карпини, то мы вправе видеть в канкли то племя, из которого вышли наши печенеги и турки-османы[198]. Приводимые известия Эль-Бекри и Аль-Ямбуи заставляют считать этот факт довольно вероятным. По смыслу сообщения Константина Багрянородного, печенеги назывались κάγγαρ еще до перехода через Волгу, до борьбы с хазарами. Очень возможно, что они получили имя «печенеги», уже окончательно вступив в Европу, а племенное имя καγγαρ — канкли — *canglae* у Рубруквиса стушевалось, оставшись только за некоторыми коленами печенегов. Теперь легко объясняется, почему предания Средней Азии не знают печенегов, а только канкли. Легко объясним и фиктивный факт переселения кипчаков в Европу за 4000 лет до Чингиз-хана. В народной памяти могли сохраниться воспоминания о некогда делавшихся выселениях в Европу из степей Средней Азии, а так как монголы нашли в степях Южной России кипчаков-половцев, то легко было народному воображению пересе-

лить туда последних чуть не за три тысячи лет до Р. Х. Гораздо раньше мы видели, что при появлении в Европе тюрков европейские писатели отличают ясно три ветви: печенегов, узов-торков и половцев-куман-кипчаков. Восточные историки знают в Средней Азии одно племя узов или гузов, начиная с X столетия. Прародиной трех поименованных племен, как видно из недавно приведенных фактов, были те же степи Средней Азии. Узы-торки есть ветвь племени гузов, как мы видели раньше. Весьма вероятно, печенеги — колено канкли. Эти добытые данные не дают нам права совершенно игнорировать преданий, что *кипчаки* и *канглы*, обитавшие также в арало-каспийских степях, суть колена угузцев, или некогда действительно живших в Средней Азии гузов или огузов. (Отсюда патрономическое имя Огуз-хан.) Но мы можем из всего сказанного сделать только один вывод, что турецкие народы *кипчак* и *канглы* до своего разделения составляли одно целое племя, может быть гузов; затем это единое турецкое племя начинает дробиться на отдельные колена, из которых в Европе являются три — печенеги-канкли, торки, сохранившие старое племенное имя узов или гузов, и кумане-кипчаки. *В этом только смысле* кипчаки-половцы и могут считаться гузами или узами, как вид этого рода. Кипчаки *могли быть некогда* гузами, но гузы *никогда* не были кипчаками.

Это же самое племя огузов двигалось и в южном направлении в Азию. И тут часть их выселилась под своим собственным именем в XI в. и только потом по господствующей династии получила название сельджуков. В XIV в. по этому же пути двинулась часть кангли и стала известна впоследствии под именем турок-османов[199].

Итак, прежде чем явиться в Европу, наши печенеги, торки и половцы кочевали в степях Средней Азии и составляли одно целое. Они родственники между собой. Так смотрят на них и наши летописи, считая их всех потомками Измаила. «А Измаило роди 12 сына, — говорит она, — от них же суть торкьмени, пеленези и торци, и половци...»[200] Нам, конечно, не важен их летописный родоначальник, а важно признание летописью родственности наших племен. На чем же основывалось это мнение русских людей того времени? Очевидно, на сходстве наружности, обычаев и языка этих народцев. Наши предки не могли не знать языка печенегов, торков и половцев благодаря тесным все-

сторонним сношениям с ними. Еще в 968 г., при осаде Киева печенегами, выискался один княжеский отрок, умевший говорить по печенежски[201]. Не забудем также, что у нас были потом целые колонии из этих племен. В таком же положении стояли и византийцы. На Балканском полуострове, начиная со второй половины XI в., мы также находим поселения печенегов и узов-торков. Мы находим в Византии людей, знающих и печенежский язык, как, например, послы, отправленные в 1123 г. к печенегам, императором Иоанном Комнином[202]. Из рассказов Анны Комнин видно, что печенеги свободно объяснялись с половцами[203], что доказывает родственность их языка. Скилица прямо говорит, что узы одного рода с печенегами[204].

Одного происхождения их всех считают и мусульманские писатели. Мы указывали уже на известие Аль-Балхи и Массуди. Оба они считают печенегов тюрками. Точно такого же мнения Ибн-Эль-Варди, Эдризи и Абульфеда[205]. О тюркизме гузов нам сообщают, как мы выше указывали, Массуди, Ибн-Гаукаль и Абульфеда[206]. Куманов-кипчаков считают тюрками как Абульфеда, так и Ибн-эль-Атир, Ибн-Яхия, затем монгольские историки — Рашид-Эддин и Абульгази[207-208].

Родство наших кочевников с *восточными тюрками* также подтверждается византийскими известиями. Во время борьбы греков с *сельджуками* в войске императора были *узы-торки*. Атталейота указывает, что последние и первые — *одно и то же племя*. Родственное влечение и выразилось сейчас же тем, что часть узов перешла на сторону сельджуков. Во время войны Алексея Комнина с *Иконийским султаном* два *печенега* передали планы императора его врагам[209]. Западные писатели также признают наших *половцев* родственниками *азиатских турок*[210]. Путешественники XIII столетия подтверждают соображения о выселении наших кочевников из степей Средней Азии. Так Плано Карпини рассказывает, что жители *Бисерменской земли* (Туркестана, Бухары) говорили языком *команским*[211]. Рубруквис указывает на важный факт, что «*у уйгуров* находится основание и корень языка *турецкого и команского*»[212].

Все эти факты ясно говорят, что печенеги, торки и половцы представляли некогда одно племя, кочевавшее в Азии. Из него же вышли и турки, сельджуки и османы[213]. Новейшие исследования, основанные

на рассмотрении остатков языка куман, сохранившихся в куманском словаре, приводят к тому же заключению. Он издан был дважды. Первый раз господином Клапротом в 1828 г. и вторично в 1880 г. — господином Кууном. Об открытии этого куманского словаря рассказывает нам господин Клапрот. «Пробегая, — говорит он, — биографию Петрарки, составленную Томазини, я нашел, что между манускриптами, назначенными знаменитым поэтом для Венецианской республики, был Alphabetum persicum, cumanicum et latinum, написанный в 1303 г.». Клапрот считает автора словаря негоциантом[214]. Господин Куун думает, что словарь мог быть составлен каким-нибудь миссионером[215].

На основании того, что этот словарь составлен в 1303 году, т.е. уже тогда, когда половцев в южнорусских степях не было, является сомнение, действительно ли он сохранил нам остатки куманского языка, или его надо считать словарем татарским или ногайским, а название «куманский» просто географическим[216]. Но если наш словарь и составлен в 1303 г., то это не значит, что он тогда же был и записан. Несомненно, что словарей таких должно было быть много, и их начали составлять весьма давно. Словарь Петрарки мог быть составлен на основании уже накопившегося материала. Мы говорили, что среди русских людей еще в X столетии встречались знающие печенежский язык. Сношения с кочевниками, постоянные договоры заставляли русских записывать главные слова, необходимые выражения. Византийцы принуждены были делать то же. Еще в X в., по словам Константина Багрянородного, ежегодно посылался к печенегам апокризиарий; к печенежским князьям отправлялись письма[217].

Особенно частые сношения происходили между нашими кочевниками и херсонитами. В Херсоне останавливались на пути в Печенегию императорские послы[218]. Сношение с варварами было специальностью херсонцев[219]. Все эти факты неизбежно заставляют предполагать существование у византийцев словотолковников этих языков. От византийцев ими могли воспользоваться и генуэзцы, которые в 1178 г. добились от императора Мануила подтверждения свободы их торговли по Черному морю и на северных его берегах[220], которые тогда уже были заняты половцами. Но западноевропейцы также изучали

языки интересующих нас племен. Так мы имеем полное право предположить, что Брунон, бывший на проповеди у печенегов, знал хоть немного их язык. Чтобы сказать, как Плано Карпини, что бисермины говорят команским языком, и Рубруквис, что корень этого языка находится у уйгуров, — для этого *нужно знать половецкий язык*, предварительно ознакомиться с ним. Братья Проповедники и Миноритьі постоянно вращались в степях. Несколько их во второй половине XIII в. отправились даже отыскивать Великую Венгрию и знали команский язык[221]. В собрании церковных законов Венгрии есть правило — понуждать монахов ордена св. Доминика и св. Франциска Ассизского, чтобы они изучали прежде всего *куманский язык*. В летописях ордена Миноритов какой-то миссионер говорит: «Я же, предпринявши намерение (идти на проповедь), прежде решил изучить язык страны и с помощью Божией *изучил язык куманский и литературу уйгурскую*, которыми пользуются во всех тех странах»[222].

Из всех этих фактов вывод может быть только один: словари существовали с давних пор; мало этого, было знакомство весьма основательное с тюркскими языками. Кроме того, мы должны обратить внимание на одно обстоятельство. Мы находим в языке словаря Петрарки несколько слов, заимствованных из греческого языка, например *fanar* = φανάριον (фонарь, светильник), *kalam* =κάλαμε (тростник), *taus* = ταώς (павлин), *limen* = λιμν (гавань), *kilisia* = ἐχχλησία (собрание)[223]. Раз только эти слова попали в половецкий словарь, составленный иностранцами, то, очевидно, они «были вполне употребительны у половцев, вошли в их речь. Татары с Византией особенно тесных сношений, по крайней мере до XIV в., не имели. Переход же слов из одного языка в другой обусловливает давнее и продолжительное соседство. Укажем еще на *törä* = закон (очевидно, от Тора = пятикнижие), *Sabatcum* = день субботы, перешедшие к половцам от хазар-иудеев; на *ixba* = изба, *peč* = печь, *kones* может быть = куны (в переводе господина Кууна = *argentum*, серебро) — взятые у русских славян[224]. Трудно допустить, чтобы в короткое время до 1303 г. татары могли внести в свой язык столько иностранных слов, а мы, наверно, знаем еще не все. Придется, как нам кажется, скорее вывести заключение, что эти заимствования сделаны народом, давно жившим в наших степях и имевшим весьма

Половецкие каменные изваяния из Краеведческого музея г. Краснодара

продолжительные сношения с русскими, византийцами и херсонитами. Мы думаем на основании приведенных фактов, что интересующий нас куманский словарь составлен ранее XIV столетия и притом по материалам, уже существовавшим. Что до нас не дошло ни одного другого списка этого словаря, ни одного сборника половецких, печенежских, гузских слов, это еще не имеет особенного значения, ибо раньше приведенные факты доказывают, что они существовали.

На Руси, несомненно, были записи тюркских слов. Это подтверждается отрывком словаря, найденного кн. Оболенским в Августовской книжке Читей-Миней Макария[225]. По сличении этого словаря с Codex Cumanicus придется, кажется, признать, что и тот и другой дают нам остатки одного и того же языка[226]. Стало быть, и у русских делались записи половецких слов.

Авезак на основании первого издания куманского словаря признал тождество языков тюркского и куманского[227]. В 1871 г. Весслер, а в 1876 г. Блау окончательно пришли в заключению, что *куманский язык есть язык тюркский*. Ближе всего, по мнению господина Блау, он стоить к восточно-турецкому[228]. Повторим теперь наши выводы.

1) *Печенеги, торки, половцы, турки-сельджуки, турки-османы представляют одну семью тюрков.*

2) *Все они ветви одного племени, кочевавшего некогда в областях Центральной Азии.*

3) *Гузы суть торки наших летописей.*

4) *Гипотеза: племя, из которою выделились все эти колена, могло быть гузы, кочевавшие в IX и X вв. в арало-каспийских степях.*

РУСЬ И КОЧЕВНИКИ

...и опустоша села наша и городе наши... нивы
порожьше стоят зверем жилища быша.

Ипат. лет. 165—166.

Тогда по Рустей земли ретко ратаеве кикахуть,
не часто врани граяхуть трупия себе деляче,
а галици свою речь говоряхуть, хотять полетети на уедие.

Слово о полку Игореве. Хр. Аристова. 1260

Мы не знаем, когда выдвинулись печенеги из Азии в Европу. Вполне известно только, что в IX в. они занимали уже область между Волгой и Яиком. К югу от них простиралась Хазария, к востоку жили узы, за рекой Уралом, а к западу, вероятно, между Волгой и Доном, кочевали венгры[229]. Во второй половине этого же столетия на восточных окраинах степи начинается движение. Начало ему дал союз хазар с узами. Они соединенными силами стали теснить печенегов[230]. Повод этой коалиции остается неизвестным. Можно только предполагать, что печенеги тревожили своими набегами области Хазарии, мешали свободному движению караванов, направлявшихся в Хорезм[231]. Печенеги были вытеснены из своей области и при своем движении столкнулись на западе от Волги с кочевьями венгров. Последние были не в состоянии выдержать натиска врагов, гонимых соединенными силами хазар и узов, и подвинулись к Днепру[232].

Удаление венгров из южнорусских степей совершилось не вдруг[233]. После первого отступления с берегов Дона они остановились на неко-

торое время в области рек Днепра, Буга и Ингула. Затем произошло вторичное движение под давлением печенегов, после чего венгры заняли местность в бассейне рек Днестра, Прута, Серета. Но и здесь в 892 г. на их кочевья, в отсутствие главных сил, сделали набег их враги и заставили окончательно убраться в Паннонию.

Во все продолжение IX в. и до 968 г. печенеги не тревожили Русской земли. Это, может быть, объяснимо как тем, что им нужно было время, чтобы окончательно разделаться с венграми, так и тем, что на Руси было спокойно, не начиналось еще той внутренней борьбы, которая уже при Владимире Святом и Ярополке дала возможность кочевникам вмешаться в дела русских и увидеть их слабость. В 915 г. печенеги заключили с Игорем мир, а в 944 г. они, как наемное войско, участвуют в походе русских на Грецию[234]. В это время они заняли уже все пространство степей от Дуная до Дона. Племена или колена, на которые разбивался весь народ печенежский, заняли разные местности. Около Хазарии, Аллании и на границах Херсона расположились колена Тзур, Кальпее, Талмат и Зоспон. На правой стороне Днепра кочевали другие четыре улуса, из которых на границах Болгарии помещалось племя хопон; гюла соседило с венграми, харобое с Русью, а эртем было погранично с уличами[235]. Таким образом, граница Печенегии с востока шла правым берегом Дона; с севера она никогда прочно не устанавливалась и только приблизительно может быть проведена от устья реки Воронежа через Донец ниже теперешнего Славянского, затем проходила к Днепру по сухопутью, вероятно, по линии лесов, следовательно, к югу от Орели и Самары, затем перерезывала реки Ингул, Буг и Днестр, также сообразно с границей распространения лесов; с юга было Азовское море, Перекопский перешеек, берег Черного моря и Дунай до Силистрии. Однако же мы имеем основание предположить, что устье как Дона, так Днепра, Днестра и Дуная не было занято печенегами. Доказательства этому мы увидим при дальнейшем изложении.

Начиная с 60-х годов X столетия начинается упорная борьба Руси с печенегами. В 968 г. они осадили самый Киев и едва не принудили его сдаться. В это время, как известно, Святослав был в Болгарии. Только появление северянского воеводы Претича с небольшой дру-

жиной, которую печенеги приняли за передовой отряд войска Святослава, спасло город. Печенеги были разбиты явившимся из Болгарии Святославом[236].

Занятый делами на Дунае, он не заботился об охране Руси. Благодаря этому кочевники действуют смелее и смелее. Они заняли самую важную местность по течению Днепра — его берега около порогов, и сильно затрудняли сообщение Руси с Черным морем. Сам Святослав был окружен печенегами при обходе порогов и убит в 978 г.[237]

Усилению кочевников начинает способствовать самый ход политических событий на Руси. С последних лет княжения Святослава являются зачатки удельного порядка. Напрасно было бы думать, что творцом его был Ярослав, что удельный период начался только со смертью последнего. Такой порядок присущ всему славянству, и у нас, на Руси, он с началом государственного устройства только изменил свой характер, найдя точку опоры в княжеской семье. Стремление к автономному существованию мелких ветвей племени, не говоря уже о целых племенах, желание иметь своего князька было искони у

Смерть Святослава у Днепровских порогов от печенегов. Миниатюра из Радзивилловской летописи

всех славян, возьмем ли мы поморских или дунайских, или чехов и моравов. Под властью Олега, представителя государственной власти на Руси, были племенные князья, носившие название «светлых». Мы говорим это, между прочим, только желая указать на неправильность, по нашему мнению, полагать начало удельного периода с 1054 г. Уже после смерти Святослава в 972 г. начинается борьба между князьями, посаженными в Киеве, Новгороде и земле Древлянской. С течением времени борьба разрастается, и соседи-кочевники играют в ней немаловажную роль.

Первое участие печенегов в делах Руси относится к 980 г. Подущаемый киевскими боярами, Ярополк присоединил область древлян снова к Киеву. В этой борьбе погиб Олег. Тогда зашевелился Новгород против стремлений киевского князя, во главе со своим Владимиром. Ярополк не успел призвать печенегов, хотя слуга его Варяжко и советовал ему бежать к ним. После смерти своего господина, изменнически убитого Владимиром Святым, Варяжко бежал к печенегам и с их помощью долго боролся против нового киевского князя. Силой не удалось справиться с этим энергичным человеком, и Владимир «одва приваби и, *заходив к нему роте*»[238].

При Владимире Святом еще большее число областей получает князей; земли Новгородская, Ростовская, Полоцкая, Владимиро-Волынская, Древлянская, Муромская, Тьмутараканская розданы сыновьям киевского князя. Делая уступку племенам, Киев думал, что члены одной княжеской семьи будут прочными связями областей с центром государства. Но чем далее, тем более эти областные князья сливают свои интересы с местными, и первый новгородский князь, Ярослав, обнаруживает неповиновение киевской центральной власти, отказавшись вносить установленную дань. Новый князь, понявший, что стремление областей к обособленности находит себе точку опоры в самой княжеской семье, решился принять энергичные меры для ее устранения. Это был Святополк, человек с точки зрения нравственной и христианской, пожалуй, «окаянный», но с государственно-централизационной — умный и энергичный. Хорошо понимая, что братья добровольно не покинут своих областей, с которыми сжились, он решился отделаться от них другим способом: избить их. Борис,

Битва Ярослава Мудрого со Святополком Окаянным и печенегами в 1019 г. на берегу Альты. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Глеб и Олег погибли жертвами целей Святополка, но Новгород с Ярославом не дал возможности киевскому князю осуществить своих планов. Киев в открывшейся борьбе с Новгородом опирается на печенегов. Вместе со Святополком они были разбиты у Любеча в 1016 г., затем, в 1018 г., мы видим их на службе в войске Болеслава Храброго, когда он явился на помощь своему зятю, Святополку. Еще раньше, в 1017 г., они по его побуждению сделали нападение на Киев. Наконец, в 1019 г. печенеги потерпели страшное поражение вместе со сторонниками Святополка на реке Альте[239].

Этим и заканчивается роль печенегов в политических событиях Руси. Но борьба с ними продолжалась непрерывно и в промежутках времени между усобицами.

Из их самостоятельных набегов в княжение Владимира Святого первый относится в 993 г. Они двигались со стороны реки Сулы. На реке Трубеже, около Переяславля, произошла их встреча с русскими. Печенеги были разбиты. Известна легенда о богатыре русском Яве Усмошвеце, явившаяся следствием этой победы и в различных переделках сохранившаяся у народа до настоящего столетия. Мы будем иметь случай далее поговорить о народных преданиях. В 996 г. печенеги разбили киевского князя у Василева в едва не захватили его в плен: Владимиру удалось спрятаться под мостом. Окрестности Киева

потерпели опустошение и в 997 г., когда печенеги осадили Белгород, который избежал разграбления, по словам предания, только благодаря находчивости старшин, убедивших печенегов в неистощимости своих колодцев киселя и меда, при которых они могут вечно сидеть в осаде. Почему печенеги отступили, мы не знаем, но они не взяли Белгорода[240], а Русь могла бы смеяться, что «Печенези киселя бегають».

Но дело не ограничилось этими двумя набегами. При Владимире Святом борьба с печенегами «бе, по выражению летописи, бесперестуна». По известию нашего источника, борьба эта шла успешно для Руси. В X в. начинается укрепление границ ее городами. «И нача ставити (Владимир) города по Десне, и по Устрьи, по Трубешеви, и по Суле и по Стугне»[241]. Если мы бросим взгляд на карту, обратим внимание на направление течения рек Сулы и Трубежа, то увидим, что они действительно могли служить самыми удобными стратегическими линиями для защиты Руси в то время. Обе эти реки совершенно замыкают территорию Переяславского княжества: их верховья находятся в Черниговской области, а впадают они в Днепр. С постройкой городов являлось два ряда укреплений. Предполагалось, как видно, что, прорвавшись через первую линию, кочевники должны будут остановиться у второй. С юго-востока Киев был таким образом защищен, а только его безопасность и имелась в виду Владимиром Святым. «Се не добро есть мало городов около Киева»[242], — говорит он. С этой целью он делает к югу от Киева засеки, и так называемый Змиев вал, сохранившийся и до сих пор, представляет, кажется, остатки воздвигнутых Владимиром земляных укреплений[243]. Все остальное пространство земель, принадлежавшее подчиненным киевскому князю племенам, оставлялось на произвол судьбы. Племя уличей и тиверцев, как самое крайнее, должно было подвергнуться наибольшей опасности.

Может быть, холодное равнодушие киевских князей к судьбе их обусловливалось установившимися политическими отношениями этих племен к Киеву. Мы имеем полное право предполагать, как сказано выше, что уличи и тиверцы по культуре стояли выше других русско-славянских племен. Поэтому они с большим успехом сопротивлялись притязаниям Киева. Мы находим даже в летописи интересный факт, заставляющий признать их единственно самостоятельными

племенами в то время, как другие платили дань кому-нибудь. Летопись несколько раз повторяет, что поляне, северяне, радимичи и вятичи были обложены данью в пользу хазар[244], но нет в ней ни одного упоминания, ни одного намека, что тому же подвергались уличи и тиверцы. Одно за другим без особенного сопротивления подчиняются племена Киеву, и только уличи и тиверцы оказывают противодействие. «И бе обладая Олег деревляны, — говорит летопись, — полянми, радимичи, а со уличи и тиверцы имеяше рать»[245]. Мы встречаем только раз участие этих племен в походах русских князей, и то в качестве союзников, а не подчиненных, именно в походе Олега 907 г., но и то только одних тиверцев[246]. Далее нет никаких упоминаний ни о последних, ни об уличах. Очевидно, они не участвовали в общерусской жизни, своими силами должны были бороться с нахлынувшими врагами.

Но эта постройка городов не вполне удовлетворяла своей цели и защиты Киева. Печенеги, как позже половцы, прорываются сквозь линии этих укреплений. Неудобство близости к Киеву пограничной линии по Стугне осознал уже Ярослав. Он сильно подвинул ее вперед, избрав для ее проведения берега Роси. В 1031 г. он поселил здесь пленных ляхов, а в 1032 г. «нача ставити городы по Руси»[247].

Приблизительно около этого времени на востоке степей начинается новое движение. Из-за Яика надвигаются новые враги, половцы[248]. Они начинают теснить торков, которые под их давлением стремятся с берегов Волги и Дона на запад. Это племя, судя по имеющимся фактам, не отличалось особенной дикостью и воинственностью. Прогнав в союзе с хазарами печенегов с берегов Дона, оно, по своему миролюбию, позволяет части последних остаться на старых кочевьях в собственной области[249]. Не слышно и о его набегах на соседей. Единственное известие, говорящее об этом, принадлежит Массуди: он рассказывает, что при соединении двух рукавов хазарской реки хазары построили крепость, в которой постоянно находился гарнизон для удержания кочевых народцев, особенно узов, которые преимущественно зимой, переходя по льду, делают набеги на области Хазарии. Иногда царь хазарский бывает принужден являться на помощь своему укреплению[250]. Очевидно, ослабевшая Хазария не могла уже справиться и со своими прежними союзниками. Походы Святослава

подорвали ее силы. Но это известие Массуди, насколько нам известно, стоит одиноко. Нет также ни одного указания на борьбу торков с печенегами в X в. Это доказывает, что они не думали прорываться далее на запад и спокойно кочевали в области Волги и Дона. И последующая их судьба показывает, насколько это племя не подходило к печенегам и половцам по воинственности и страсти к грабежам и опустошениям. Узы-торки быстро осаживаются в Византии и на Руси, в скором времени делаются полуоседлым населением. Только в XI в. мы видим их в борьбе с печенегами. Русским это племя стало известно в X в., потому что в 985 году торки являются уже союзниками Владимира Святого в его походе на волжских болгар[251]. Теперь под давлением половцев они подвигаются на запад. Главное ядро торко-узского племени потеснило печенегов, которые в последний раз напали на Русь в 1034 году. Они осадили самый Киев, на выручку которого подоспел Ярослав из Новгорода с силами его и наемных варягов. Страшная битва произошла, по словам летописца, на том самом месте, где впоследствии была выстроена Святая София. Печенеги были разбиты наголову; много их погибло в реке Сетомле. Это была последняя битва, ибо, как говорит летопись, печенеги «погибоша, а прок их пробегоша и до сего дни»[252]. В степях около русских границ они не могли уже удержаться: в это время к пределам Руси подвинулась главная масса торкского племени. Печенеги бросились на юго-запад и заняли область между Днепром и Дунаем. Тут происходит борьба между ними и узо-торками, неудачная для первых благодаря внутренним неурядицам, начавшимся среди печенежского народа.

В это время печенегами правил Тирах, человек благородный, но не воинственный. Он не только не осмеливался выйти против узов, но и старался прятаться от них в болотистых местах *на нижнем течении Дуная*. Между тем борьба была неизбежна. Тогда защиту соотечественников принял на себя некто Кеген, человек, по рассказу Кедрена, темного происхождения, но искусный в военном деле. *Он не раз отражал узов*, чем приобрел себе глубокое уважение у земляков. Тираху, конечно, не нравилось это, и он решил отделаться от опасной для него личности. Он послал отряд, чтобы взять Кегена, но последний успел вовремя скрыться *в Днепровские болота*. Ему удалось затем склонить

на свою сторону два печенежских колена. С ними он вступил в открытую битву против одиннадцати улусов, предводимых Тирахом, и был разбить наголову.

Видя беду неминучую, Кеген явился *у Силистрии*, изъявил ее коменданту свое желание принять подданство Византии и с почестями был принят в Константинополе[253]. Приведенный эпизод важен потому, что проливает свет на положение печенежского народа после 1034 г., когда сведения о нем в вашей летописи прекращаются. Мы видим отсюда, что печенеги занимали в это время степи от устья Днепра до Дуная. Обнаруживается также, что торки-узы уже тогда придвинулись к границам Руси и занимали степи на восток от Днепра. В 1055 г. они в первый раз обрушились на территорию Переяславского княжества, с чем имеет несомненную связь факт появления половцев. «Того же лета», т.е. 1055-го, тотчас после отражения торков от границ Переяславского княжества, «приходи Болушь с половци и сотвори Всеволод мир с ними, и возвратишася половци вьсвояси»[254]. Дело кончилось так на этот раз потому, что отряд Болуша, как можно думать, был только передовым. Для успешных нападений на Русь надо было придвинуться всей массой к ее границам, а для этого приходилось вытеснить из южнорусских степей торков. Но, очевидно, что половцы в это время успели уже утвердиться в бассейне Волги и Дона.

Гонимые половцами торки должны были еще с большей силой обрушиться на печенегов и Русь. В это время начинается переселение печенегов к Дунаю и за него. Первый, как мы видели, перешел на Балканский полуостров Кеген, по известию Кедрена, с 20 000, а за ним и Тирах с 80 000[255]. Русским князьям снова пришлось в 1060 г. двигаться на торков на конях и в лодьях по Днепру. Это племя потерпело окончательное поражение и бросилось вслед за печенегами на юго-запад[256]. Вся восточная часть степи от Днепра до Волги перешла во власть половцев. Только небольшой остаток узов-торков с незначительной примесью печенегов уцелел еще на некоторое время на правом берегу Дона. Что половцы были уже полными хозяевами всей указанной местности, видно из летописных данных. В 1061 (1063 г.) они сделали набег на Русь и разбили Всеволода. В 1068 г. князья Изяслав, Святослав и Всеволод потерпели страшное поражение на Альте,

а с 1071 г. начинаются постоянные опустошения русских областей[257]. Между тем торки в 1064 г. являются на Дунае и переходят через него. Но старые враги — печенеги, эпидемические болезни доконали окончательно это и без того слабое и разгромленное племя. Часть его принимает подданство Византии, другая было попыталась снова осесть у русских границ, но, будучи в 1060 г. разгромлена Мономахом[258], теряет свою самостоятельность и в последующее время является как военное пограничное поселение Руси.

Теперь нашим предкам приходилось иметь дело с более опасным и сильным врагом. Если Русь сравнительно мало потерпела от соседства печенегов и торков, то это нужно приписать только благоприятным обстоятельствам. Как мы видели, в конце X и начале XI в. борьба с печенегами доходила до большого напряжения, князьям приходилось устраивать линии укрепленных городов, но сзади этого кочевого племени стояли его близкие родичи торки, а со второй половины XI в. двинулись и половцы. Взаимная борьба этих племен давала Руси возможность с некоторым успехом отстаивать свои границы, защищать свои поселения. С удалением печенегов и торков для половцев не было более соперников. Они одни всецело являлись господами южнорусских степей и могли совершенно свободно располагать всеми своими силами на пагубу Русской земле, раздираемой усобицами. Не проходит ни одного года, когда бы не горели русские села и города. Пользуясь своей многочисленностью, раскинутостью границ Руси, они в одно и то же время появляются на разных пунктах, не дают возможности собрать сил для защиты угрожаемого поселения. В 1092 г., например, они разными отрядами являются в одно время и на Удае, где берут Прилуки, и у Днепра, где той же участи подвергаются Переволочна и Песочен[259]. В 1096 г. в мае месяце Боняк разорил окрестности Киева, Куря-Переяславля, а Тугорхан вслед затем осадил самый Переяславль[260].

В 1172 г. половцы явились у Песочного и Корсуня. Пока Глеб Юрьевич договаривался о мире со стоявшими на левой стороне Днепра, половцы от Корсуня двинулись быстро к Киеву и ограбили все кругом него[261]. В 1184 г. в одно и то же время Кончак напал на Переяславль, а Кза на Посемье. В 1187 г. часть половцев грабила Поросье,

Сражение под стенами Чернигова черниговского пешего ополчения с дружиной Андрея Юрьевича Владимирского и половцами. Миниатюра из Радзивилловской летописи

а другая навещала Черниговскую область[262]. Не было, таким образом, никакой возможности ни предугадать набегов, ни принять каких бы то ни было мер для защиты населения. Быстрота, с какой делались эти набеги, прекрасно характеризована византийским оратором XII в. Евстафием Солунским: «В один миг половец близко, и вот уже нет его. Сделал наезд и стремглав, с полными руками, хватается за поводья, понукает коня ногами и бичем и вихрем несется далее, как бы желая перегнать быструю птицу. Его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз»[263]. Русские князья, сознавая свое бессилие предупредить вторжения, стараются только отбить пленных и награбленное имущество. Редко удавалось князьям настичь половцев в прямом преследовании, а потому они употребляли другой маневр. Если половцы грабили на Суле, то ближайшие русские отряды, не показываясь врагам, переходят реку где-нибудь в другом месте или идут к реке Псле и стараются незаметно перерезать им обратную дорогу. Этот способ защиты населения, спасения жителей от тяжкого плена был самый действительный. Так, когда половцы разграбили окрестности Киева в 1172 г., то Михалко с берендеями двинулся им навстречу с Поросья.

Вскоре они встретили врагов и разбили их, отняв весь полон. В 1174 г. Игорь Святославич, узнав, что половцы грабили у Переяславля, переправился через Ворсклу у Лтавы, встретил их и заставил бросить пленных. В 1179 г. Кончак опустошал окрестности того же несчастного Переяславля. Узнав об этом, Святослав Всеволодович, стоявший у Триполя, двинулся отсюда быстро за Сулу и стал напротив Лукомского городища. Половцы бежали[264].

В этом случае главным образом помогала русским неприготовленность врагов, шедших с множеством скота и пленных без всякого боевого порядка. В таких случаях половцы или были биты и полон освобождался, или успевали вовремя скрыться, как видно из последнего примера. Да и подобный маневр возможен был только тогда, если князья случайно узнавали о производимых где-нибудь половцами опустошениях.

Игорь Святославич выехал с отрядом за Ворсклу из своей области, не имея в виду, что Кобяк и Кончак свирепствуют в Переяславском княжестве, и только случайно, захватив половцев, делающих разведки, узнал от них о набеге. Пока в 1179 г. явился вестник из Переяславля о грабежах Кончака к Святославу Всеволодовичу, то половецкий князь успел уже ускользнуть со всей добычей. Если же князья бросались в погоню, то случалось, что половцы успевали приготовиться, оборачивались и разбивали преследующий отряд. Например, в 1177 г. они напали на Поросье и взяли шесть берендейских городов. Русские настигли их у Растовца, «и половцы оборотившися победиша полкы Руськее, и много бояр изъимаша, а князе въбегоша в Ростовець»[265]. Таким образом, редко удавалось спасти души христианские от рабства, а тем более защитить население от неожиданных набегов. Главная цель вторжений состояла именно в том, чтобы захватить как можно более пленных, но при этом кочевники старались и как можно более расчистить себе дорогу для своих дальнейших предприятий уничтожением городов и сел.

Стремление обратить все в широкую пустыню, в которой вольно и свободно дышалось степному наезднику, проявляется везде. Так с переправой половцев за Дунай вслед за татарским погромом Македония в короткое время окончательно лишена была жителей и стала

пустой страной. Вполне справедливо Никита Акоминат называет половцев крылатой стаей, налетающей на землю и опустошающей ее чище саранчи[266]. Года не проходило, чтобы какая-нибудь местность Руси не была обращена в пустыню. В 1092 г. половцы взяли Прилуки, Песочен, Переволоку и сожгли массу сел по обеим сторонам реки Сулы. В 1093 г. сожгли Торческ. В 1095 г. они подвергли той же участи Юрьев, хотя и оставленный жителями. В 1096 г. половцы сожгли Устье[267], а в 1110-м много сел у Переяславля. В 1138 г. они пожгли Курскую область. В 1139 г. взяли Пирятин, пожгли много сел у Переяславля, монастырь Борисоглебский и св. Савы. В 1177 г., как мы уже видели, половцы захватили шесть берендейских городов на реке Роси. В 1185 г. разорили и сожгли села у Путивля и самый острог этого города, а в Переяславской области — взяли все города по Суле[268]. Насколько Русь терпела урон в людях, уводимых в плен или избиваемых, показывают следующие данные. Взявши город Торческ в 1093 году, половцы разделили всех его жителей и повели в свои вежи. Во время взятия Олегом Чернигова «много хрестьян изъгублено бысть, а другое полонено бысть, и расточено по землям».

Много пленных вывели кочевники из Курской области в 1139 г. В 1171 г. они увели много жителей, хотя и неизвестно, из какой области. В 1172 г. половцы около Киева «взяша села без учьта, с людми и с мужи и с женами, и коне, и скоты и овьце, погнаша в Половце». То же самое произошло и в 1173 г. «Концак приехавше к Переяславлю, за грехы наша, в 1179 г., много зла створи крестьяном, иних плениша, а инии избиша, множайшия-же избиша младенець». В 1210 г. половцы снова вывели много пленных из Переяславской области[269].

Мы берем только главные факты, но остается еще большое число известий о набегах, которые перечислять было бы чересчур утомительно. По нашему счету всех набегов, совершенных половцами самостоятельно без княжеских приглашений, произошло, в период от 1061 по 1210 г., 46. Из них на долю Переяславского княжества приходится 19, на Поросье — 12, на Киевскую область — 4, на Северскую область — 7, на Рязань — 4. Но не должно забывать, что рядом с такими независимыми предприятиями половцев стояли их походы в русские области по призыву того или другого князя, сопровождав-

шиеся не менее тяжкими опустошениями. Несомненно также, что летопись упоминает только о выдающихся набегах, опуская или даже не зная о грабежах мелких половецких загонов.

Мы приводили факты сожжения сел и городов, увода в плен жителей, пусть же теперь современник первых набегов сам расскажет нам о народных бедствиях, которых он был очевидцем. Картину, полную страшного трагизма, рисует он перед нами. «Створи бо ся плачь велик у земле нашей и опустеша села наша и городе наши, и быхом бегающе и перед враги нашими». «Ибо лукавии сынове Измаилове пожигаху села и гумьна, и мьноги церкви запалиша огнем... овии ведутся полонение, а друзии посекаеми бивают, друзии на месть даеми бывают[270], и горькую приемлюще, друзии трепещуть зряще убиваемых, друзии гладом умориваемы и водною жажею... ови вязани и пятами пьхаеми, и на морозе держими и вкаряеми... мучими зимою, и оцепляеме у алчбе и в жаже, и в беде побледевше лици и почернивше телесы; незнаемою страною, языком испаленом, нази ходяще и босе, ногы имуще избодены терньемь. С слезами отвещеваху друг-другу, глаголюще: “аз бех сего города”, а другии: “аз сего села”; и тако свопрошахуся со слезами род свой поведающе… “Согрешихом и казнимы есмы, яко согрешихом, тако и стражем: и граде вси опустеша, и переидем поля, идеже пасома быша стада, коне, овце и волове, се все тще ныне видим, нивы порожьше стоят, зверем жилища быша»[271].

Какая характеристика набегов может стать рядом с этой простой, полной глубокого чувства, картиной народных бедствий. Вся эта масса пленного христианского люда или обращалась в рабов в вежах половецких, или, как товар, шла по разным странам юга и востока. Еще писатель X века Ибн-Гаукаль рассказывает, что Джурджание был рынок живого товара, в состав которого входили и славянские рабы[272]. Эта дорога, по которой шли русские люди, навсегда покидая родную землю, не изменилась, конечно, и во времена господства в степях половцев. Этим путем снабжались русскими рабами рынки Центральной Азии.

Другая дорога вела в Крым, где главными пунктами торговли подобным товаром можно, кажется, считать Судак и Херсонес. Мы имеем известие, что в последнем городе скупкой рабов занимались

евреи[273]. Но прежде чем быть проданными, пленные некоторое время оставались в вежах, в ожидании себе покупщика или выкупа со стороны русских. Мы знаем только один случайный факт выкупа на поле битвы. В 1154 г. Изяслав Давидович, после бегства Ростислава и Мстислава под Черниговом, выручил многих из их дружины, попавших в руки половцев. Обыкновенно же приходилось родственникам отыскивать своих родных по половецким кочевьям. Выкупить пленного считалось богоугодным делом, и потому частные лица являлись иногда в вежи и освобождали своих земляков от тяжкого рабства. Мы видим пример такого великодушия в старании некоего христолюбца выкупить инока Никона, который, как кажется, был освобожден потом своими родственниками или отбит каким-нибудь русским отрядом[274].

Ценность выкупа соразмерялась с общественным положением пленника на Руси. Так, по рассказу летописи, на какого-то Шварна, захваченного за Переяславлем, половцы «взяша искупа множьство»[275]. Конечно, более знатные и богатые пленники были долее удерживаемы в вежах, а те, на выкуп которых половцы не могли скоро надеяться, или если он ожидался в незначительном размере, шли на рынки и рассеивались по лицу земли на юге и востоке, а, может быть, и на западе. Из раньше приведенного рассказа летописи, рисующего картину разорения, мы имели случай видеть тяжкое положение пленных. Многие из них не выносили постоянных передвижений за вежами в оковах; от жажды, зноя или холода они умирали в большом числе. Так из пятидесяти пленных, захваченных однажды половцами в Киеве, через десять дней остался только один инок Евстратий[276]. Надо, однако, сказать, что русские не уступали нисколько своим врагам в обращении с попавшимися к ним в руки. Даже тех, на выкуп которых можно было надеяться, держали в оковах, как это видно из сказания о пленном половчине. Рабы покупались на золото; таким же образом, кажется, русские выкупали и своих земляков, но половчин приносил за свое освобождение товар, который ценился на Руси: он пригонял табун лошадей, а может быть, и другого скота[277]. Иногда случалось, впрочем, что русские отряды при своих нападениях на вежи половецкие, освобождали соотечественников, но это бывало нечасто. Мы знаем факт освобождения христиан на Угле и Самари в 1151 г. Мстиславом

Изяславичем и в 1170 г. почти на том же месте во время большого похода князей на половцев. Можно предположить, что то же самое происходило при всех движениях русских в глубь степей половецких. Но количество выкупаемых или случайно освобождаемых русскими отрядами было каплей в море сравнительно с числом продаваемых в рабство. Бедствия народные от этого нисколько не облегчались.

Мы раньше привели числовые данные, указывающие на распределение набегов по областям. Эта неравномерность зависела главным образом от географического положения земель, но была тут, как нам кажется, и другая причина. Бросив взгляд на карту, мы увидим, что княжество Переяславское бóльшим протяжением своих границ примыкает к степям. Киевская область с юго-востока ограждена Переяславлем, а с юга военными поселениями черных клобуков. Сильно раскинута была граница земли Северской. Но область собственно Черниговская защищена с юга, а с востока ее оплотом служило княжество Новгородсеверское.

За все время от появления половцев в степях до 1224 г. мы видим на нее только три самостоятельных набега. Первый из них имел место после страшного поражения князей на Альте в 1068 г., когда половцы добрались до реки Снови, второй — во время княжения Владимира Мономаха в Чернигове (1078—1094 гг.): кочевники разорили волость Стародубскую и Новгородсеверскую, и третий в 1187 г. Разорение Черниговской области было не меньше, чем других княжеств в удельный период, но главным образом здесь причиной были княжеские усобицы. Кочевники весьма часто были приглашаемы то тем, то другим князем Чернигова, и Святославичи довели свою область до сильного обезлюдения. Уже в 1159 г. Святослав Ольгович жалуется на запустение городов Любеча, Моровска, Оргоща и Всеволожа[278]. Но, повторяем, причина этого факта лежит вовсе не в половецких набегах: их на Черниговщину почти не было. Удары кочевников приходилось выдерживать княжеству Новгородсеверскому, южные границы которого были обращены в сторону половецких кочевьев. Точно так же отчасти с южной и юго-восточной стороны оплотом Руси служило княжество Рязанское. Мы видим все-таки сравнительно незначительное число набегов на эти обе области. Это объясняется спосо-

бом защиты и отношением к кочевникам в разных областях Русской земли. Общими предприятиями всех князей в борьбе с половцами являлись только большие походы в глубь степей, да и то не всегда, и не все князья принимали в них участие[279]. Защита же своих границ, своего населения предоставлялась силам каждой области и энергии ее князей. Мы и хотим теперь поговорить о способах, какими каждая область вела свою самозащиту, и об отношениях к кочевникам в разных местностях земли Русской.

Несомненно, на больший или меньший успех обороны оседлого населения против кочевого врага сильное влияние оказывает географическое положение и характер местности. Поэтому мы постараемся сделать небольшой географический очерк области к востоку от Переяславского княжества.

К востоку от Рязанской области простирались Мордовские дебри[280], которые предохраняли от набегов половцев. В границах этого же княжества начинался Дон, который, постепенно уклоняясь к юго-востоку, образует в земле Войска Донского два тупых угла и стремится затем на юго-запад. Для нас важно его среднее течение, когда он принимает с левой стороны реки Воронеж и Хопер. С правой стороны в Дон впадает река Северский Донец, имеющий несколько интересных для нас, по своему направлению, притоков. С левой стороны Донец принимает реку Оскол, течение которой почти правильное с севера на юг. Между Осколом и Доном образуется как бы дорога, весьма широкая на юге, сильно суживающаяся в середине, расширяющаяся на севере. Эту дорогу перегораживает почти поперек река Быстрая Сосна[281].

Нужно при этом заметить, что лесная растительность сосредоточивалась по обеим сторонам этого пути, особенно между реками Воронежем и Доном, и между Осколом и Донцом[282]. С правой стороны эта река принимает реку Уды, берущую начало в Курской губернии, направляющуюся сначала на юго-восток и впадающую в Донец верстах в 10 ниже Чугуева. Еще ниже, около Змиева, впадает в Донец река Мож, верховья которой сближаются с верховьями Коломака, направляющегося в Ворсклу, которая принимает его несколько ниже Полтавы. Мы видели, что берега Можа и в прошлом столетии изобиловали лесами; водораздел между Можем и Коломаком, по «Книге

Река Ворскла. Современный вид

Большого Чертежа», был покрыт лесами и болотами. Таким образом, из соединения этих двух рек образовалась природная оборонительная линия. Но для Северского княжества можно указать еще три линии с таким же характером. Самую южную представляла из себя река Мерл, текущая почти с востока на запад. Она впадает в Ворсклу. Следующая линия образуется самой Ворсклой, вершина которой заходит в Курскую губернию, и третья, самая северная, рекой Пслом. Такой характер местности более или менее способствовал безопасности Северского княжества. Но судя по фактам, правда, весьма и весьма немногим, есть возможность сказать, что Северские князья воспользовались этими естественными преградами для защиты своей области.

Необходимость заставляет нас коснуться здесь до сих пор еще спорного вопроса о городищах. Мы не находим нужным излагать здесь всех теорий относительно того значения, какое имели в Древней Руси эти сооружения, но должны только обратить внимание на тот факт, что все ученые, насколько нам известно, считали их остатками оседлой жизни, а не кочевнической. Мы видели уже примеры, что села и города, попадавшиеся под руку половцам, были разоряемы. Об этом нам говорят не только наши летописи, но и источники византийские.

Нет ни одного примера, который бы указывал на жизнь кочевника в городе. Самый образ жизни, тесно связанный с обширным скотоводством, препятствовал заведению оседлости. Мы постоянно видим кочевников в движении, причем всегда с их вежами. Нужно было кочевнику попасть в среду оседлого населения, войти в весьма тесную с ним связь, чтобы он начал отвыкать мало по малу, с большим трудом от свободной жизни в степи. Лучшим доказательством сказанного нами служит образ жизни в Поросьских поселениях черных клобуков, о чем мы вскоре будем говорить. «Половцы, — говорит господин Аристов, — не были устроителями городов и, занимая оставленные другими народами городища, не могли укреплять и отстаивать их»[283]. Мы должны сказать более: половцы никогда не занимали этих городищ или городков для постоянного житья в них, а только временно для обороны. Для нас важно мнение господина Аристова, что городища существовали раньше появления кочевников в известной местности. Повторяем, что едва ли кто сомневается в принадлежности городищ оседлому населению. Точно так же не может в настоящее время приниматься во внимание и теория господина Ходаковского о религиозном значении городищ. Количество известных и описанных городищ в настоящее время доходит до крупной цифры[284]. Из их устройства и объема вполне видно, что они имели значение оборонительных пунктов.

Иногда они окружены двойными, тройными рядами валов, что было бы совершенно излишне при той роли, какую хотел им дать Ходаковский. Вопрос, по нашему мнению, сводится теперь уже к тому, чтобы определить отличительные признаки городищ древних и позднейших. Но это-то и представляет почти непреодолимую трудность. Несомненно, земляные сооружения отдаленных веков потом служили для обороны позднейшим поселенцам и переделывались ими сообразно с обстоятельствами, например согласно требованиям нового оружия, тактике новых врагов.

И вот, встречаясь с городищем, которое по своему виду могло бы быть отнесено к числу более поздних, археолог не может тем не менее приурочить его к известному времени, ибо всегда можно предполагать, что форма его есть уже позднейшая переделка более древней.

Но и само время действует разрушительно. Оно изменяет вид городища, может придать ему ту или иную форму. Древнее по признакам городище в действительности может быть позднейшим сооружением, изменившим благодаря разным условиям свой вид. До сих пор не установлено ничего прочного в отношении этого вопроса и, как кажется, едва ли возможно какое-нибудь положительное решение. Придется, стало быть, отказаться от этих монументальных памятников старины при каких-либо исследованиях историко-географического характера? Если невозможно решение, то только общее; но что касается известного городища, взятого в отдельности, или группы городищ, то при помощи археологии и истории мы имеем право прийти к тому или иному заключению и приурочить его к какой-либо эпохе. Историк обязан обратить внимание на данные археологии и документальные источники, если они имеются для местности, где находится городище, и раз между их свидетельством и фактом существования тут земляного сооружения является связь, исследователь может смело отнести это укрепление к известному периоду истории народа, мало рискуя впасть в ошибку.

Господин Самоквасов в своем сочинении о городах Древней Руси указывает на факт существования гораздо большего их числа в домонгольский период нашей истории, чем нам известно из наших источников, приводя в доказательство известия летописи, в которых имена городов не указываются, а сообщается, например, в таком виде: «Половцы же взяша 6 городов Береньдиць и поидоша к Ростовьцю»[285]. Наши летописцы всегда называют нам местности, имена которых знают. Из приведенного известия это ясно видно: писавший знал имя одного города, именно Ростовца, — он и привел его в своем сообщении. Знай он названия шести и других городов, мы имели бы их имена. Если бы эти города были Торческ, Корсунь, Богуславль, Триполье, Неятин, то они бы и были поименованы. Кроме того, многих ли городов, названия которых нам известны, мы знаем местонахождение? Конечно, и следы большей части из них могли быть уничтожены рукою времени, но нельзя все-таки отрицать, что остатки некоторых из них в виде валов, рвов и сохранились. Можем ли мы, например, категорически утверждать, что сохранившиеся по берегам Удая горо-

дища, о которых нам сообщает Маркевич[286], не представляют собой остатков укрепленных поселений Переяславского княжества, некогда расположенных по этой реке? Из городов Поросья мы не знаем ни местонахождения Растовца, ни Неятина, ни Торческа, ни Товарова, ни Кульдеюрева, ни тех шести городов, о которых мы говорили. Между тем существует в области рек Стугны, Роси и Выси множество городищ[287]. Несомненно, какие-нибудь из них и есть остатки тех укреплений, местоположения которых мы не знаем. Мы имеем указание летописи, что уличи и тиверцы жили по городам, которые сохранялись даже в XII в. и, удивительное совпадение, по течению Днепра в прошлом столетии значатся городища. Некоторые из них сооружены неизвестно кем и когда, другие приписываются народу франков, то есть готам. Эти древнейшие укрепления строго отличаются от позднейших татарского и турецкого происхождения[288]. Весьма возможно, что это — разрушенные города двух упомянутых племен. Эти факты местонахождения городищ в тех областях, где по другим источникам некогда действительно существовали города, дает уже нам некоторое право пользоваться этого рода естественными памятниками в историко-топографических вопросах. Мы хотим сделать попытку определить границу Северского княжества со стороны половецких кочевьев, и тут немалую роль играют свидетельства этих памятников прошедших веков.

Первый пограничный город Северского княжества с землей половецкой, известный нам по летописи, это — *Вырь*. «Всеволод (Ольгович), читаем в нашем источнике, послася по половце. И приде их 7000 тысящь... и сташа у Ратмире дубровы *за Бырем*; послали бо бяхуть послы ко Всеволоду и *не пропустиша их опять*, Ярополчи бо бяхуть посадници во всей Семи... и изьимаша послы их на Локне...»[289] Очевидно, половцы, не зная положения дел, отправили сначала разведчиков, а сами остались на границе в выжидательном положении. Но вблизи от Выря мы знаем еще Вьяхан и Попашь, которые, несомненно, принадлежали к той же линии укреплений. Это видно из рассказа летописи под 1148 г. о борьбе Черниговских князей с Изяславом Мстиславичем. Союзники (Святослав и Юрий) из Курска двинулись *к Вырю*. «И оттуду идоша к *Вьяханю*, и ту не успеша ничтоже; а оттуда

идоша *Папашю* и приде к ним Изяслав Давидович, и бишася и взяша Попашь. И в то время приде к Изяславу весть к Мстиславичю, оже Бьяхань и инии городи отбилися, а Попашь взяли»[290].

С 1127 г. Курск с Посемьем принадлежали к Переяславскому княжеству, и таким образом Вырь, Вьяхань, Попашь, область реки Локни были в руках Изяслава Мстиславича. Главную силу Юрия Долгорукова и его союзников составляли половцы. Между тем, как мы видели, еще в 1127 г. кочевники, приглашенные Всеволодом Ольговичем, не могли подоспеть к нему, так как были задержаны у Выря. Очевидно, теперь Юрий и его союзники стремятся овладеть этими городками для свободных сношений с половцами. Из этого выясняется, что и эти города наравне с Вырем были пограничными. Но возможно определить положение этих городов гораздо точнее. Вот что мы читаем в царской грамоте 1704 г.: «В 180 (1672 г.) по указу Царя и В.К. Алексея Михайловича боярин и воевода кн. Григорий Ромодановский в Путивльском уезде, в 30 в. от Путивли на реке Виру, да на устье реки Крыги в угодьях Путивльцев построил город Белополье *на старом Вирском городище»*[291]. Из этого официального отрывка видно, что Белопольское городище еще в XVII в. было пустым местом, следовательно, существование укрепления или города, которого остатки оно представляет, должно быть отнесено к отдаленному периоду, когда данные области еще не были разорены татарами. Предположение, что город Вырь находился на месте села Старых или Новых Виров, отходит на второй план, ибо, по справедливому мнению преосв. Филарета, они не могут быть старее городища[292]. Нетрудно уже теперь определить и местонахождение древних Вьяханя и Попаша. Их, по мнению господина Беляева, должно искать в юго-западном направлении от Выря, «ибо, — говорит он, — по словам летописи, Изяслав Мстиславич, узнавши о походе Ольговичей, двинулся из Переяславля к Черной Могиле на соединение с братом своим Ростиславом, шедшим из Смоленска, и там условился с ним идти *к Суле*, дабы перенять дорогу стоявшим на Суле Ольговичам; а так как они были в Попаше, следовательно, Вьяхань и Попашь были, по указанию летописи, на верховьях Сулы»[293].

Если мы исследуем местность в юго-восточном направлении от Выря, то, кажется, найдем Вьяхань в городище, находящемся в 30 в.

от Белополья на юго-западе, в 5 в. от слободы Тернов, на берегу реки Терны. Этим открытием мы обязаны тому же преосв. Филарету, тщательно собравшему в свой труд все, имеющее цену для истории и исторической топографии. В акте 1638 г. это городище называется то Лехановским, то Дехановским, то просто городищем. Близость названия его с Вьяханем и близость его в Вырю, местонахождение его на дороге от Выря к реке Суле, дает право считать это городище за остаток города Вьяханя[294]. Напрасно, таким образом, господа Надеждин н Неволин думали, что в краю этом Вьяхани ничего подобного нет, а урочищ, подобозвучных Попашу, слишком много[295]. Просматривая карту Шуберта, мы не нашли там подобных урочищ, но речек, носящих имя Попадьи, отыскалось три. Одна из них впадает в реку Локню, протекая на расстоянии 2-х верст от города Суджи, другая — в реку Вырь в таком же расстоянии от Вирского городища и третья — в Сулу, в X в. по прямому направлению на юг от Вьяханского городища[296]. Так как союзники двигались из Выря в Вьяхань, из него в Попашь, по направлению к Суле, то нельзя не признать мнения преосв. Филарета, что последний город должен был находиться при устье Попадьи в Сулу[297]. Господин Аристов, занимавшийся вопросом о походах русских князей на половцев, вполне соглашается с мнением преосв. Филарета о местонахождении городов Выря, Попаша и Вьяханя[298]. Но сверх этих укрепленных пунктов, несомненно, должны были существовать городки по Локне, где посадники Яруполка захватили в 1127 г. половецких послов. Есть две Локни: одна течет мимо города Суджи и впадает в реку того же имени к северу от него; другая протекает верстах в 13 южнее реки Выря и соединяется с ним[299]. Но так как половецким послам пришлось бы идти назад от Выря, чтобы попасть на вторую Локню, то естественнее предположить, что дело происходило на Локне, впадающей в реку Суджу[300].

Таким образом, в первой половине XII в. мы видим, что граница Северского княжества шла по реке Локне, затем переходила к реке Вырю, шла на юго-запад сухопутьем до города Вьяханя, потом до города Попаша на Суле, затем по этой реке начиналась область Переяславского княжества. Но, как кажется, на этой черте оканчивалось только сплошное население Северского княжества, далее шла, так

сказать, боевая область, с городками, наблюдавшими за движением половцев. Мы видели, что игнорировать показания таких вещественных памятников, как городища, нет повода. Ясно обнаруживается это в определении благодаря им местонахождения Выря, Попаша и Вьяханя. Между тем, бросив взгляд на карту, мы замечаем и далее особенную правильность и целесообразность в распределении других городищ, находящихся далее на юг. Река Локня впадает в Суджу, которая верстах в 5 ниже соименного ей города соединяется с Пслом. Последний, начиная от города Гадяча, идет, делая несколько изгибов, на северо-восток, перерезывая таким образом интересующую нас местность почти поперек.

И вот на этой реке городища: Липецкое, Городецкое, Михайловское, Азацкое и Каменное. Первое находится в 2-х верстах от города Сум. Оно существовало в XVI в., как это видно из росписи 1571 г.: «...а Псел перелезти у Липецкого городища, да на верх Боровни»[301]. Городецкое городище существовало еще до 1642 г.[302] Каменное значится в акте разграничения земель между Россией и Польшей 1647 года, где постановляется возвратить России Каменное городище на Псле, от Путивля едучи до Псла, на Путивльской стороне, да к тому городищу слободу Каменную. Но оно существовало и к 1642 г.[303]

Таким образом древность этих трех городищ вполне ясна: они существовали ранее нового заселения данной местности, а следовательно, укрепления, остатками которых они являются, должны быть отнесены ко времени, предшествующему татарскому погрому. Что касается Михайловского и Азацкого городищ, то нет о них известий в документах, но положение их на линии городищ древних может служить, кажется, некоторым аргументом в пользу того, что они все возникли одновременно и служили одной и той же цели — быть оборонительной линией. Переходя на реку Ворсклу, мы снова находим целый ряд городищ. Укажем те, о которых говорят документальные источники. Таковы — Скельское, Бельское, Немеровское. В росписи границ между Россией и Польшей 1647 г. читаем: «...на Скельской горе вал от леса Стараго городища»... В 1642 году польские послы предлагали следующую границу: «рубеж идет до реки Ворскла, а Ворсклом вниз до Скельского городища, которое в царскую сторону

останется, а рубеж от него меж Бельским городищем и оттуда через реку Ворсклу, Бельское городище разделить пополам»[304]. В одном акте 1689 г. мы видим городище Немеровское, а в росписи 1572 г. оно называется просто Немер[305].

Вверх по Ворскле существуют еще два городища между деревнями Литовкой и Боголюбовкой, из которых одно носит название Кукуева, а другое, по преданию, представляет остаток некогда бывшего здесь города[306]. Еще выше, на левом берегу реки Ворсклицы, также находится большое городище[307]. Замечательно, что везде в данной местности городища распределяются правильными линиями по течению рек. Выступает в их размещении цель воспользоваться естественными преградами и обезопасить их укреплениями. Между тем существуют городища и без всякой системы. Такова, например, купа городищ при вершине реки Коломака. Все пространство между двумя Мерчиками покрыто огромными городищами с беспорядочным устройством[308]. Эта системность указанных нами городищ в связи со свидетельствами документов об их глубокой древности заставляет видеть в них передовые укрепления эпохи, предшествующей монгольскому разорению. К числу их нужно отнести и те, которые располагаются по рекам Можу и Коломаку.

На устье первого в Донец еще в начале XVII в. находилось Змиевское городище[309]. За ним следует Кукулевское между рекой Ординкой и вершиной реки Мерефы. Глубокая древность его очевидна: огромные дубы по 7 или 8 аршин в обхвате растут по вершине вала и выключают слободских казаков от права на основание городища. На срубленных пнях этих дубов может лежать человек высокого роста, не занимая всего поперечника. Медные оконечники стрел, найденные тут при раскопке, также доказывают его древность[310]. На водоразделе между Можем и Коломаком лежит хазарское городище в урочище Хазаровском или Козаровском, среди огромного леса, который называется Ринцевым рогом. Оно само до того поросло лесом, что трудно осмотреть его[311]. Эта линия, продолжаясь на Коломаке, начинается Высокопольским городищем и затем продолжается городищем Коломацким.

О последнем мы имеем документальное известие в разъездной росписи 1571 г., где говорится: «Коломак перелезти под Коломацким

городищем через Ровень, да полем через Муравский шлях, да на верх Адалага»[312]. Этот ряд древних укреплений нет возможности продолжить до Ворсклы, ибо мы не имеем никаких сведений о городищах Полтавской губернии, но едва ли можно сомневаться в том, что это продолжение существует. В сторону же противоположную эта оборонительная линия ясно доходит до устья реки Уды в Донец. Тут мы находим два городища — Мохначь и Кабаново. Оба они были в запустении уже в начале XVII в. Первое защищено Донцом, его заливами и озером Круглым. Кабаново находится при самом устье реки Уды[313]. И так трем природным оборонительным линиям, образуемым Псломом, Ворсклой и Кодомаком-Можем, соответствуют три ряда укреплений. Кроме древности городищ, заставляющей отнести их к дотатарской эпохе, кроме явной их системности и известной целесообразности их размещения, мы укажем еще на один-два факта, служащие подтверждением нашей мысли. Известно существование в XII в. северского города, Донца, в районе интересующей нас местности. Когда Игорь Святославич спасался из плена половецкого в 1185 г., он держал свой путь на север с берегов реки Тора и на одиннадцатый день пришел к городу Донцу; оттуда он направился в свой Новгород-Северский. Таким образом, опасность оканчивалась, лишь только князь прибыл в этот городок. «Город Донец, — говорит господин Аристов, — основательно ищут в окрестностях Харькова»[314]. Он указывает на свидетельства «Книги Большого Чертежа», разъездной росписи 1571 г. и подкрепляет их вычислением расстояния между устьем Тора и Донецким городищем в 8 верстах от Харькова, представляющего полную возможность пешему пройти его в 11 дней[315].

И все другие историки признают существующее еще и теперь упомянутое Донецкое городище остатком древнего города Донца[316-317]. Они также указывают на известие «Книги Большого Чертежа», доказывающее его существование до заселения слободской Украины. «А по левой стране вверх по Удам выше Хорошева городища, Донецкое городище, от Хорошева верст с 5». Свидетельство разъездной росписи приводится преосв. Филаретом. Оно гласит: «...да вниз по Удам (ехать) через Павлово селище к Донецкому городищу, да к Хорошеву городищу через Хорошев колодезь, да через Удския

ровни...»[318] А раз только мы имеем свидетельство о существовании где-то в данной местности города, раз только благодаря приведенным документальным источникам есть возможность определить, что этот город находился на реке Удах, то невольно рождается вопрос: каким образом это укрепленное поселение могло существовать так далеко от границ Северского княжества?

Если мы предположим, что этот город был остатком некогда сплошного славянского населения в этой местности, то является вполне невероятным, чтобы он мог удержаться один до конца XII в., будучи совершенно отрезан от своей метрополии. Если же рассматривать существование здесь этого укрепленного пункта как результат военной (ибо другой в степи быть не могло) колонизации, то необходимо вспомнить, что всякое колонизационное движение идет постепенно, в особенности в страну, где был такой сильный и опасный враг, как половцы; один за другим выдвигаются укрепленные пункты, за ними следует население; они идут впереди, заслоняя собою переселенцев. Такой порядок колонизации был везде и всегда. Таким образом, при обоих предположениях необходимо признать, что город Донец не мог стоять одиноким в этой области, что он является как одно из звеньев целого ряда укреплений, поддерживавших друг друга. По мнению господина Барсова, Донец был крайним пунктом русских владений в сторону степей в XII в.[319] Его должны были поддерживать другие городки, раскинутые в недальнем расстоянии друг от друга. Остатками этих укрепленных линий и могут быть указанные нами городища. Если мы теперь осмотрим берега рек Уды и Донца, то и тут найдем две линии укреплений. Южнее Донецкого городища на реке Удах находится Хорошево. Мы видели уже, что оно упоминается в разъездной росписи 1571 г., стало быть известно было до поселения черкасов в этих местах[320]. Место его точнее определяется «Книгой Большого Чертежа», где читается: «А вверх по Удам с левыя страны, Хорошее городище, от устья верст с 20»[321].

Параллельно этому ряду укреплений на Удах, представителями которого являются два приведенные городища, существует целая линия остатков оборонительных пунктов по Донцу. Таковы городища Салтовское, Катковское, Гумнинья и Чугуевское, указанные в «Книге Большого Чертежа»[322]. Известия о них находятся и в других докумен-

тах. Так первое из них в 1639 г. было отдано с угодьями товарищам Острянина, а в описании Салтова 1674 года говорится: «Город Салтов построен на Салтовском городище, обставлен дубовым лесом». Неразрывно с ним стоит Гумниньское городище в отписке Белгородского воеводы 1668 года, где читается: «...да они-ж (Чугуевцы) в Чугуеве стоят в сотнях по 50 чел. и на отхожих сторожах на татарских перелазах на реке Донце на Салтовском городище, да на Гумниньском по 37 ч.». Не менее важное свидетельство существует и о Чугуевском городище. Мы находим его в следующих словах царской грамоты 1641 г.; «В прошлом 146 (1638 г.) пришел в наше Московское государство из Литовския стороны Гетман Яцко Остренин, а с ним сотники и рядовые Черкасы»... (просили) «для крестьянския веры от погубленья избавить и устроить их на вечное житье на Чугуево городище... а город и острог поставят сами»[323]. Излишним считаем повторять, что эти данные неопровержимо доказывают существование указанных городищ до заселения слободской Украины. Если мы теперь бросим взгляд на карту, то системность и целесообразность в размещении городищ, о которой мы говорили и раньше, выступает еще сильнее: линии укреплений — Удская и Донецкая — не только имеют связь между собою, но и с теми, которые указаны выше. Звеном для первых двух служит городище Кабаново, при слиянии Уд с Донцом: «а на усть Уды Кабаново городище, по левой стране, от устья версты с 2»[324]. Замкнувшись этим городищем, Удская и Донецкая линии при посредстве укреплений Мохначевского и Змиевского соединяются с рядом городищ по Можу-Коломаку. Относительно двух упомянутых соединительных пунктов вмеются указания в «Книге Большого Чертежа», которые гласят: «А ниже Кабанова городища, с Крымской страны, вниз по Донцу Мухначево городище, от Кабанова верст с 5». «А ниже Мжа на Донце, с Крымской страны Змиево городище, а Змиев курган тож; от Мжа версты с 2»[325]. Если мы проследим течение рек Уд и Донца далее к их верховьям, то найдем на первой близ границы Курской губернии городище, которое в ранее приведенной росписи 1571 г. названо Павловым селищем, а по Донцу Нежегольское и Белгородское[326].

К несчастью, мы не имеем сведений о городищах Курской губернии. Известно только, что на реке Ворскле существует городище Хоть-

мыжское[327], которое могло служить соединительным звеном окраинных линий с внутренними — Ворсклянской и Локнинско-Псиольской. Если читатель припомнит теперь связь всех изложенных нами данных, обратит внимание, что в Московский период нашей истории делались разъезды, строились городки, были крепости лесные и болотные[328], то едва ли возможно (просто даже невозможно) отрицать, что и в домонгольский период делалось то же, ибо одинаковые обстоятельства жизни производят на свет и те же самые следствия: население стояло в обоих периодах в одних и тех же условиях — были половцы, явились татары. Возражение, что летопись не говорит нам о каких-либо других городах в данной местности, кроме Донца, не имеет силы: мы говорили раньше[329] и снова повторяем, что она не интересуется весьма многим, или, говоря иначе, интересуется весьма немногим. Напротив, иногда случайно сообщаемые ею факты имеют громадное значение. К числу таких относится, например, существование города Донца, о чем мы говорили выше. Имеется еще одно такого же рода летописное указание, получающее в соединении со всем прежним большую силу. Насколько нам известно, до сих пор на него мало обращали внимания. Вот что рассказывает нам летопись под 1174 г.: «Того же лета, на Петров день, Игорь Святославичь сововупив полкы свои, и еха *в поле за Ворскол, и стрете половце, иже ту ловять языка*; изъима е, и поведа ему колодник, оже Кобяк и Концак шле к Переяславлю. Игорь же слышав то поеха противу половцем, и *перееха Вроскол у Лтавы к Переяславлю*, и узьрешася с полкы половецькыми»...[330] По этому известию Игорь Святославич случайно наткнулся на половцев, которые ловили языка, на пространстве между Ворсклом и Коломаком.

Мы говорим так потому, что после расспросов половецкого пленника он тотчас же переправляется через Ворсклу у Лтавы, теперешней Полтавы[331], а для сего ему необходимо было подойти к реке Коломаку. Посмотрим теперь, как объясняет это сообщение господин Беляев. «Это известие, — говорит он, — кроме Серебряного, упоминает еще о Лтаве на Ворскле, следовательно указывает, что Переяславльские владения на юго-восток выдвигались не только за Сулу, но даже и за Ворсклу, ибо за Ворсклою Игорь встретил половцов, которые ловили там языка, т.е. *искали тамошних жителей, чтобы узнать от них нужные*

для себя вести или употребить их проводниками; а отсюда мы видим, что на Ворскле еще не жили половцы, иначе бы им не за чем было ловить здесь языка»...[332]

Нам кажется, что Игорь шел из своих Северских владений и раз уже переправился через Ворсклу, которая, как мы видели раньше, имеет направление с северо-востока на юго-запад и только, приблизительно около Скельского городища поворачивает на юг, так что была на пути северских князей в степи. Сейчас за ней им приходилось переправляться за Мерл. Тут-то, точнее определяя местность, между этими двумя реками, и наткнулся Игорь на половцев, а потом уже, в силу собранных сведений, двинулся южнее и повернул на запад к Лтаве. Что северские князья ходили в степи, держась этого южного направления, видно из известия летописи под 1183 г., когда Игорь, собравши Северских князей, пошел в степи, «да яко бысть за Мерлом и сретеся с половци»...[333] Стало быть он шел по тому же пути, что и в 1174 г. Следовательно, те, кто должен был служить языком для половцев в 1174 г., жили где-то между Ворсклой и Мерлом. Область между течением последних не относилась уже к переяславским владениям. Может быть, в то время, когда Курское княжение причислялось к Переяславлю, и эта полоса земли терпела ту же участь, но со второй четверти XII в., когда Курск с Посемьем отошел во власть Северских князей, вместе с ним отошла и вирско-локнянская линия, должна была отойти и вся местность прямо на юг, тот приблизительно четырехугольник, который заключается с востока Донцом, а с юга Можем и Коломаком. Что эту боевую, как мы выразились, область северские князья считали порученною их защите, видно из их походов за Мерл. По нашему мнению, переяславские владения крайним своим пределом на восток имели Лтаву, т.е. Ворскла служила им границей, начиная с поворота на юг. Все к востоку, течения Псла, Ворсклы, Мерла, состояло в распоряжении князей северских.

Спешим сказать, что признаем эту местность не действительной областью Северского княжества: эта область была боевая и только находилась в ведении северских князей. Те, кого старались поймать половцы, составляли пограничную стражу, расположенную по городкам. Как и после, в период татарский, на их обязанности лежало

делать разъезды, наблюдать за движением в степи. Весьма возможно, и даже необходимо, что в этих укрепленных пунктах жило и мирное население, занимавшееся различными промыслами. Нам кажется, что *в пустыне языка ловить нельзя*. Собственно, защита Северской территории выпала на долю населения Курского удела. Эта постоянная готовность отразить врага, постоянное стояние на страже родной земли с оружием в руках выработали из курян хороших воинов. Припомним слова Всеволода Курского, сказанные им Игорю Святославичу, о воинственности и боевой готовности курского населения. Мы приведем вторую половину этой характеристики, имеющую значение и в нашем вопросе. «*Пути им ведоми, яругы им знаемы*, луци у них напряжени, тули отворены, сабли изъострены; сами скачють, аки серии влеци в поле, ищучи себе чти, а князю славы»[334]. Сказано это в 1185 г., но знание степных путей, всех степных оврагов может быть приобретено только долгой сторожевой службой, долгим «рысканием в поле». «В этих чертах нельзя не узнать привычного к тревогам и опасностям порубежника, угрожаемого нападением от врагов хищных и коварных. Если порубежник вынужден был строить свой дом так, чтобы он служил в случае опасности надежным убежищем и защитой от неприятеля, если выезжая в поле или в лес, он должен был вооружаться и производить работы с соблюдением предосторожностей, — то само собой разумеется, он зорко присматривался к каждому предмету, чутко вслушивался в каждый звук, заучал до последних мелочей все особенности каждого холмика, каждой рытвины, и таким образом, ему становились все пути ведоми, а яруги знаеми, и привыкал он держать всегда наготове заостренную саблю и натянутый лук»[335].

***

Совершенно другой вопрос представляет, — с какого времени и как образовалась эта боевая область со своими оборонительными линиями. Некоторые факты дают возможность проследить постепенность этого образования укрепленных линий и движение военной колонизации на юг. В 1147 году мы находим следующее известие в нашей летописи: «И посажа посадникы свои Глеб Гюргевичь по Посемью за полем, и *у Выря; половчи мнози ту заходиша роте с ним*»[336].

Ясно, таким образом, что около Выря, т.е. сейчас за вирско-локнянской линией, в первой половине XII в. существовали кочевья половецкие.

В этот же период времени произошли крупные набеги на Стародуб, Новгород-Северский и Вырь[337]. После 1147 г. мы не встречаем уже больших набегов: происходят отдельные сшибки, в которых перевес остается на стороне северян. Так в 1160 г. Святослав Ольгович разбил половцев, причем погиб их князь, Сантуз. В 1167 г. Олег Святославич дрался с Боняком и снова разбил врагов. В 1168 г. Ольговичи ходили на половцев и во время лютой зимы захватили вежи князя Кози и Беглюка[338]. Мы не знаем, в какую местность предпринимались эти походы, равным образом, и какую они имели цель. Но значение их выясняется из сопоставления других фактов. В сороковых годах XII столетия, как мы видели, половецкие кочевья были у самого Выря. Нечего говорить, что область к югу тем более должна была находиться во власти кочевников. В 1111 г. в области Донца князья нашли врагов в жителях городков Шаруканя, Сугрова. Хотя, как мы скажем ниже, население их не принадлежало, собственно, к половецкому племени, но эти городки находились, во всяком случае, во власти врагов Руси[339].

На основании уже этой зависимости можно заключить, что в этой местности были половецкие кочевья. Ясное же указание на это дает нам летопись под 1109 г.: «В то же лето, месяца декабря в 2 день, Дмитр Иворович взя вежи половецкие *у Дона*; 1000 вежь взя послани Володимером князем»[340]. Еще и в 1170 г. между Самарой, Донцом и Осколом кочевали половцы, что видно из данных, сообщаемых летописцем о походе Мстислава Изяславича: «и взяша веже их на Угле реце, а другые по Снопороду, а самех постигоша в Чорнего леса... Бастии же и инии мнози гониша по них и за Вскол»[341]. Таким образом, было время, когда весь указанный нами четырехугольник состоял в зависимости от половцев. Но уже в семидесятых годах XII в. мы видим совсем иное. В 1174 г., как выше указано, половцы между Коломаком и Ворсклой ловят языка, следовательно, местность эта уже им не принадлежала: надо было в ней делать разведки, чтобы не наткнуться на русских.

В 1183 г. северские князья идут на половцев и только на реке Мерлом встречают Обовла Костуковича, который шел на Русь.

«Половцы оборотилися противу Руским князем, и мы без них кушаимся на вежах их ударите»[342], — говорят князья Северян. Идя с целью забрать вежи, князья не находят их на всем пространстве от Выря и до Мерла, да и Обовла Костуковича встречают за последней рекой потому только, что он шел уже на Русь, а вежи, кочевья, стало быть, начинались еще южнее. Посмотрим, наконец, как двигается Игорь Святославич в 1185 г., во время своего знаменитого похода. Начиная от Новгорода-Северского до самой переправы через Донец у Змиевского городка, он шел тихо, собирая дружину: «тако идяхуть тихо, сбираюче дружину свою»[343]. Затем он «перебреде Донец, тако приде ко Осколу, и жда два дни брата своего Всеволода»[344]... Отсюда ясно видно, что до реки Оскола не было опасности со стороны врагов, потому что в противном случае нельзя было идти так неосторожно, собирая отдельные отряды, которые подходили постепенно; Игорь не решился идти за Оскол, не соединивши окончательно всех своих сил, следовательно, вражеская сторона и начиналась за этой рекой. Если Игорю пришлось переправиться через Донец, чтобы достигнуть Оскола, то, очевидно, он шел по правой стороне, именно к области нашего четырехугольника. Мы не знаем способа движения Всеволода, но путь, которым он двигался, очевидно, шел по левой стороне Донца[345].

Если князья назначили местом соединения, где Оскол сливается с Донцом, то, значит, вполне были уверены, что вся местность от Новгородсеверской области до Оскола не была занята врагами. Князья, соединившись, дошли до рек Сольницы или Тора, и тут только разъезды донесли им о близости половцев. Однако и после того русские ополчения двигались целую ночь и только на другой день, в обеденное время, нашли половецкие кочевья[346].

Таким образом, из приведенных данных вытекает само собой, что южная граница Северской земли шла от устья реки Оскола Донцом до впадения в него реки Можа, затем по течению последней, водоразделом к верховью Коломака и его берегом до реки Ворсклы. Теперь становятся понятными указанные нами выше походы северских князей: они имели целью очищение от половецких кочевьев местности в северу от указанных границ.

С каждым новым походом постепенно подвигались городки, забираясь все южнее и южнее. Насколько такой образ действия превосходил все другие, обнаруживается весьма ясно из того, что и знаменитый поход Мономаха 1111 года нисколько не мог изменить положения дел в этой местности, ибо городки Шарукань, Сугров, Балин оказываются во власти половцев и в 1116 г., когда они были взяты Ярополком Владимировичем и Всеволодом Давидовичем[347]. Но надо предположить, что и после того они снова были захвачены кочевниками, так как и в 1147 г. половцы занимали своими кочевьями всю область до самой вирско-локнянской линии. Более принес пользы поход Мстислава 1170 г., когда кочевники были оттеснены за Оскол, но успех этого предприятия в немалой степени зависел от существования уже сети укреплений к северу от направления похода.

Мы видели, что начало этой систематической борьбы с половцами северских князей и колонизации на юг можно датировать 1160 г. Обращаясь к истории Северской земли, ясно видим, что оно стояло в связи с внешней политикой этой области. Первый период ее обособленного состояния прошел в борьбе за независимость — это время княжения

Битва новгород-северских полков с половцами. Миниатюра из Радзивилловской летописи

Олега Святославича. Затем в правление Всеволода Ольговича и Изяслава Давидовича, из которых один был искусным политическим комбинатором, хитрым выполнителем своих планов, другой — человеком, умевшим составить план, но не имевшим способностей его выполнять, — в это время Северская земля борется за равноправность своей княжеской семьи с Мономаховой. В этой бесплодной борьбе за Киев ослабла окончательно область Святославичей.

И вот среди них являются князья, которые указывают на бесполезность этой борьбы, на необходимость усиления своей области внутренним спокойствием, в то время как другая половина их продолжает эту борьбу и оканчивает исчезновением семейства Давидовичей. Первым, усвоившим такой взгляд на внешнюю политику своей области, был Святослав Ольгович. Но действительным основателем политики северских князей в отношения половцев должно считать Олега Гориславича[348]. Никто из современных князей не мог знать лучше его характера половцев, их нравов и обычаев, их боевой тактики, ибо никто из них не жил так долго среди кочевников, опираясь на них как на единственную силу против своих врагов.

На основании этого знания Олег и составил себе определенный план отношений к врагам Руси, принесший несомненную пользу его области. Одним из правил этой политики Олега было воздерживаться от бесполезных походов в глубь степей. Он старается всеми средствами отделаться от них. Так в 1095 г. Олег, по требованию Святополка и Мономаха, двинулся в поход, но не соединился с ними и не участвовал в разграблении половецких веж. В 1103 г. он на приглашение участвовать в походе прислал лаконическое: не «здоровлю». Так же он отнесся и к предприятию Мономаха 1111 г.[349]

Заслуга Олега на пользу родной области увеличивается еще более, если припомним, что ему приходилось идти вразрез с взглядами своих современников. Он старался влиять на кочевников другим способом, чем громкие походы, бывшие только паллиативами. Он не отказывается с этой целью принимать участия в мирных договорах с ними и в 1107 г. женил своего сына Святослава на дочери половецкого хана Аэпы. Вместе с этим Олег старается предупреждать и отражать набеги врагов. Поэтому, отказываясь принимать участие в походах, он всегда

соединяет свои силы с другими князьями, когда дело идет о защите границ. Так в 1107 г. Олег вместе с Мономахом отражает Боняка и Шаруканя от Лубен. В 1113 г. он бьет половцев у Выря[350]. Нужно было быть постоянно готовым, чтобы поспевать на все угрожаемые пункты, но только таким образом можно было приучить половцев уважать русские границы, когда бы они знали, что всюду встретят готовый вооруженный отпор. Но Олег пошел дальше этого. Он взял в себе на воспитание сына половецкого хана, Итларя.

Это вместе с отказом участвовать в походе 1095 г. повлекло за собой обвинение в измене отечеству. «И Стародубу идохом на Олга, — пишет Мономах, — *зане ся бяше приложил к половцем*»[351]. В 1096 г. Святополк и Владимир потребовали Олега на суд в Киев «перед епископами и игуменами, перед боярами и горожанами». Олег отказался явиться на такое судилище и результатом отказа была новая война[352]. Северские князья и в последующее время постоянно держались политики, начертанной Олегом.

До восьмидесятых годов XII столетия мы не видим их походов в глубь степей: все ограничивается только мелкими стычками в вышеуказанном нами районе. С большой неохотой они принимают участие в тех движениях, которые предпринимались Святославом, сидевшим на киевском столе, князем, принадлежавшим к их же роду. Так в 1183 г. Ярослав черниговский убеждает отложить поход до лета, а когда летом Святослав снова зовет чернигово-северских князей, то они ему уже категорически заявляют: «далече ны есть ити вниз Днепра, *не можем свое земле пусты оставити*, но же пойдеши на Переяславль, то скупимся с тобою на Суле»[353]. Они не принимают участия и в походах 1184 и 1185 гг., хотя движение в этом случае и направлялось к Хоролу[354]. Только после, благодаря удали новгород-северских князей, предпринимается знаменитый поход Игоря Святославича.

Они понадеялись на свои силы, на ослабление половцев в области Донца их колонизацией, но результатом его явилось полное поражение и опустошение Северской области. В том же 1185 году Кза разорил окрестности Путивля, а в 1187 году половцы сделали набег и на Черниговскую область[355]. Так ослаблена была Северская земля походом 1185 г. Святослав Всеволодович, сердившийся на чернигово-

Начало сражения Игоря Святославича с половцами на берегах Каялы и оттеснение русских войск от воды. Миниатюра из Радзивилловской летописи

северских князей на их неучастие в походах на половцев, однако же осудил это предприятие Игоря: «Не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю», — говорит он про северских князей[356]. Творец «Слова о полку Игореве» влагает в уста Святослава слова, в которых высказывается мнение о рановременности этого похода. «О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! — говорит Святослав в «Слове», — рано еста начяла половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати»[357]. Только в 1191 г. северские князья могли снова собраться с силами и предпринять новый поход. Но тут Ольговичи действуют весьма осторожно. Они дошли только до Оскола, надо думать, до слияния его с Донцом, и, когда узнали, что половцы ожидают их с превосходными силами, ночью отступили[358]. Мы говорим, что эти походы предпринимались только в период последних пятнадцати лет XII столетия. До тех пор таких предприятий со стороны северских князей мы не видим: они стараются только быть всегда готовыми к отражению врагов и в этом отношении действуют удачно. Так в 1147 г., по известию Никоновской летописи, «в Нове городе Северском, помощью божиею

и пречистые Богородицы, биша половцев»[359]. Вместе с этой оборонительной системой борьбы, нигде так не поддерживаются родственные связи с половцами, как в земле Северской. Об этом мы будем говорить несколько ниже.

Таковы были условия, давшие возможность Северской области менее страдать от набегов кочевников. Если созданию оборонительной сети укреплений способствовало географическое положение местности, то другие благоприятные условия были созданы самими северскими князьями и поддерживались ими со всей энергией. В этом их заслуга.

Граница Северской земли со стороны области половцев продолжалась рубежом с кочевниками земли Рязанской. От устья реки Оскола граница несомненно шла берегом этой реки до ее верховьев. Затем шел рубеж рязанский[360]. Мы уже говорили раньше, что между реками Доном и Осколом пролегала как бы большая дорога, перерезываемая на севере течением Быстрой Сосны. Обращаясь к историческим данным, мы видим замечательное явление: население располагается по левым берегам рек Дона и Сосны. Большая дорога остается не занятой. Мы не имеем ни одного известия, которое указывало бы на существование поселений к югу от реки Быстрой Сосны. На левом же берегу ее мы видим поселения в половине XII в. «Приходиша половцы на Резань *на быструю Сосну*, и многих пленивше идоша во своя», — рассказывает Никоновская летопись[361]. Еще раньше, именно в 1146 г., мы находим на этой реке город Елец[362]. Отсюда население спускалось по Дону и Воронежу на юг. Так мы имеем указание, что по реке Воронежу были города, из которых один известен по имени. Это — Воронеж или Воронаж. Когда в 1177 г. Всеволод суздальский разгромил Рязань, захватил и посажал в тюрьмы ее князей, то один из них, Ярополк Ростиславич, убежал в Воронеж, и «*тамо прехожаше от града во град*». Что эта область принадлежала Рязани, видно из того, что Всеволод требует выдачи этого князя у рязанцев, что они и исполняют[363].

На существование городов и поселений в этой местности указывает и тот факт, что рязанские князья в 1237 г., при появлении татар, «*не пустячи к городом*, ехаша против им в *Вороняжь*»[364]. Впослед-

ствии, в конце XIII в., из этой области небольшая часть составила удел Липовецкий, о князьях которого мы имеем известие в Воскресенской летописи под 1284—1285 гг.[365] Но есть данные, указывающие, что рязанские поселения шли гораздо далее на юг, в область притока Дона реки Хопра. Сохранилось три грамоты XIV в., говорящие об известном Червленом Яре. Господин Иловайский на основании летописных известий и отрывка «из сказки Козловского попа» определяет область Червленого Яра следующим образом: «Червленый Яр в тесном смысле назывались: во первых, река, впадающая в Дон между Тихою Сосною и Битюгом; во вторых часть берега при устье Савалы, которая впадает в Хопер с правой стороны, пониже реки Вороны. Потом это название распространилось на земли лежащие между тем и другим Червленым Яром; а в XIV столетии под ним разумелось все степное пространство, заключенное между реками Воронежем, Доном, Хопром и Великой Вороной»[366].

О населении этой-то области и говорят нам вышеупомянутые грамоты. В первой, принадлежащей митрополиту Феогносту (1328—1353 г.)[367], мы читаем: «Благословение Феогноста... к баскаком и к сотником, и к игуменом и к попом и *ко всем христианам Черленого Яру и ко всем городом, по Великую Ворону*»[368]. Вопрос заключается в том, к какому времени должно отнести заселение этих местностей? Приведенные документы явились по случаю спора, возникшего между рязанским и сарайским епископами относительно интересующей нас области: каждый из них хотел присвоить ей своей епархии: «а ведаете, дети, — пишет митрополит Феогност, — занеже *многажды* речи и мятеж были промежи двема Владыкама Рязанским и Сарайским, про передел тъй»[369]. Оказывается, что этот спор происходил еще при митрополитах Максиме и Петре, которые считали эту область принадлежащей рязанской епархии[370]. Митрополит Максим правил от 1293 г. до 1304 г.[371], следовательно, существование населения в этой области восходит еще к концу XIII в. Притом оно было не недавнее, так как имело своих попов, монастыри, словом, могло уже представлять часть епархии.

В своем искании этой области рязанские епископы опираются на давность, на исконность принадлежности Червленого Яра к рязан-

ской епархии, а следовательно, и Рязанской земле, и этот факт признают митрополиты Максим и Петр в своих грамотах, которые, к несчастию, до нас не дошли[372]. В этой давности убедился, наконец, и епископ сарайский Софоний и дал отступную грамоту[373]. Какая же давность могла иметь силу при решении этого вопроса? Очевидно, принадлежность этой области к рязанской епархии и существование в ней населения должно было восходить *ко времени до образования епархии сарайской*. Последняя была учреждена в 1261 г.[374], а следовательно, и колонизация Червленого Яра вполне была завершена до этого года. Если бы эта колонизация началась после 1261 г., если бы эта область не составляла части рязанской епархии уже издавна, то спор между двумя епископами никаким образом не мог бы быть разрешен. Разгром Рязанской области от татар произошел в 1237 г., и промежуток времени до основании сарайской епархии составит всего 24 года (1261—1237 гг.). Мы не находим возможности, чтобы за такой короткий период успела колонизоваться такая отдаленная от Рязани область, какой был Червленый Яр, притом колонизоваться так, чтобы составить часть епархии с приходами и монастырями.

В 1237 г. вся местность от Воронежа до Рязани была опустошена[375], и странно было бы, чтобы напуганное, разогнанное население сейчас после погрома обратилось к колонизационному движению. Это было бы совершенно неестественно. Устрашенный народ, несколько придя в себя, способен бывает только занять свои старые пепелища, что мы и видим в области рек Дона и Воронежа. Факт, применимый при тех же самых обстоятельствах к другим областям, имеет полную силу и в отношении Червленого Яра. Только потом, гораздо позже, когда Русь освоилась с татарами, могло начаться и началось действительно движение русской колонизации на восток и юго-восток. Жители Червленого Яра также были разогнаны и, когда улегся первый ужас, когда татары заняли южные степи, только возвратились в покинутые города и села. И так, по нашему крайнему разумению, Червленый Яр представлял из себя вполне заселенную область до 1261 г., ибо в противном случае епископ рязанский не имел бы на него права, а за короткий промежуток 24 лет колонизационного движения в такой силе, чтобы создать города и монастыри, быть не могло.

Мы решаемся отодвинуть окончательное заселение Червленого Яра, а тем более начало колонизации в эту область, еще далее, думаем, что ко времени нашествия татар 1237 г. тут существовали уже города, и полагаем, что епископ Рязани имел на своей стороне еще более солидную давность, чем та, которую мы привели в наших соображениях. Мы осмеливаемся думать, что право рязанской епархии на Червленый Яр восходит ко времени отделения ее от Черниговской епископии. Это произошло между 1187 и 1207 гг.[376] После всего сказанного для нас не будут уже казаться странными и невероятными два известия Никоновской летописи, имеющие большую важность в нашем вопросе и вполне отвечающие сделанным нами соображениям.

Под 1148 г., между прочим, находится следующее сообщение: «Князь же Глеб Юрьевич иде к Резани, *и быв во градех Черленого Яру и на Велицей Вороне*, и паки возвратися к Черниговским князем на помощь»[377]. Эти данные, сообщаемые Никоновской летописью, нисколько не стоят в противоречии с фактами и могут быть приняты за достоверные. Другое известие весьма странное, крайне сомнительное, будучи поставлено в одиночку, получает некоторый смысл в ряду ранее приведенных фактов. Под 1155 г. Никоновская летопись повествует: «Того же лета приходиша татарове *в Резань на Хапорть* и много зла сотвориша, овех избиша, а других вплен отведоша»[378]. «Нет сомнения, — говорит господин Иловайский, — что здесь дело идет также о половцах; а Хапорть испорченное название Хопер»[379]. Очевидно, не без основания этот факт отнесен к XII столетию, и постановка имени татар вместо половцев могла явиться совершенно случайно, благодаря, например, тому, что запись событий, которой пользовались составители Никоновского свода, прошла через многие руки переписчиков, причем позднейший из них, современник уже татарских набегов, совершенно непроизвольно сделал замену одного имени другим. Эти два сообщения Никоновской летописи указывают на существование населения в области Червленого Яра еще в середине XII столетия. Припомнив наши соображения относительно спора епископов Рязани и Сарая, мы, кажется, должны будем прийти к выводу, что границы Рязанской области еще в XII столетии заходили довольно далеко на юг. Они могут быть определены течением рек таким обра-

зом: начиная от верховьев реки Великой Вороны вниз по ее течению, потом по Хопру, весьма возможно, до его устья, затем рекой Доном до впадения в него с правой стороны Быстрой Сосны, по течению последней и, наконец, сухопутьем до границ Северской земли.

Все очерченное пространство, в области рек Хопра, Дона, Воронежа, не представляло из себя в те отдаленные времена открытой степи, что доказывается остатками лесов, существующими и теперь по речным берегам[380]. Холмистая поверхность, вследствие прохода здесь Донецкого кряжа, также могла способствовать борьбе населения с кочевниками. К какому же времени надо отнести это колонизационное движение, результатом которого явились еще в середине XII в. поселения по Великой Вороне, Хопру и Дону? Нам кажется, что честь этой колонизации придется приписать не князьям земли Рязанской, а ее населению. Эта колонизация не была княжеской. Весьма возможно, что она относится к тому именно периоду истории Рязани, о котором не сохранилось в летописях никаких известий, и была вызвана стремлением населения в югу, где до прибытия половцев кипела торговля, когда Дон играл важную роль как торговый путь.

В период от 1123 г., когда в Муромо-Рязанской области явился отдельный князь, Ярослав Святославич, до 1146 г., в период самый тихий в истории этой земли, эта колонизация могла быть упрочена деятельностью рязанских князей. Удаляя так эпоху колонизации, мы тем самым отрицаем возможность существования в какое бы то ни было время половецких кочевьев к северу от приведенных границ и на юг от реки Прони. В самом деле, какие данные мы имеем для утверждения этого факта? Летописи не дают нам ни одного известия, которое могло бы служить основанием для этого вывода. Мы знаем только, например, такое место летописи в рассказе об осаде Пронска Всеволодом Юрьевичем в 1207 г.: «А сам князь великый ста за рекою *с поля половецьского*»[381]. Но, по нашему мнению, это название могло явиться совершенно случайно, хотя бы потому, что когда-нибудь половцы стояли здесь станом во время набега, или будучи призваны самими рязанскими князьями. Это могло быть просто урочище возле города. Во всяком случае, на нем нельзя основывать никакого заключения.

Нельзя отрицать, конечно, что кочевники прорывались сквозь южные границы княжества и бывали в своих набегах под самой Рязанью. Так в 1148 г. «в Резани тысяцкий Константин многих половец поби взагоне»[382]. Но не всегда, когда летопись говорит: «приходиша половцы на Резань», должно разуметь не самый город, а скорее область целого Рязанского княжества. Таких известий мы имеем еще два: одно под 1187 г. и другое 1195 г., — оба, отличающиеся стереотипностью[383]. В защите родной области князья рязанские проявили не менее энергии, чем их соседи, Ольговичи. Мы привели только что известие Никоновской летописи, указывающее на тот факт, что население этой области привыкло к борьбе с кочевниками и, не дожидаясь своих князей, расправлялось с хищниками под начальством своих тысяцких. Князья, несмотря на постоянные почти неурядицы, следят за безопасностью границ своей земли и бьют половцев. Так в 1177 г. «князь Роман Глебович Рязанский изби много половец»[384].

Рядом с этим предпринимаются походы в глубь степей. Они начинаются довольно рано. Первый из них относится в 1160 г. Как можно судить по рассказу летописи, причиной этого цредприятия было занятие половцами какой-то области, может быть, Червленого Яра и проникновение их еще далее к северу[385]. «Половцем же рассыпавшимся в поле и *бежавшим во свояси*», — говорит летопись. Первая стычка произошла где-то за Доном, и кочевники были оттеснены *до Ржавцев* (Никон. лет., стр. 178—179). В настоящее время есть Ржавчик в области реки Савалы, и река Ржавка в Саратовской губернии[386]. Победа над половцами дорого стоила князьям: они только с немногими возвратились из этого похода. В нем принимали участие соединенные силы князей рязанского, муромского, пронского и ростово-суздальского. В 1199 г. было предпринято новое движение в степи. Инициатива в нем принадлежала Всеволоду Юрьевичу. Незадолго перед этим князь Владимира Клязменского заставил ходить в своей воле князей рязанских, и, нам кажется, целью этого похода со стороны Всеволода было не более, как снискание популярности у рязанского населения. Предприятие кончилось ничем: половцы не были даже разбиты, а спокойно удалились на юг к морю, чтобы с уходом русских ополчений снова без помехи придвинуться в границам Рязанской области. Таким образом,

Половецкий воин. Каменное изваяние.
Краеведческий музей г. Краснодара

поход мог только раздражить кочевников после разорения их зимовищ на берегах Дона[387]. Гораздо удачнее было движение рязанских князей в 1205 г.: они взяли половецкие вежи[388].

Вот все, что мы можем пока сказать об отношениях земли Рязанской к врагам южных степей. Мы встретили один факт, весьма интересный, указывающий на развитие воинственности в рязанском населении, — это факт борьбы самого населения с кочевниками. Рядом с этим, благодаря постоянной борьбе с врагами северными и южными, рязанцы были не чужды жестокости, но вместе с тем в них развилась стойкость и свободная резкость тона, с какой они не боялись обращаться к таким, например, врагам, как Всеволод суздальский[389]. Но об этом влиянии соседства кочевников мы еще будем говорить.

Переходим теперь к Переяславскому княжеству. Наш славный источник, летописи, изобилует известиями о набегах половцев на различные местности этой области, но из них историк гораздо менее может извлечь данных, чем из тех отрывочных, редких сообщений, какие мы видели, говоря о землях Северской и Рязанской. Дело в том, что данные летописи, касающиеся интересующей теперь нас местности, отличаются крайней стереотипностью. Об одном и том же пункте вы находите несколько известий, но всегда в одной и той же форме, почти без всяких новых подробностей, так что является уже как бы одно известие, из которого только можно узнать, что туда-то «приходиша половци» тогда-то и тогда-то. Такой характер летописных сообщений не дает почти возможности для проведения границы Переяславского княжества со стороны степей половецких.

Мы раньше видели, что бóльшая часть набегов кочевников выпала на долю Переяславского княжества. Этому способствовало его географическое положение, растянутость его границ. Это была Украина, как называет эту область летопись[390], передовой пост Русской земли со стороны степи, принимавший на себя первые удары кочевых масс. Сильно страдало его население; много терпели и князья этой области. «И седех в Переяславли 3 лета и 3 зимы, — рассказывает Мономах, — и с дружиною своею, и многи беды прияхом от рати и от голода». Одна страница духовной этого князя, в которой рассказывается о деятельности его в Переяславле, ясно показывает, живо рисует нам поло-

жение князей этой области, полное беспокойств, тревог и неустанной деятельности. Нужно было постоянно опасаться нападения, не зная даже, откуда оно придет, встретить врагов там, где их нельзя было ожидать. Половцы, иногда довольно большими партиями, пробирались в самую середину княжества. «И ходихом за Супой и едучи к Прилуку городу, и сретоша ны внезапу половечьские князи, 8 тысяч, и хотехом с ними ради битися, но оружье бяхом послали наперед на повозках, и в нидохом в город»[391]. Князьям и дружине приходилось не снимать с себя оружия. Несмотря, однако же, на энергию большей части сидевших в Переяславле князей, борьба с половцами была неудачна для этой области. Немало этому способствовало то обстоятельство, что Переяславль был тесно связан с Киевом, и все междоусобия поэтому, возникавшие из-за киевского стола, постоянно захватывали и это княжество. Боролись ли Ольговичи с Мономаховичами, шел ли Юрий суздальский оспаривать великокняжеский стол у Изяслава Мстиславича, — войска врагов непременно захватывали территорию этого многострадального княжества. Внимание правивших в нем князей постоянно отвлекалось от борьбы с кочевыми врагами. Для них не было никакой возможности воздвигать новые укрепления, когда приходилось заботиться лишь о возобновлении старых городов, разоряемых и половцами, и войсками князей северских и суздальских. Вот почему мы не видим здесь наступательного движения славянского племени, а напротив, скорее постоянное отступление. Нужно удивляться, как вся Переяславская область не была стерта с лица Русской земли и не сделалась местом половецких кочевьев. Этому могло, пожалуй, воспрепятствовать только то обстоятельство, что выдвинулась довольно далеко колонизация из Северской земли, и на правой стороне Днепра образовался сильный оплот в виде черноклобуцких поселений, так что Переяславское княжество было обнято двумя боевыми областями, а с конца XII в. начинается и период, более для него спокойный, ибо борьба идет на других пунктах Руси.

Мы уже раньше говорили, что границы, намеченные летописью для области племени северян, нельзя признать точными[392]. Нет никакого сомнения, что славянские поселения некогда занимали гораздо большее пространство на восток в область рек Псла и Ворсклы. Это

доказывается существованием в тех местностях городов. Число их, известное нам, весьма ограниченно. По совершенно случайным летописным известиям, можно указать: Лтаву (теперь Полтава) на Ворскле, недалеко от впадения в нее Коломака[393], Переволоку (Переволочна) [394], на берегу Днепра, выше впадения Ворсклы, Голтов (Голтва), при впадении реки Голтвы в Псел[395], Хорол, на реке того же имени[396]. Что все эти города были результатом не колонизации, которая имела бы место в период занятия степей кочевниками, а движения славянского племени в доисторическое время, доказывается тем, что первый город, взятый половцами, был Переволока в 1092 г.[397], следовательно, он существовал до их появления в южнорусских степях.

В тот же период мы видим и все упомянутые города[398], вследствие чего и их возникновение придется отнести к той же докочевнической эпохе. Интересно, что эта местность со своим населением осталась вне попечений Владимира Святого во время укрепления им границ своего государства. Он провел линию укреплений по Суле, и все, что было на восток за нею, оставлялось на произвол судьбы. Но можно сказать утвердительно, по крайней мере, что до конца XII в. население в области между реками Ворсклой и Сулой сохранялось, потому что в 1174 г. мы находим город Лтаву еще существующим[399]. Однако должно думать, что местность у нижнего течения рек Ворсклы и Псла была на первых же порах отхвачена половцами, вместе с взятием Переволоки, и население, можно предполагать, отступало к среднему их течению. Прочной, довольно сильной границей, которая долго выдерживала удары кочевников, была река Сула со своими городами на правом берегу. Ее течение, собственно, и считалось пределом Переяславского княжества. Но и за ней местность до реки Ворсклы не признавалась еще вполне вражеской стороной, не считалась очень опасной. На это указывает следующий рассказ летописи о походе на половцев 1111 г.: «...а в пяток быша (Русские) на Суле; в суботу поидоша и *быша на Хороле и ту и сани пометаша*; а в неделю поидоша, в ню же хрест целуют, и приидоша на Псел и оттуди *сташа на реце Голте и ту пождаша и вои*, и оттудо *идоша Ворьскла, туже* завтра, в среду, *хрест целоваша* и взлошиша всю свою надежю на хрест, со многими слезами...»[400] Очевидно, в данном районе существовали еще

укрепленные пункты, которые могли служить защитой в случае опасности отрядам, собиравшимся постепенно.

На Голтве князья совокупляют уже все свои силы, поджидают другие отряды, не решаются двигаться мелкими частями. Стало быть, с этой реки начиналась уже бóльшая опасность, но все-таки еще и не неприятельская область. Только на берегу Ворсклы князья целовали крест, поручали себя его защите, ибо тут уже вступали на территорию, занятую половецкими кочевьями. Таким образом, местность между реками Сулой и Ворсклой была такой же боевой стороной, с разбросанными укрепленными городками, как и область между Вырем и Можем-Коломаком, с той только разницей, что последняя явилась результатом княжеской колонизации, а первая заключала в себе старые славянские поселения.

Судя по известию летописи, центр поселений северян, берега реки Сулы, действительно, оказываются покрытыми целым рядом городов. При Владимире Святом, как известно, было обращено внимание на укрепление ее побережья. Замечательно, что все известные нам города размещены по правому берегу, за исключением одного Горошина. Самым северным укрепленным пунктом является город Ромен[401]; затем идут Коснятин[402], Лубны[403], Лукомль[404]; Горошин[405], Буромля[406]. По одному факту можно судить, что и после, в XII в., князья заботились о поддержании посульской боевой линии.

Так в 1116 г. Ярополк Владимирович, князь переяславский, построил город Желни и населил его пленными дручанами[407]. М.А. Максимович и вслед за ним господин Барсов признают его в теперешнем Жовнине[408], находящемся на правой стороне Сулы, недалеко от ее впадения в Днепр. Несколько ниже Кснятина вливается в Сулу река Удай, по правому берегу которой лежат и теперь города Пирятин и Прилуки[409]. Они сохранились до настоящего времени. Но по большему числу городищ, существующих на берегах Удая[410], должно думать, что население здесь было довольно густое. Мы не имеем никаких указаний в летописи об укреплениях по реке Супою, хотя было для нашего летописца несколько удобных случаев упомянуть о них. Несмотря на это, нет никакого основания допустить, чтобы берега его были совершенно оставлены без защиты: Супой направляется прямо с севера на юг и

представляет самую близкую к Переяславлю естественную защиту с востока. Если мы на нижнем течении его находим город Песочен[411], то тем более должно предположить существование поселений и укрепленных пунктов на его берегах у верховьев и против Переяславля. Еще южнее Песочна, на левом берегу Супоя, можно полагать местонахождение города Дмитрова[412]. Нам кажется также, что предположение М.А. Максимовича относительно древности теперешнего Ташаня заслуживает вероятия. «Ташань еще и в исходе прошлаго столетия назывался городищем»[413].

Положение его на правом берегу Супоя, в 25 верстах от Переяславля, дает возможность видеть в нем древний укрепленный пункт, защищавший с востока столицу княжества. С юга Переяславль был защищен валами. Это видно из рассказа летописи о приходе в 1095 г. половецких князей Итларя и Китана на мир к Переяславлю: «И приде Итларь у город Переяславль, а Китан ста *межи валома* с вои...»[414] Следы этих укреплений существуют и до настоящего времени. Великий вал идет от Днепра, проходит в 8 верстах к югу от Переяславля, направляется к селу Малым Каратулям, Стрякову и далее к Супою. Еще на десять верст южнее проходит малый вал, соединяющийся затем с великим[415]. Западная сторона Переяславля была прикрыта двумя городами: Глебовым и Демянском[416]. Таким образом, мы видим три укрепленные линии: по Суле, по Супою и по Трубежу. Но они мало приносили пользы. Защищенный, по-видимому, со всех сторон Переяславль часто подвергался посещениям половцев. Очевидно, мало принималось мер для предупреждения их набегов. До чего небрежно относились к этому, видно из двух эпизодов, занесенных в летопись. В 1107 г. Боняк захватил коней под самым Переяславлем, а в 1167 г. половцы недалеко от этого города захватили некоего Шварна со всей дружиной[417]. Кроме тех условий, о которых мы говорили, не благоприятствовавших Переяславцам в их борьбе с кочевниками, мы замечаем еще и недальновидность политики князей, особенно в первое время. Это сказывается, например, в неуменье выбрать место для заключения с половцами мирных договоров. Половецкие князья являлись на такого рода сделки не одни, а с большими силами. И вот вместо того, чтобы стараться не пропускать их дальше границ, князья

сами знакомят половцев с географией Переяславского княжества. Так в 1101 г. половецкие князья прислали послов к русским, собравшимся на Золотче, с предложением о мирных переговорах. Наши князья согласились с условием, чтобы половцы собрались у Сакова, который лежал не только не на границе, но даже к северо-западу от Переяславля на берегу Днепра[418]. Кроме того, во время Мономаха и Святополка Изяславича со стороны самих русских происходили нарушения международного права в отношении половцев. Воззрение на них, как на нечто низшее, проявляется не только у князей, но и дружины.

Так в 1093 г. кочевники, узнав о смерти Всеволода, прислали послов к Святополку, как новому киевскому князю, для возобновления мирного договора. «Он, изоимов послы всажа в погреб». Конечно, результатом была осада Торческа[419]. Мономах поступил гораздо хуже. В 1095 г., как мы говорили, Итларь и Китан пришли к Переяславлю на мир. Первый доверчиво вошел в самый город и ночевал на сеновале у боярина Ратибора. Ночью, посоветовавшись со своей дружиной, Мономах послал торков в стан Китана. Они выкрали Святослава Владимировича, бывшего у него заложником, убили его самого. Утром Владимир прислал сказать Итларю, чтобы он шел завтракать к Ратибору, а оттуда явился бы в нему. В избе боярина половецкого князя заперли, разобрали потолок и сквозь отверстие убили стрелами вместе с приближенными. Рассказ летописи об этом событии отличается подробностями, указывающими, что он писан очевидцем. Летописец старается оправдать Мономаха и всю вину свалить на советы дружины[420], но это совершенно напрасно, ибо даже в своем поучении Мономах хвалится тем, что весьма немногих только половецких князей выпустил живыми. Вот, например, что рассказывает он с полным хладнокровием: «А самы князи Бог живы в руце дава: Коксусь с сыномь, Аклан Бурчевичь, Таревьскый князь Азгулуй и инех кметий молодых 15, *то тех живы вед, исек вметах в ту речку в Славлий*»[421]. Перебив так низко половецких князей, Итларя и Китана, Мономах и Святополк послали еще с требованием в Олегу Гориславичу или убить, или выдать сына Итларя. Олег отказался[422]. Если Святополк и Мономах были выразителями взглядов современного им общества, то должно признать, что Олег Гориславич головой стоял выше их всех. После, в

последующие княжения, политика Киева и Переяславля в отношении половцев изменяется.

Замечательно, что большее количество половецких набегов на Переяславскую область приходится на время княжения там Мономаха. В 1096 г. Куря опустошил окрестности Переяславля; вслед за ним туда же явился Тугорхан. Тогда же Куря сжег город Устье[423]. В 1110 г. половцы воевали у Переяславля и сожгли много сел. В 1092 г. они взяли Песочень, Прилуки и Переволоку. К этому же времени относится взятие Горошина[424]. Вот крупные набеги, известные из летописи. Но, несомненно, было много и таких, о которых наши источники не упоминают, и при том довольно большими партиями. Так по рассказу Мономаха, как мы видели, он с дружиной неожиданно встретил около Прилук отряд половцев в 8000 человек[425]. Какое значение имели в истории борьбы с кочевниками походы в глубь степей, об этом мы скажем несколько ниже. Далее, в период от 1126 до 1167 г., крупные набеги, повторявшиеся чуть не каждый год, имели связь с той упорной борьбой, которая происходила между князьями киевским, черниговскими и суздальским. Из нападений, происшедших в это время, нам известны: на Баручь 1126 г., в 1150 г. на Переяславль; туда же в 1154 г. и 1167 г.[426] Чем далее, тем более число набегов на Переяславское княжество уменьшается.

В конце XII в., в великое княжение Святослава Всеволодовича, наступает затишье. К этому времени относятся набеги на Серебряный и Баручь, в 1174 г., на Переяславль в 1179 г., на Дмитров в 1183 г., на Переяславль и Римов в 1185 г., как следствие знаменитого похода Игоря Святославича на половцев[427]. Последнее нападение, известное нам, произошло в 1210 г. Тогда половцы явились к Переяславлю, пожгли много сел и взяли большое количество пленных[428].

Мы замечаем, что со второй половины XII в. набеги становятся реже, хотя, однако, нельзя сказать, чтобы они сделались менее опустошительны[429]. Так в 1179 г. у Переяславля Кончак «много зла створи крестьяном, оних плениша, а иные избиша, множайшия же избиша младенець»[430]. Князья не успевали подавать везде помощь. Это было совершенно невозможно. Население городов защищалось само своими силами. Но трудно было устоять и укреплениям. Вот как, напри-

мер, геройски защищались жители Римова. «Римовичи же затворишася в городе и возлезше на забороле, и тако, Божиим судом, летеста две городници с людми, тако к ратным, и на прочая гражаны найде страх; да котореи же гражане выидоша из града и бьяхуться ходяще по Римьскому болоту, то те и избыша плена, а кто ся остал в городе и те вси взяти быша»[431]. Во всяком случае, в этот период половцы действуют гораздо осторожней, менее дерзко. Это обусловливалось, как мы сказали, изменением политики киевских князей. Кочевники являются на мир только в пограничные места. Так в 1155 г. они пришли к Каневу, в 1156 г. к Зарубу, в 1172 г. к Песочному (Илат. лет., стр. 330, 333, 337, 379, 454). Стоит князьям явиться у Треполя, как половцы стараются поскорее убраться. Несмотря на это, Переяславское княжество потерпело большой урон как в своем народонаселении, так и в своих границах.

Своими успехами половцы обязаны своему энергичному князю Кончаку, заклятому врагу Руси. Летопись иначе не называет его, как «окаянным, богостудным». Своей военной деятельностью, своей непримиримой враждой к русскому народу Кончак надолго стал памятен своим врагам. О нем, несомненно, были песни, ходили рассказы, передававшиеся из уст в уста. Отрывок таких народных преданий представляет рассказ летописи под 1201 г. Мы коснемся его еще несколько ниже. Ненависть к Руси он приобрел от своего отца, загадочного Отрока, которого походы Мономаха загнали на Кавказ. Кончак принял на себя обет отмстить Руси, но именно отмстить только Руси киевской и переяславской. Когда в 1185 г., после поражения Игоря Святославича, Кза уговаривал Кончака воспользоваться ослаблением сил Северской земли, отсутствием по ее городам князей и дружины и напасть на нее, Кончак не согласился. «Пойдем на Киевскую сторону, — говорил он, — где суть избита братья наша, и великий князь наш Боняк»[432]. Нападениями на Русь 1174, 1179, 1184, 1185 и 1187 гг. руководил Кончак. Как видно, это был человек выдающегося ума. Он не мог не видеть превосходства русского оружия и потому решил ввести некоторые усовершенствования в своих войсках. Половцы разоряли укрепления, но это им не всегда удавалось. Кончак для бóльшей успешности своих нападений на русские города

Битва Игоря Святославича с половцами.
Иллюстрация В.А. Фаворского к «Слову о полку Игореве»

ввел у себя греческий огонь, чтобы сжигать деревянные укрепления русских, и особенные луки, которые могли приводиться в действие едва пятьюдесятью человеками[433]. Хотя первый поход его в 1184 г. не удался и русские захватили в плен метателя «живого огня», но усовершенствования не пропали, как видно, даром. Восточные части Переяславского княжества были почти лишены укреплений и народонаселения. Летопись говорит, что Кончак «снесе Сулу»[434]. Это произошло раньше 1185 г., ибо Посулье в «Слове о полку Игореве» поставлено в числе утерянных Русью областей. «Див кличет вреху древа: велить послушати земли незнаеме: Влзе и Поморию *и по Сулию*, и Сурожу, и тебе *тьмутораканьскый блеван*»[435]. Половцы, «по Рсии и *по Сули грады поделиша*...»[436]. Конечно, нельзя понимать этих известий в буквальном смысле.

Нельзя не согласиться с мнением М.А. Максимовича, что даже и после нашествия татар Русь киевская *и переяславская* не подверглись окончательному запустению[437]. Это доказывается тем, что мы находим в XVI в. существующими те же самые города, какие были и в дотатарскую эпоху. Так «Книга Большого Чертежа» указывает на Суле Буромлю, Горошин, Лукомль[438]. Если местность окончательно лишается своего населения, то не могут удержаться те же самые названия поселений, что были за несколько веков перед тем, как снова данная область начала заселяться. Предание может держаться только при непрерывном преемстве *населения, при такой же передаче* его из уста в уста. Отчего, например, мы в той же местности имеем много городищ безыменных. Считая их остатками древних городов, мы должны, очевидно, думать, что население их в неизвестное для нас время окончательно оставило свои пепелища. Мы видим иногда города, основанные вновь на старых городищах, но уже с названиями совершенно новыми. Несомненно в таких случаях, что старое население в давнюю эпоху покинуло свой древний город, памятником которого осталось городище без названия. Новые поселенцы не знали и не могли знать названия этого прежнего поселения и окрестили свой город новым, своим именем. Стало быть, где только мы видим прежние, старые названия местностей, мы имеем полное право думать, что преемственность населения данной местности не прекращалась.

Вот почему мы вполне разделяем мысль господина Срезневского, *что задолго до усиленной колонизации были русско-славянские поселенцы в южных степях* и память о степях, знакомство с местностью юга не прерывались[439].

Мы должны признать, что и население Посулья не было окончательно уничтожено, а только сделалось крайне редким, удержалось в трудно доступных местах, лесных и болотистых[440]. Как бы ни было, Переяславское княжество было страшно обессилено. Мы раньше говорили, что нет никакой возможности точно провести границу Переяславской области с кочевниками. Мы *приблизительно* только можем сказать, что в лучшую пору для Переяславского княжества границы его на востоке и юге омывала река Сула; на западе и частью юге пределом ему служили берега Днепра. Но, несмотря на то, что «снесение» посульских поселений относится к семидесятым годам XII в., мы, например, встречаем такие факты. В 1155 г. половцы являются на мир и располагаются на берегах Супоя. В 1140 г. они проникают еще далее, именно к Малотину[441]. Да и Канев, около которого собирались обыкновенно обе стороны на мир, лежал далеко вглубь от намеченных нами границ. Провести границы сообразно указанным фактам препятствует существование южнее их тех городов, о которых мы уже говорили (Песочень, Дмитров, Желни, Переволока).

На основании этих противоречивых фактов приходится или видеть в выборе этих местностей для мирных переговоров новый пример нетактичности русских князей, а это мы видели и раньше, или сделать несколько иное предположение. На основании отрывочных и летописных известий можно указать местности, которые были заняты кочевыми племенами, родственниками половцев, торками, поселенными в пределах Переяславского княжества русскими князьями. Еще в 1055 г. мы видим поселения их около *Воиня*. Затем в 1080 г. летопись говорит: «заратишася торци *Переяславлестии* на Русь»[442]. Очевидно по самому известию, что они были уже в известном подчинении у русских князей и кочевали где-то около Переяславля. Под этими торками переяславскими разумелись те, которые жили около Воиня, а также и занимавшие местность около Баруча, как это мы сейчас увидим. Кочевья этих союзников Руси занимали на юге Переяславской

области пространство между Воинем и Зарубом, ибо под 1105 г. мы находим в нашем источнике такое сообщение: «пришед Боняк зиме на Зарубе и победи торкы и берендее»[443].

Можно предположить, что поселения их простирались и далее на юг, до рек Супоя, Сулы. Тогда укрепления Песочное, Горошин, Буромлю, Желни нужно рассматривать как передовые, служившие для наблюдения над степью и удержания в повиновении этих торков, не особенно надежных союзников Руси. Стало быть, уже и в XI столетии здесь произошло отступление славянского населения, оно не занимало уже этих местностей сплошь, а задерживалось только в укрепленных пунктах, которые нами указаны. Может быть, конечно, существовали и другие городки на этом пространстве, не упоминаемые летописью. Границы же действительные, до которых простиралось сплошное население Переяславской области, приходится сильно сузить. Они шли от впадения Трубежа в Днепр, где стоял некогда город Устье, затем вверх по Трубежу. Поворачивая к востоку, граница шла валами до реки Супоя. Передовым городом к югу от валов и был Воинь, теперь Воиницы[444]. На пограничность его указывают следующие факты. В 1079 г. Роман Святославич с половцами дошел только до Воиня и здесь остановился. В 1110 г. Святополк, Владимир и Давид двинулись на половцев, дошли до Воиня и воротились. В том же году половцы, пришедши к Воиню, отступили[445]. Таким образом, это был наблюдательный пункт, укрепление, следившее за движением на юге от валов. Дошедши до Супоя, приблизительно от Городища, граница шла к северу по берегам упомянутой реки. Чтобы наметить ее далее, мы должна сначала признать гипотезу, принимаемую учеными относительно одной местности. Под 1140 г. мы читаем: «того ж лета прииде половецьская земля и князи половецьскии на мир, Всеволод ис Киева, Андрей ис Переяславля, к *Малотину* и створиша мир с ними»[446]. Если Малотин не что иное, как теперешние Малютенцы, то в таком случае мы имеем право вести рубеж от Супоя до реки Оржицы, затем берегом последней до ее впадения в Сулу. На левом берегу Оржицы и находился Малотин. Ниже его, на том же берегу, мы находим городище. Потом граница шла вверх по Суле и соединялась с рубежом северским у ее верховьев.

Антропологическая реконструкция воина-половчанина из кургана у села Квашниковка Саратовской области. XII—XIII вв.

Таким образом, славянское племя под давлением кочевых масс в этих местностях совершало отступление. Оно сохранилось, как мы видели, в отдельных укрепленных поселениях в области между реками Ворсклой и Сулой, затем вытесняемое все далее и далее; оно уже в XI в. задерживалось лишь по городкам у низовьев Супоя, Сулы, а в конце XII в. ту же участь испытало и население Посулья, сохранившись в разбросанных укрепленных пунктах. Эти оазисы славянского населения в степях не уничтожились и во время нашествия татар, что доказывается сохранением тех же названий для поселений и в эпоху составления «Книги Большому Чертежу». Они дожили до нового заселения степей и послужили оплотом для новых переселенцев. Предоставленные самим себе, они были в постоянной борьбе с половцами, затем с татарами. Здесь эти жители еще древнего периода, испытывавшие постоянные нападения половцев, остались среди степей уже опытными воинами, а в борьбе с татарами развили еще более свои боевые способности. Они вместе с тем не покидали занятия своих отцов и оставались по-прежнему, как и в период дотатарский, земледельцами. Как тогда, так и теперь они были земледельцы-воины. Отдаленные от центра Литовского княжества, не подвергаясь новым порядкам, они частью сохранили старые древнерусские бытовые черты жизни, частью выработали новые, оригинальные. Они составили ядро того, что потом явилось в виде казачества. Мы еще раз возвратимся к этим древним общинам и снова скажем о них несколько слов.

Мы рассмотрели все те факты, которые дают нам наши источники относительно судеб областей Рязанской, Северской, Переяславской в их упорной борьбе с кочевниками. Нам остается теперь поговорить о Поросьи. Это не было отдельное княжество, а просто военные поселения, образованные русскими князьями для защиты Киева с юга. Под именем Поросья разумелась область, ограничиваемая с севера рекой Стугной, с юга рекой Росью, по берегам которой и были расположены главнейшие города этих военных поселений. Обе эти реки впадают в Днепр с правой стороны. Не только эта местность, но и пространство далее к югу было заселено в глубокой древности. Так на берегах реки Тясмина отыскиваются римские монеты; над Бугом и Тясмином встречаются монеты царей Понта, Босфора и города Ольвии[447], что

указывает на торговые сношения с этими промышленными центрами берегов Черного моря. Все пространство от реки Тясмина до северных берегов Стугны наполнено могилами, городищами, валами, свидетельствующими о некогда бывшем здесь многочисленном населении[448]. На основании летописного рассказа о расселении славянских племен можно думать, что поляне, жившие на правой стороне Днепра, занимали область и по течению реки Роси; далее к югу их поселения смешивались с дулебскими, так как, надо предполагать, дулебы жили не только по верхнему течению Буга, но и по берегам его притоков, например, Синюхи и Соба; затем вниз по Бугу, Днепру, Днестру шли жилища уличей и тиверцев до берегов Черного моря[449].

Таким образом, население между реками Тясмином[450] и Высью[451] на юг и Стугной на севере принадлежало двум племенам: полянам и дулебам. Еще до эпохи княжеской колонизации, которая началась, по летописи, при Владимире Святом, мы видим там существование городов. Так под 980 г. упоминается город Родня, стоявший на устье Роси[452]. Летопись, говорящая обо всем при случае, не упоминает о других городах в этой местности, но нельзя сомневаться, что они существовали в большом числе. Построение городов Владимиром Святым имело целью не заселение местности по Стугне[453], а ее укрепление; это же стремление нужно видеть и в деятельности Ярослава, поселившего поляков по Роси и строившего здесь города[454]. Хотя таким образом боевая граница и была при нем несколько отодвинута к югу, все-таки население, занимавшее область между Росью и реками Тясмином и Высью, было оставлено беззащитным. Но, надо думать, впоследствии, при последующих князьях, укрепленные пункты явились и здесь. Можно сказать, что берега Тясмина принадлежали Руси. Здесь были в конце XII в. княжеские ловища. Так в 1190 году Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич заключили мир с половцами и охотились по Тясмину[455]. Есть также некоторое основание предполагать, что в это время границей славянских поселений была река Высь. В том же году половцы делали частые, усиленные нападения на Поросье, но расположились своим станом по берегам реки Выси и отсюда только предпринимали свои экспедиции[456]. Между действительными границами Руси и земли Половецкой всегда оставалась нейтральная

Половецкий шлем. Реконструкция

полоса. Так на правой стороне Днепра половецкие кочевья начинались лишь за рекой Ивлей. На ее берегу стояла пограничная половецкая стража[457]. Нет никакой возможности в настоящее время сказать, какой реке принадлежало это имя. Из двух летописных известий, приведенных нами, можно только вывести, что Ивля протекала к западу от днепровского луга на три дня пути, следовательно, нейтральная полоса между границами Руси и земли Половецкой была довольно широка. Какие города были построены Владимиром Святым по Стугне, какие Ярославом по Роси, какие укрепления явились в последующее время, нет возможности разграничить вследствие случайности географических известий летописи.

Можно только говорить о городах этой боевой области, не касаясь вопроса о времени их происхождения. Первая линия укреплений шла по реке Стугне. На левом берегу ее находился главный город всего Поросья — Торческ[458]. С полной вероятностью может быть принято мнение господина Ревякина, что этот город находился у существующего теперь села Старых Безрадич, при западной оконечности которых, на довольно обширной горе, обрывистой со всех сторон, находится древний замок с уцелевшими земляными укреплениями и следами внутри его построек и глубокого колодезя; замок этот окрестными жителями называется *Торческим*[459]. Выше по Стугне стоял Василев, теперь Васильков[460]. Устье реки Стугны было сильно укреплено. Тут мы находим Треполь, упоминающийся первый раз под 1093 г. На самом берегу Днепра стоял город Халеп. На юго-запад от него на реке Красной, сливающейся со Стугной, находился Красен. Где-то около последнего был и Варин[461]. Если мы будем смотреть на городок находящийся при селе Стайках как на остаток древнего города[462], то увидим, таким образом, полукруг укреплений около Треполя. За этими-то городами Святополк построил в 1095 году на Витичевом холме город Святополчь, несколько ниже Халепа, на берегу Днепра, и перевел в него жителей Юрьева и местностей за городом Саковым[463]. И теперь еще в Витичеве есть городище, памятник Святополкова города[464].

Теперь мы должны остановиться на вопросе о местонахождении города, для которого не найдено места до сих пор. Это — Юрьев. Возьмем выдающиеся известия летописи. Мономах рассказывает: «потом

на *Торческый город* и потом на *Гюргев* (гонихом) по половцих и паки *на той же стороне у Красна* половци победихом»[465]. Торческ находился на левой стороне Стугны, а Красен к югу от нее, т.е. уже на правой. По смыслу рассказа выходит, что Юрьев был *на той же стороне*, где и Красен, стало быть, также в югу от Стугны. Далее. Под 1159 годом читаем: «Половце же бежаша *от Белаграда на Гюргев*, и много их изоимаша берендчи и Гюргевци, а оно их *во Рси* истопе»[466]. Отсюда ясно, что Юрьев находился на пути от Белгорода перед Росью: берендеи и юрьевцы, преследуя половцев, пригнали их к Роси. Итак. Юрьев находился где-то *между Стугной и Росью*. Но вот известие, имеющее решающее значение: 1162 г. «том же лете придоша половци мнози *к Гюргеву*, и взяша вежи многи *по Роту*... черный же клобук весь свкупившеся ехаша по них и постигоша я *на Рси* и много биша их, и полон весь отъимаша у них[467]». Половцы пришли к *реке Руту или Роту*[468] и взяли тут черноклобуцкие вежи, но также очевидно, что эти вежи были *у Юрьева*, так как сказано, что половцы пришли в Юрьеву. Итак: взятые вежи — у Рута; взятые вежи — у Юрьева, следовательно, Юрьев — у Рута. Из всех этих фактов вытекает необходимость искать Юрьева: между Стугной и Росью, ближе к последней, в недальнем от нее расстоянии, и около реки Рута. Этим условиям вполне удовлетворяет *городище* между деревнями Соколовкою и Глушками, с *трех сторон окруженное Ротом и болотами*, а с четвертой *валом*. Пространство его 136 десятин — 400 саженей. По народному преданию, здесь находился город Соколов[469]. Имя, конечно, не имеет для нас особенного значения. Важно только, что место этого городища вполне удовлетворяет всем условиям. Мало этого. Мы знаем, что в 1103 г. Святополк возобновил Юрьев[470]. Надо думать, что он был вновь выстроен на том же приблизительно месте, где находился и раньше. И вот невдалеке от указанного городища, на берегу той же реки, есть другое земляное укрепление в 3780 квадратных саженей. Оно находится у самого села Соколовки в $5^1/_4$ версты от великого вала, идущего от Устимовки до Саливанек[471]. Одно из этих городищ и может представлять остатки старого Юрьева, другое — нового. Соколовка расположена на правой стороне Рута. Тут же находится и старое земляное укрепление. Оно таким образом менее защищено, чем второе. На месте его и можно положить старый Юрьев,

который в силу малозащищенности своей был уничтожен. Вторично, надо думать, Юрьев был выстроен на месте второго городища, в неприступной почти местности, омываемой с трех сторон рекою Рутом, на левой его стороне[472].

Направляясь далее, вниз по течению Днепра, мы найдем город — *Иван*[473], возле Ржищева. Ниже его был *Заруб*, важный пункт, около которого совершалась переправа через Днепр: здесь был брод[474]. Затем, несколько выше устья Роси, стоял, да и теперь стоит, *Канев*. Около него часто велись мирные переговоры с половцами; здесь князья ожидали греческих купцов, плывших с юга по Днепру[475]. При самом впадении Роси в Днепр был, как мы уже говорили, город Родня[476]. Им начинался ряд укреплений по берегам этой реки. Первым городом на левом берегу Роси, у ее изгиба на север, был Дверен или Дерновый[477]. Затем шли на левом берегу *Корсунь*[478], на правом — Богуславль[479], существующие и в настоящее время. На берегу также Роси находился и город *Товаров*. Нам кажется, что его можно приурочить, вместе с Арцыбашевым, к с. Сиварке, где и до сих пор существует городище[480]. Где-то среди этих городов размещались и те шесть *берендейских* укрепленных поселений, о которых говорит летопись под 1177 г.[481] Мы выше предположили, что *Ростовец* находился на месте нынешней Белиловки, на реке Ростовице[482]; тут же нужно искать и *Неятин*[483], и *берендейские города*, которых остатки являются, может быть, в городищах, рассыпанных в изобилии между реками Ростовицей, Росью и Роской. Далее, вверх по Роси, стоял город *Володарев*[484]. К югу мы знаем лишь *Боровое*, упоминаемое под 1190 г. и приурочиваемое господином Максимовичем к местечку Боровице на берегу Днепра[485]. На самом конце занимающей нас области стоял Куниль, на правом берегу Горского Тикича, при впадении в него речки Безымянной[486]. Вот и все города, какие мы можем указать на Поросьи. Основное население этих городов было славянское, и летопись ясно отличает его от позднейших тюркских поселенцев. Вот, например, *место* из летописи, находимое под 1146 г.: «и ту прислашася к нему чернии клобуци и *все Поросье*»; «и ту совокупишася вси клобуци и поршане»[487].

В 1152 г. Изяслав Мстиславич послал своего сына на половцев «и дав ему силу многу, печенеги каневские, и берендеи, и торки, и ижес-

лавцы, и *порсяне*»[488]. Иногда, впрочем, летопись кратко означает все население Поросья именем поршан[489]. Среди этих давних славянских жителей Поросья в XI в. князья стали селить тюркских кочевников, спасавшихся от надвигавшихся с востока половцев. Мы уже говорили, что в 1080 г. торки были в некоторой зависимости от князей и кочевали около Переяславля[490]. В 1095 г. они уже состояли в действительной службе у Руси, ибо помогали Мономаху выкрасть его сына Святослава из половецкого лагеря[491]. Постепенно прибывали новые колена и принимались князьями на службу. Так Мономах рассказывает, что к нему пришли из степей половецких торки читеевичи[492]. В своих первых походах на половцев князья склоняли торков переселяться на Русь и забирали с собой их вежи. В 1103 г. русские «заяша печенеги и торки с вежами»[493]. Наконец последнее большое переселение этого племени в русские пределы совершилось в 1116 г. Тогда половцы окончательно вытеснили их с Подонья и заставили уйти на Русь[494]. Вместе с ними явились и печенеги, небольшое количество которых вместе с торками оставалось у Дона. Итак, известно переселение в пределы Руси двух племен: печенегов и торков[495], но оказывается, что на службе у князей кроме них были: берендеи, каепичи, турнеи, коуи, боуты[496]. Трудно определить, какие это были племена.

Мы не знаем в степях в домонгольский период таких племен, а потому придется допустить, что это ранее выделившиеся роды из тех же самых торков и печенегов. Когда эти племена только что приходили в знакомство с Русью, то последняя не знала еще хорошо своих новых союзников. Потом, при большом ознакомлении с ними, русские различили их отдельные роды, которые обособились еще гораздо раньше, так что представляли отдельные, самостоятельные единицы. Как прежде Русь называла их всех одними лишь именами печенегов и торков, так теперь она отдельные роды их приняла за самостоятельные племена. Только однажды, вскользь, летопись как бы дает нам знать, что берендеев она считает одним из торкских родов. Так Никоновская летопись, рассказывая об ослеплении Василька, говорит: «и приступи турчин (очевидно торчин), *именем Берендей*»[497]. Летописец обратил родовое имя в собственное. Нельзя считать это домыслом самих составителей Никоновского свода, ибо то же самое мы нахо-

дим и в Ипатьевской летописи: «Торчин, *именем Береньди*»[498]. Затем можно утвердительно сказать, что *турпеи* — это один из родов торков. Мы знаем, что около Переяславля кочевали торки. В 1026 г. половцы пришли *к Баручу*. «Беже весть Ярополку, и повеле гнати люди и *торкы в Баручь и в прочая городы*»[499]. А в 1150 г. Мстислав Изяславич из Канева «послася на ону сторону *к турпеем*»... «Ростислав же (Юрьевич) остави брата в Переяславли, а сам гна *к Сакову* и сгони *турпее* у Днепра, и поимав е, переведе е Переяславлю»[500]. Саков и Баруч находились в одной и той же местности, к северо-западу от Переяславля, следовательно, турпеи — не более как кочевавшие здесь торки. Вот единственные два случая, когда можно сделать такой вывод, как приведенный нами выше. Везде же, во всех известиях летописи, печенеги, торки и берендеи ставятся как отдельные племена. Укажем несколько примеров. 1121 г.: «Прогна Володимер *береньдичи* из Руси, *торци и печенези* сами бежаша»[501]. 1169 г.: «и ту придоша ему берендичи вси, и торцы и печенези»[502]. 1162 г.: «а Рюрик пойде ис торцьского... и *с берендеи, и с куи, и с торкы, и с печенеги*»[503]. Вся эта масса разных тюркских кочевых родов носила на Руси общее имя *черных клобуков*, т.е. *черных шапок*.

Черные клобуки не были особенный какой-нибудь народ, отличный от торков и берендеев, а это название было общим для торков и берендеев, для ковуев и печенегов, и для всех других мелких племен, осевшихся на Руси. Мы приведем выдающияся известия[504]. В 1162 г. у Рюрика были в войсках: берендеи, ковуи, торки и печенеги. Через несколько строк все они названы черными клобуками: «и начама просити *черные клобуци* у Мстислава наперед, ать соглядаем, княже, велика ли рать»[505]. В 1172 г. у Мсьтислава были торки и берендеи. «*Торцы и берендичи льстяху им*». Об этом братья предупреждают его и говорят: «*а черный клобукь нами лестить*»[506]. Прося читателя за другими фактами обратиться к статье господина Самчевского, мы ограничиваемся приведенными, из которых ясно видно, что имя «черный клобук» имело собирательное значение. Оно было родовым, а все прочие имена являлась видовыми. «Черные клобуки» есть не более как перевод тюркского выражения «каракалпаки» или «кара-тули»[507] — черные шапки. Где же, в каких местностях можно

указать поселения этих черных клобуков? Мы уже встречали их на Поросьи и в Переяславском княжестве. В области последнего они кочевали к югу от городов Воиня и Заруба и к северу в окрестностях Баруча и Сакова[508]. Что касается Поросья, то здесь их вежи были главным образом на Белоцерковской степи или Перепетовом поле, в местности, огражденной реками Стугной и Росью. Так мы приводили уже известие летописи, стоящее под 1162 г.: «придоша половци мнози к Гюргеву, *и взяша вежи многи по Роту*. — черный клобук весь свкупившеся ехаша по них, и *постигоша я на Рси*»[509]. Тянулись их кочевья, и по берегу Днепра. Так в 1193 г. «половци воеваша *по Убережи*»[510]. Убережь, по вполне вероятному объяснению господина Барсова, — побережье Днепра[511].

Есть несколько фактов, указывающих на пребывание черных клобуков и в городах. Даже есть известие, будто были города, исключительно населенные тюрками. В летописи мы находим, например, такое сообщение: «Половци же взяша *б городов Береньдичь*»[512]... Были и печенеги *каневские*[513]. Но во всяком случае пребывание черных клобуков по городам в большом или меньшем количестве несомненно. Их князьям давались в управление города. В конце XII столетия мы знаем трех черноклобуцких князей, владевших городами в Поросьи. Кунтувдей сначала сидел в Торческе, затем ему дан был город Дерновый на Роси. Неизвестно, какие города принадлежали Чюрнаю и Кульдеюрю: летопись их не называет[514]. Это были, как видно, люди выдающиеся. Про Кунтувдея летописец говорит, что он «бе муж дерз и надобен в Руси»[515]. Его вместе с Кульдеюрем мы видим в походе Игоря Святославича на половцев к Хоролу в 1183 г.[516] О Чюрнае мы ничего не знаем, но по ходу дела с Кунтувдеем объясняется, что он имел также большой вес у князей, ибо по его доносу Святослав Всеволодович арестовал Кунтувдея[517]. Можно предположить, что черноклобуцким князьям давались те города, где в населении преобладал черноклобуцкий — тюркский элемент. Хотя не в таком количестве, как на Поросьи и в Переяславской области, поселения тюрков были и в других областях. Так Ковуев мы находим в Черниговском княжестве, берендеев в дружине на Белоозере, а если верить Никоновской летописи, то печенеги служили князьям рязанским[518].

Роль черноклобуцкого населения в истории Руси, особенно южной, весьма значительна. Оно принесло новый тюркский элемент на Русскую землю, который с веками расплавился в славянстве и не мог не оказать влияние на славянское население в культурном отношении. Как на севере чистый славянский тип изменился под влиянием финским, так на юге не могло пройти бесследно влияние тюрков, не могло не отразиться на последующих поколениях южноруссов. Не менее важное значение должно признать за черноклобуками в ходе политических событий на Руси и в борьбе ее с половцами.

Теперь мы и намерены сказать несколько слов о значении их как союзников Русской земли. Мы видели характер половецких набегов, видели, как быстры и неожиданны были их нападения, как неуловимы были их отряды во время вторжений и отступлений. Предупредить набегов не было никакой возможности. Оставалось только бросаться за ними в погоню, стараться перерезать их путь отступления и отбить

Половецкая сабля из Краеведческого музея г. Краснодара

полон. Не всегда это удавалось, но не было и никакого другого способа оборонить души христианские от тяжкого рабства где-нибудь в Центральной Азии. Нечего и говорить, что пешая рать не годилась для быстрых преследований. Была у русских и конница, но ей невозможно было соперничать со степными наездниками в быстроте, ловкости, в уменье владеть луком и стрелами. Надо было выставить силу равную по качеству, и такая сила сама явилась служить Руси, не зная, куда спасаться от своих сильных врагов половцев. Русь приобрела в черных клобуках легкое подвижное войско. Они были незаменимы, когда нужно было преследовать врага, уходившего с награбленной добычей. Так, когда половцы ограбили Поросье в 1155 г., «Василько же с *Берендичи* спостиг, изби е»[519]. В 1162 г. черные клобуки нагнали половцев на Роси и отняли пленных[520]. В 1172 г. половцы ограбили города Полоный и Семычь. Наскоро была собрана погоня из ста человек переяславцев и полуторатысячи берендеев, настигла половцев и отняла полон[521]. Когда

нужно было поразить врагов неожиданностью, застать их врасплох, тогда черные клобуки были незаменимы. Так в 1187 г. они двинулись с князьями к Татинскому броду на Днепре. Спустя несколько времени Святослав и Рюрик послали черных клобуков на половецкие вежи за Днепр под начальством Романа Нездиловича, и экспедиция удалась, ибо черные клобуки заранее проведали, что половцы ушли на Дунай[522]. Никто лучше их не мог разведывать о положении врага, никто ловче не умел пробраться в неприятельский стан. Припомним, как удачно торки прокрались в лагерь Китана и не только выкрали Святослава Владимировича, но и убили самого половецкого князя. Когда нужно было опустошить неприятельскую область, то пускали черных клобуков, или нужно было сделать быстрое нападение, — они действовали и в этом случае, — и то и другое называлось «пускати на вороп»[523]. Словом, черные клобуки, как летучее, легкое войско, с одинаковой степной тактикой, с одинаковой привычкой и уменьем владеть тем оружием, какое было и у кочевников половцев, черные клобуки, несомненно, были полезны Руси, но польза, приносимая ими последней в ее борьбе с половцами, несколько уменьшалась благодаря действию чересчур сильных обстоятельств.

С того времени как половцы появились на границах Европы, должна была начаться сильная вражда между ними и торками и печенегами, вражда, возникающая непременно между племенем торжествующим и племенами, вытесняемыми из своей дедовской территории. Печенеги и торки «задаются» за русских князей и мстят своим врагам, отстаивая Русскую землю. Но вот прошли годы, десятки лет, ни торки, ни печенеги еще не ославянились. Мы в 60-х годах XII столетия видим их все еще кочевниками, которым ничего не стоило подняться в один час и перекочевать со всеми своими семьями и стадами куда угодно. Так в 1151 г. черные клобуки говорят Изяславу и Ростиславу: «А к нам приставите брата своего Володимира, ать поедем в своим вежам, займуче же хочем веже свое и жены свое и дети свое и стада своя, и што своего всего, пойдем же к Киеву; *а вы будете до вечера в Киеве, и мы будем*»[524]. И действительно, они явились к Киеву «и с вежами и с стады и скоты их...»[525] Если на них и оказывала влияние культура оседлого славянского населения, если черноклобуцкие князья и вообще знать каракалпацкая усваивали себе нравы и обычаи русских, то все-таки

они оставались еще вполне кочевниками, с инстинктами степняков; они не могли не сознавать своего родства с половцами: и образ жизни, и язык, и тот же тип лица, — все это говорило и тем и другим, кипчакам и русским черным клобукам, — что они родичи, и притом родичи весьма близкие. Ничего нет странного поэтому, что между тюрками Поросья и Переяславля и тюрками степей завязались скоро кровные связи. Сами черноклобуцкие князья, более других ославянившиеся, и те при первом неудовольствии готовы были наделать Руси всяких хлопот. Мы увидим ниже, как русские князья льстили черным клобукам и заискивали у них. Трудность ладить с ними увеличивалась потому, что князьков каракалпацких было много[526], князьков, готовых для личных выгод сделать все. На Руси им уже нельзя было делать наездов друг на друга. Они заменили их ссорами, подкапыванием один под другого. Вот, например, для характеристики эпизод из жизни Поросья в XII в.

Зимой 1190 г. один из черноклобуцких князьков, Чюрнай, сделал донос на другого такого же князька, Кунтувдея. Последний был посажен в Торческе[527], главном городе всего Поросья. Это, очевидно, было завидно Чюрнаю, получившему в свое владение один из второстепенных городов. Святослав Всеволодович, поверив Чюрнаю, не разобрав дела, приказал схватить Кунтувдея. Узнав об этом, Рюрик Ростиславич стал уговаривать его освободить торческого князя, указывая на пользу, приносимую им Русской земле его храбростью. Оказывается, Рюрик лучше Святослава знал натуру степняка. Он предвидел худые последствия этого дела. Он добился от Святослава освобождения Кунтувдея, который был приведен к присяге, и вместе принял меры для безопасности Поросья. Он не ошибся. Что значила для тюрка эта вынужденная клятва, когда он чувствовал правоту своего дела, считал себя опозоренным. Понятно, что он, «не стерпя сорома своего», бежал к половцам. Они с охотой приняли Кунтувдея. Князь Торческа стал подбивать их сделать набег на Русь. Несмотря на то, что всего лишь летом был заключен мир между Русью и половцами, последние решили помочь Кунтувдею. Они прежде всего сделали наезд на городок Чюрная, взяли острог, зажгли двор, захватили все его имущество, двух жен и много челяди. Отсюда Кунтувдей со своими союзниками отступил к реке Выси. Дав передохнуть коням, половцы двинулись к

Боровому, но узнав, что Ростислав Рюрикович находится в Торческе, отступили. В отмщение за эти набеги черные клобуки решили сами сделать наезд на половецкие кочевья. Лучшие люди их собрались, поехали к Ростиславу в Торческ и сказали ему:

«Этой зимой половцы часто нас разоряют. Мы не знаем, подунайские они, что ли?[528] Отец твой далеко, а к Святославу и не шлем: толку не будет, потому что сердит на нас за Кунтувдея».

Ростиславу понравилась мысль их. Он послал сказать Ростиславу Владимировичу:

«Брат, я хотел бы поехать на вежи половецкие, а отцы наши далеко, и других старших нет. А будем мы с тобой за старших. Приезжай ко мне поскорее!»

Соединившись с черными клобуками, они неожиданно явились у Протолчи, где захватили много стад и веж, которым некуда было спастись. За Днепр князья не могли перебраться, ибо был ледоход. С богатой добычей они отступили. Но половцы быстро узнали о своем несчастии. Они не побоялись ледохода и вплавь переправились через Днепр. На третий день они настигли черных клобуков на реке Ивле. Ими предводительствовали два сына Урусобы, Кольдечи и Кабан, Бегбарс и четыре Кочаевича. К ним пристал со своим отрядом еще один половецкий князь, Ярополк Томзакович. Ростислав Рюрикович пустил вперед стрелков. Половцы не выдержали смелого их нападения и смешались. Стрелки и черные клобуки «въвертешася» среди них, много взяли живых, много перебили. Попался тут в руки черным клобукам и половецкий князь Кабан. Они не повели его к Ростиславу, уладились с ним за выкуп и выпустили его.

Этот набег русских не прошел даром. Половцы под начальством двух ханов, Итогда и Акуша, явились на Поросье и стали опустошать его малыми загонами. Одному из них удалось захватить «языка», от которого они узнали, что Святослав стоит в наблюдательном положении у города князя Кульдеюра. Половцы без потерь отступили. Святослав, стоя у Кульдеюрева, не знал, что делают половцы, а они узнали, где он. Когда Святослав затем поехал к Киеву и оставил сына, Глеба, в Каневе, половцы сейчас проведали об этом. Все это заставляет подозревать, что в данном случае черные клобуки сочувствовали

более своим соплеменникам, чем русским. Это обнаружилось скоро после этого, а пока половцы напали на Товаров. Но Глеб зашел им с тыла, они бросились к реке Роси, где их много погибло. Кунтувдей бежал. Прошел год с небольшим. Он все жил у половцев. Осенью 1192 г. черные клобуки снова стали подбивать Ростислава идти на половецкие кочевья. Рюрик не пустил его. Тогда Святослав решил сам наказать половцев за их набеги, которым прошло уже года полтора. Он с черными клобуками двинулся к Днепру, очевидно, той же дорогой, какой шел Ростислав, — к Протолче. Дошли до Днепра, а за него... за него черные клобуки не захотели ехать, «бяхуть-бо, — говорит летопись, — *сватове им* седяще за Днепром близ», переругались со Святославом, и все воротились «во свояси». Тогда Рюрик решил помочь делу. Он послал в землю половецкую звать Кунтувдея назад. Половцы вместе с ним приехали к Рюрику. Он одарил их, возобновил мирный договор, а Кунтувдея оставил у себя и дал ему город Дерновый «ради Русской земли».

Так уладилось дело Кунтувдея. Оно рисует нам довольно живо отношения черных клобуков к Руси и земле Половецкой. Имеются еще два факта, показывающие, как сильно было тяготение каракалпаков к кипчакам, как сознавалась ими родственная связь с последними. В 1187 г. Святослав и Рюрик решили неожиданно напасть на половцев, которые, по слухам, были на левой стороне Днепра у Татинского брода[529]. «Князем же руским идущим на ня, — говорит летопись, — *ис черных же клобук даша весть сватом своим в половцы*». Половцы успели бежать[530]. В другой раз, во время большого похода Мстислава, «бысть весть половцем от кощея от Гаврилкова от Ославича». Половцы успели скрыться, побросавши свои вежи[531]. Что здесь под именем кощея разумеется какой-нибудь каракалпак, это видно из дальнейшего рассказа летописи об этом походе. У Мстислава были черные клобуки, которых он и пустил на «вороп». Князья потом были недовольны на него за то, что он тайно от них «пусти на вороп седельникы свое и *кощее*»[532]. Очевидно, это было бранное слово. Им крестили и половцев. Так певец «Слова о полку Игореве» говорит, обращаясь к Всеволоду: «Аже-бы ты был, то была бы чага (половецкая пленница) но ногате, а *кощей* по резане»[533].

Шаткость, непрочность отношений черных клобуков в Руси сознавалась современным обществом. Князья постоянно могли опасаться с их стороны измены. Когда Игорь Святославич отправился в поход, взяв с собой черниговских Ковуев, ничего не знавший Святослав тяжелый сон видел. «Сыпахуть ми, — рассказывает он про свой сон, — тещиими тулы поганыих тльковин великый жемчюг на лоно»...[534] т.е. «сыпали на меня крупный жемчуг из пустых колчанов поганых союзников». Сон был в руку, потому что в главной битве с половцами первые бежали Ковуи и тем расстроили войска Игоревы[535]. Они были причиной несчастия, причиной слез старика Святослава.

Мы не останавливаемся на легких набегах половцев на Поросье. Тут повторялось то же, что и в остальной Руси: наезды, погони, набеги самих русских. Все это мы видели, рассказывая и о деле Кунтувдея.

Кроме борьбы оборонительной, русские вели с половцами и борьбу наступательную. Они сами предпринимали походы в глубь степей половецких. Мы видели, что земля Северская раздвинула путем военной колонизации свои пределы далеко на юг в область Дона; что Поросье отстаивало успешно свои границы; что даже Переяславское княжество уцелело, хотя и сильно сузилось в своих пределах.

Таким образом, можно сказать, что Русь в этой почти четырехвековой борьбе со степью вышла победительницей: кочевнические волны разбились о нее. Она на своих плечах вынесла эту борьбу и всей грудью прикрыла Европу. Но, будучи знакомы теперь с ходом этой борьбы, с бедствиями областей Переяславской, Киевской, Северской, с теми усилиями, какие пришлось делать их населению, чтобы удержать свою прадедовскую территорию, мы вправе честь защиты Руси и Европы отдать по справедливости Руси Южной. Только в некоторой степени с ней может в этом отношении соперничать область Рязанская.

Испытывала нападения кочевников и Венгрия, но до нее доходили лишь ослабленные волны этого неистощимого моря среднеазиатских наездников. Немало вытерпела и Византия. Отчаянно приходилось ей защищаться против печенегов и половцев с севера, против турок сельджуков и османов с юга. Разделившись в давние времена, эти тюркские братья как бы стремились подать друг другу руку на террито-

Половецкая баба из музея г. Евпатории

рии Византии, снова соединиться после долгой разлуки. Может быть, младшие братья, сельджуки и османы, не сокрушили бы этой дряхлой, покрытой внутри и снаружи неизлечимыми, зловонными болячками империи, если бы ее окончательно не потрясли северные — печенеги и половцы. Византия не просуществовала бы долго и предоставленная самой себе, но тюрки лишь ускорили смерть неизлечимо больного. Византия пала под ударами среднеазиатских братьев. Дорога в Европу с юга была открыта. Оплотом Запада с этой стороны является Венгрия. Но это было уже позже, когда западноевропейские государства окрепли настолько, что могли бы и сами с успехом выдержать борьбу с турками. Путь с востока оберегала Русь. Она-то, вынесши на своих плечах четыре века борьбы с кочевниками, на себя приняла и первые удары татарских полчищ. Это были последние волны, но первые — выдержала Русь Южная. Таково значение вековой *оборонительной* борьбы южнорусского населения со степью.

Обратите внимание на территорию, которую занимали кочевники, на их быт, и вы придете к заключению, что борьбы наступательной Русь вести не могла, что все походы в глубь степей были совершенно бесполезны. Разбитые кочевники рассыпаются в разные стороны на необъятном пространстве степей, бегут со своими вежами в глубь их, — преследовать их бесполезно, догнать их нет возможности. «Со славой и честию великой» возвращаются русские ополчения из похода, а кочевники в глубине степей собираются с силами, вновь придвигаются в границам Руси, и их летучие отряды снова грабят, жгут, убивают, уводят в плен. Они сторицей вознаграждали себя за потери, понесенные ими при походе князей.

Трудно сказать, как смотрело население Руси на эти смелые предприятия своих князей. Мы знаем лишь мнение летописцев, но это еще не есть голос народа. Они смотрят на эти походы с религиозной точки зрения, как на подвиги, предпринимаемые во славу Бога для сокрушения врагов его, «поганых». «Вложи Бог в сердце русским князьям мысль благу», — говорит летописец по поводу похода 1103 г. Знаменья небесные предшествуют походам; чудеса Божии способствуют победам князей. Перед походом 1103 г. были знаменья в луне и солнце, а поход 1111 г. был возвещен явлением огненного столпа над

Печерским монастырем. Двинулись русские, и вот в главной битве «падаху половци перед полком Володимеровым, невидимо бьеми ангелом, яко се видяху мнози человеци, и главы летяху невидимо стинаеми на землю»... Взятые в плен половцы говорили Руси: «како можем битися с вами? а друзии ездяху верху вас в оружьи светле и страшни, иже помогаху вам?» «Токмо се суть ангели, — объясняет летописец, — от Бога послани помогать хрестьяном»[536]. Как подвиг на пользу христианства рассматривали эти походы и князья с более пылкими, воинственными натурами. «Не дай Бог, — говорит Игорь Святославич, — отказываться от похода на поганых: они нам всем общий враг»[537]. Молодые дружинники, полные отваги, стремились положить свои головы за христиан православных и подбивали князей на смелые предприятия. Напали половцы в 1093 г. на Поросье, и идет совет у князя с дружиной. Говорят князю старшие, опытные дружинники: «Не покушайся на них ударить, ибо у тебя мало сил!» «У меня 8 сот отроков, которые могут стать против них», — отвечает князь. А эти молодые дружинники усиленно подбивают князя: «Пойди, князь!»[538]

Но дорого покупалась слава, к которой стремились южные молодые дружинники. Поэтому иначе смотрят на дело старшие бояре, не всегда одобрявшие, как мы видели, смелые движения князей. Князья других областей не всегда участвуют в походах, стараясь отделаться от них. Мы видели, как относились к ним князья Северской земли. «Не можем своей земли пусты оставити»[539]. Такой факт вовсе не указывает на рознь, на игнорирование интересов всей Руси, а только на сознание бесполезности этих предприятий, которыми не достигалось ничего. Северская земля ведет сама борьбу с кочевниками, двигает колонизацию. Когда Мстислав Владимирович с большими усилиями защищал Переяславль, князья полоцкие не хотели идти к нему на помощь, а напротив, «молвяху Бонякови шелудивому во здоровье»[540]. Смоляне, призванные в 1183 г. на защиту Руси после поражения Игоря Святославича у Дона, остановились у Треполя, собрали вече и отказались идти дальше. «Мы пошли только до Киева, — говорили они, — и если бы здесь была война, мы дрались бы; зачем нам искать неприятеля где-то в другом месте: мы уже утомились»[541].

В этих фактах мы не имеем права видеть какой-то розни. Каждая область со своими собственными князьями во главе была совершенно автономна в своих внутренних распорядках. Князья мирились, воевали, не имея права требовать поддержки у соседних областей. Заключались союзы, ряды, но это уже свободное соглашение, а никак не обязанность. Суздальская земля ведет борьбу с болгарами, Новгород с финскими племенами, Рязань — с кочевниками; и ни одна не получает помощи от других областей. У каждой области были свои враги, и каждой из них предоставлялось вести дело самозащиты. Защищать себя — как бы относилось к внутренним распорядкам. Как другие области боролись со своими врагами, так Чернигов, Киев, Переяславль должны были отстаивать себя от своих врагов-кочевников: это были их внутренние распорядки, их личные интересы, а не интересы всей Руси, а потому Смоленск, Полоцк, Новгород имели право относиться к этому так, как они относились.

Мы знаем семь походов князей в степи. По направлению движения русских ополчений мы можем приблизительно определить цель каждого похода. В 1107 г. русские имели целью, как прямо говорит летопись, отразить Шаруканя и Боняка от границ Переяславского княжества[542]. В 1111 г. князья шли через Сулу, Хорол, Псел, Голтву и Ворсклу. Тогда они зашли очень далеко, к Донцу и Тору, но направление похода указывает, что и теперь цель была та же, что и в 1107 г., — оттеснить врагов от Переяславской области[543]. В 1184 г. Кончак двинулся на Русь с намерением предать все опустошению. Святослав Всеволодович собрал силы соседних князей, двинулся навстречу половцам и разбил Кончака на Хороле[544]. Таким образом, в трех этих случаях князья двигались по одному и тому же направлению. Мы видим, что количество князей, принимавших участие в этих походах, весьма ограниченно. В 1107 г. участвовали: Мономах, Святополк Киевский, Олег Новгород-Северский и дети Мономаха; в 1111 г. мы видим тех же самых; только присоединился Давид Черниговский, зато не было Олега Святославича; в 1184 г. идут Рюрик Киевский, Святослав Черниговский, Владимир Глебович Переяславский и сын Романа Мстислав.

Несколько иначе относятся князья, когда дело идет об общерусских интересах. Такими были интересы торговые. Мы в разных

местах уже видели, что торговля с востоком и югом, хотя и затруднилась с занятием степей кочевниками, но не прекращалась. Пути, по которым прибывали купцы с заграничными товарами в Русь и ездили русские торговцы за границу, носили название Греческого, Залозного, Соленого. Они были очень древние, и Мстислав Изяславич называет их путями «дед и отец». Нам не место здесь вдаваться в исследование, по каким направлениям шли они. Видно, что кочевники, затрудняя постоянно торговые сношения Руси, иногда грозили захватить в свои руки эти торговые пути. По этому поводу в 1170 г. Мстиславу Изяславичу пришлось созвать на совет князей. «Братье! — говорил он, — пожальтеси о Русской земли и о своей отцине и дедине, оже несут (половцы) хрестьяны на всяко лето у веже свои, а с нами роту взимаюче, всегда переступаюче; а уже у нас и *Гречьский* путь изъотимають и *Соляный,* и *Залозный*». И князья единодушно согласились принять участие в походе, чтобы «поискати отец своих и дед своих пути и своей чести»[545].

В этом предприятии участвовали князья почти всей Южной Руси. Перечислив тринадцать князей, летопись добавляет: «и инии мнози». Побивши половцев на реке Орели, князья затем вышли к Каневу и дождались «гречников» и «залозников»[546]. Это делалось и раньше. В 1168 г. Ростислав собрал князей, и долго стояли они у Канева, пока не прибыли купцы по греческому и залозному пути. Здесь мы видим всех князей левого берега Днепра[547]. Надо думать, что с такою же целью стояли все лето у Канева в 1192 г. Рюрик и Святослав со всеми своими князьями[548].

Двинувшись с намерением обезопасить на некоторое время торговые пути, русские в 1170 г. спустились по берегу Днепра до Снопорода (Самары) и побили половцев на Орели. Очевидно, такое направление похода имело особое значение. Если нет сомнения, что греческий путь шел Днепром, то Соленый и Залозный где-то у впадения Самары в Днепр отделялись от первого и разветвлялись: один мог идти на восток, другой на юго-восток к Перекопу. В 1103 г. князья двигались по тому же самому направлению.

Они зашли еще южнее, достигли острова Хортицы (Ипат. лет., стр. 183). Можно поэтому предполагать, что целью этого похода было

главным образом оттеснить кочевников от пути греческого. В 1187 г. Рюрик и Святослав снова отправились на юг и, как в 1103 г. Мономах, достигли Самары (Ипат. лет., стр. 440). Так что и этот поход, надо думать, был предпринят защиты торговых путей. В этих предприятиях, как мы видели, участвует гораздо больше князей, чем в тех, которые были сделаны в 1107, 1111 и 1185 гг. и именно потому, что здесь имелись ввиду общие интересы для всей земли.

Знаменитый поход Игоря Святославича стоит совершенно отдельно. Это не было предприятие, вызванное общими интересами Руси. Оно не имело целью даже в защиту Русской земли. Оно было результатом отваги молодых северских князей, их стремления «поискати» древнего Тмутораканя, продолжавшего существовать и быть торговым пунктом на Азовском море. Есть основание предполагать, что по Дону также пролегал торговый путь из Руси на юг, в Крым. Большую вероятность имеет предположение господина Малышевского, что сам создатель «Слова» бывал в «Тмуторакани, видел всю важность и богатство этого города и старался, может быть, подбивать князей на смелое предприятие — "поискати" их "дедины"». Таких поджигателей на громкие подвиги должно было быть много. Впереди виделась слава громкая не только на Руси, во и в Европе, манила и возможность возвращения древних северских городов, богатых Корчева и Тмутораканя. Как было сдержаться, как было не испробовать счастья! И разгорается сердце князя. А тут дружинники не перестают воодушевлять его своими речами. «*Дон ти, княже, кличет и зовет князя на победу*!» — говорят они[549]. Общее воодушевление побеждает князя. «*Хощу*, восклицает он, *копие преломити конець поля половецкого с вами, Русичи; хощу главу свою приложити, а любо шеломом испити Дону*»[550]. Певец «Слова» дает нам понять, что и в Киеве еще раньше знали о существовании в земле Северской этих стремлений. Толкуя Святославу виденный им страшный сон, бояре говорят ему: «*Се бо два сакола слетеста с отня стола злата поискаши града Тьмутароканя, а любо испити шеломом Дону*»[551]. Вероятно, северянами высказывались не раз их мечты и желания. Да и действительно было о чем мечтать! Какою бы славою покрылось имя князей северских и их дружинников, удайся их предприятие. Успех его имел бы, может

быть, громадные последствия, оказал бы большое влияние на ход русской истории. Но это *мы* можем говорить о важности, о великом значении его, можем, по справедливости, видеть огромную пользу для всей Руси в возвращении к ней азовского побережья, можем видеть здесь общерусские интересы. Став же на точку зрения современников этого события, должно будет признать этот поход частным, областным предприятием. Так и взглянула Русь.

Напрасно певец «Слова» старается возбудить всех князей на мщение половцам за поражение и плен Игоря, напрасно он поет им панегирики. Они остались равнодушны к несчастью князей северских. Какие области могли ожидать нападения половцев, те принимают меры. Ярослав Всеволодович собрал войско в Чернигове; Владимир и Олег, сыновья Святослава, были посланы защищать Посемье. Напрасно Владимир Глебович Переяславский посылал к Рюрику, Святославу и Давиду. «Се половцы у мене, а помозите ми», — писал он. Святослав посылал к Давиду; Давид стоял у Треполя с Смольнянами, а они не хотели идти дальше. Князья опоздали помочь Переяславлю. Сильно разорена была его область. Поплатилось, как мы видели раньше, и Посемье. Долго не могла оправиться Северская земля от этого поражения, ибо на берегах реки Каялы погибли лучшие ее силы.

В первых годах XIII столетия предпринимает походы в глубь степей знаменитый Роман. Летописи говорят о двух таких предприятиях этого князя. Одно имело место в 1201 г., а другое в 1204 г.[552]

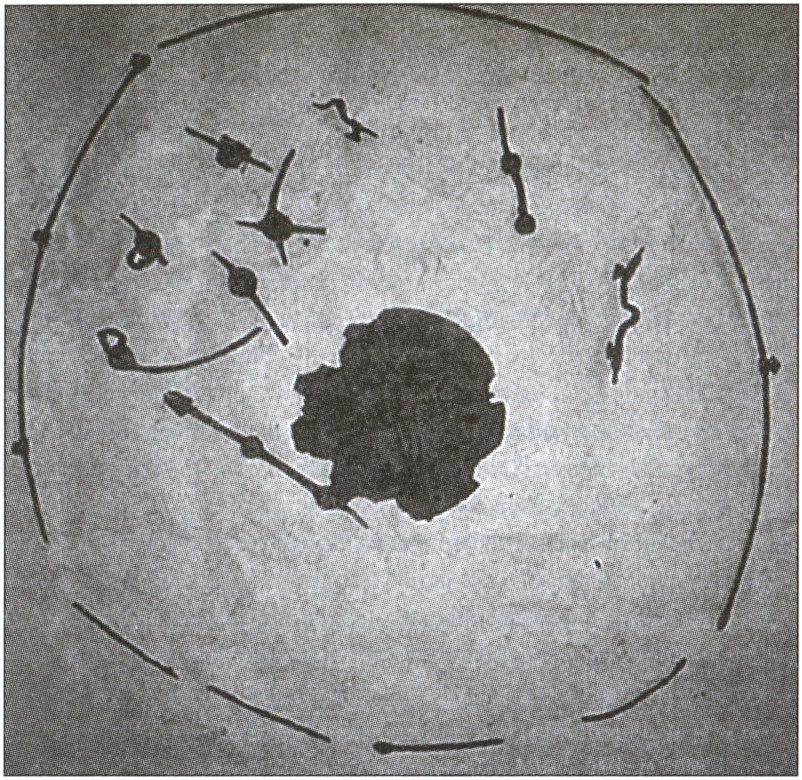
Известия об этих двух походах очень кратки, так что нет возможности сказать, что имелось в виду князьями: хотели ли они оттеснить кочевников от границ Руси или защитить торговые пути. Скорее их нужно считать результатом политики соседней Византии.

В конце XII в. произошло восстание болгар против византийского господства. Делом возвращения самостоятельности Болгарии управляли Петр и Асень, может быть, потомки прежних болгарских царей. Сильно потерпела в борьбе с ними Византия. Участие в ней (борьбе) принимали и половцы на стороне болгар[553]. В 1200 г. они вместе с влахами сделали вторжение в пределы Византии и, разоривши лучшие места страны, безнаказанно удалились и вскоре, может быть, явились бы, по словам Никиты Хониата, у ворот самой столицы,

если бы не пришла помощь с севера. «Галицкий князь, Роман, собравши неожиданно большое и храброе войско, напал на землю половцев и без всякого труда разорил ее. Этим он прекратил набеги половцев и оказал помощь "Римлянам", поставленным в крайнюю опасность»[554]. Оказывается, что в 1200 г. в Византии был галицкий посол[555], через которого, вероятно, и просил греческий император помощи у русских князей. Повлияли тут, конечно, и убеждения киевского митрополита[556]. Не много князей участвовали в походе 1204 г. Это были: Рюрик Киевский, Ярослав Переяславский, Роман Галицкий «и инии князи»[557].

Теплым словом помянул Никита Хониат галицкого князя Романа за спасение своего отечества, но галицко-волынская летопись, вообще неравнодушная к Роману, пропела ему панегирик. Она дает ему имя самодержца, «одолевша всим поганьскым языком... устремилбося бяше на погныя яко и лев, сердит же бысть яко и рысь, и губящее яко и коркодил, и прехожаше землю их, яко и орел, храбор бо бе яко и тур»[558]. Две победы над половцами вызвали эту похвальную оду. Половцы нисколько не изменили своих отношений к Руси, и к 1210 г. мы видим их новый набег на Переяславскую область. Заметим, что в Ипатьевской летописи недостает нескольких годов, и мы не можем уверенно сказать, что за этот пропущенный период половцы не предпринимали экскурсий на русскую территорию. Чтобы оказать действительную поддержку Византии, наши князья должны были направить свое движение прямо на юг, к Черному морю и Дунаю. Двигаясь по этому пути, русские, кроме немощи Греции, очищали и свой греческий торговый путь. Это-то, вероятно, и вызвало такую громкую похвалу Роману со стороны нашего летописца.

Таким образом, походы в глубь степей половецких имели двоякую цель: одни — цель частную — оттеснение кочевников от границ какой-либо области; другие — цель общую — защитить торговые интересы всей Руси. Если для Русской земли важны были сношения с югом и востоком, то и обратно большое значение придавали торговле с Русью купцы востока, запада и юга. Вот почему известия о походах передавались быстро и в Западную Европу, и в Грецию, вероятно, и к арабам. За границей не могли знать цели каждого похода, и все они

Детали половецкого щита. Краеведческий музей г. Краснодара

принимались как попытки облегчить торговлю иностранцам с Русью, обезопасив движение торговых караванов. Понятно, почему «ко всем странам дальним, к грекам и к венграм, к полякам и к чехам, даже до Рима, прошла слава» о походе 1111-го года[559]. Вполне справедливо немцы и венециане, греки и мороване пели славу Святославу и осуждали Игоря за его неудачный поход[560], давший половцам случай усилиться и стеснить торговое движение в южнорусских степях.

Кочевники, являясь опасными врагами Руси, вместе с тем представляли из себя силу, всегда готовую за известную плату поддержать какое угодно дело. Мы видим их наемные отряды в войнах наших князей с соседними государствами. Так печенеги участвовали в походах на Грецию Игоря в 944 г.[561] и Святослава в 970 г. Но служба одних

колен у этого князя нисколько не помешала другим склониться на сторону греков и напасть на русских в порогах[562].

Когда русские познакомились с торками, то не упустили воспользоваться и их услугами. В 985 г. Владимир Святой ведет их на болгар[563]. С появлением половцев князья нашли новую силу для своих военных предприятий. Польша и Венгрия начинают испытывать это на себе. В 1092 г. их ведет на границы первой Василько Ростиславич. Есть одно польское известие, показывающее, что русские князья навели половцев на пределы Польши и в 1119 г. Тогда была опустошена Краковская область и разрушена Вислица. По нашей летописи, это событие относится к 1120 г.[564] Несчастной Вислице пришлось испытать вторично разорение от половцев, которых на этот раз привел галицкий князь Владимирко[565]. Особенно часто приходилось испытывать вторжение кочевников Венгрии. Кроме того, что, начиная с семидесятых годов XI в., половцы сами делают набеги на Венгрию с юго-восточной ее стороны, против венгров наводят их русские князья. В 1097 г. Святополк Киевский задумал отнять удел у Ростиславичей. Разбитый один раз, он послал сына своего Ярослава просить помощи у венгров. Сторону галицких князей принял изгнанный владимирский князь, Давид Игоревич. Он привел знаменитого Боняка. На левом берегу реки Сана, близь города Перемышля, в угле между реками Вягром и Саном, половцы наголову разбили венгров. По словам венгерских историков, их соотечественники никогда не терпели такого поражения[566].

После смерти Романа Мстиславича начинается ожесточенная продолжительная борьба за Галичь. Претендентами являются кроме русских князей и венгры. Они стараются в первое время, под видом поддержки Даниила, захватить Галицкую область в свои руки, что им иногда и удается. В 1206 г. Рюрик ведет половцев на Галичь. На Серете произошло сражение, в котором галичане и венгры были разбиты. Призывал половцев Мстислав в 1213, в 1217 и 1219 гг.

В 1229 г. произошел интересный факт: у Галича сошлись братья, как враги: в войске венгров были половцы Бегбарсовы, очевидно из тех, которые раньше поселились в Венгрии, — а на стороне Даниила были половцы с князем Котяном[567]. Испытала силу их и Литва. В 1251 г. Даниил посылал своего брата, Василька, с половцами на

Князь Даниил Галицкий. Скульптор Э. Мысько

Ятвягов. В 1253 г. галицкий князь водил их против Мендовга[568]. Брали себе в помощь половцев и князья суздальские. Так в 1183 г. Всеволод Юрьевич во время похода на волжских болгар принял предложение половцев участвовать вместе с ним в этом предприятии[569].

Только на пользу Руси могло бы служить соседство кочевников, если бы их роль ограничивалась лишь участием во внешних войнах русских. Но, к несчастью, гораздо чаще степняки являлись деятельными участниками во внутренних событиях земли Русской. Разные обстоятельства побуждали русских князей приглашать кочевников. Мы знаем таких приглашений, конечно, более крупных, 34. Кроме подарков, известной платы за труды, союзники обогащались большой добычей, безнаказанно грабя мирных жителей. Действия этих наемников нисколько не показывали в них добрых помощников, и населению было также чувствительно их посещение, сделано ли оно по приглашению или без него. В 1094 г. они, будучи призваны Олегом против Мономаха, грабили и разоряли окрестности Чернигова, перебили много народа, увели большое количество пленных, которые потом были распроданы в рабство[570]. В 1172 г. Глеб Юрьевич нанял половцев против Мстислава Изяславича, и они сильно опустошили Киевскую область[571]. В 1234 г. приведенные Изяславом Владимировичем кочевники разорили окрестности Киева[572].

Когда образовались военные поселения черных клобуков, то они начинают принимать деятельное участие в междоусобиях русских князей. Находясь в тесной связи с Русью, составляя население целой ее области — Поросья, эти приятели тем не менее не особенно щадили своих новых соотечественников. В 1151 г., помогая Изяславу Мстиславичу, черные клобуки явились у Киева «и с вежами и с стады и скоты их и многое множество, и велику пакость створиша, оно ратнии, а оно свое, и монастыри оторгоша, и села пожгоша, и огороды вси посекоша»[573]. Призывавшие их князья не могли воспретить грабительств и опустошений, ибо рисковали тотчас же быть ими покинутыми. Когда Иван Ростиславич, князь Берлади на Дунае, наняв половцев для войны со своим двоюродным братом, галицким князем Ярославом, не дозволил им разграбить город Ушицу, они тотчас же оставили его[574].

Князья не только не могли держать в строгом повиновении своих степных союзников, но даже должны были стараться подделываться под них, привлекать их к себе всякими способами. При малейшем поводе черные клобуки изменяли князьям. Вот самый интересный факт отношения каракалпаков к русским князьям. В 1159 г. Изяслав Давидович (из фамилии князей черниговских) задумал ослабить Галичь отделением в нем удела для Ивана Берладника. Как киевский князь, он имел в своих войсках и черных клобуков. Он осадил Белгород. В это время против него подвигались силы Мстислава, Владимира и Ярослава Галицкого. Берендеи показывали вид, будто деятельно принимают участие в штурмах Белгорода, а сами между тем сговаривались друг с другом совсем о другом. Во главе заговорщиков стояли черноклобуцкие князья Тудор Сатмазович, Каракозь Мнюзович и Карас Косей. Они отправили одного пленника ночью к Мстиславу Изяславичу с таким письмом: «*В нас, князь, для тебя и добро и зло; если ты хочешь любить нас как твой отец, и дашь нам по лучшему городу, то мы отступим от Изяслава*». Мстислав обрадовался их предложению, в ту же ночь отправил к ним с их посланцем Олбыря Шерошевича, принял все их условия *и принес им в этом присягу*[575]. Черные клобуки сознают свою силу и говорят смело князю: «В наших руках твое счастие и несчастие», и князь сознает это и целует им крест на всей их воле. Вот что они говорили князю, когда находили для себя опасным далее поддерживать его: «Князь, сила у твоего врага велика, а у тебя мало дружины; не погуби нас, ни сам не погибни; но ты наш князь; когда силен будешь, и мы с тобой, а теперь не твое время, поезжай прочь!»[576].

Они приглашают князей на киевский стол[577], и князья прежде, чем пойти для добывания его, стараются склонить их на свою сторону. Юрий Суздальский, претендовавший на киевское княжение, сначала посылает на юг своего сына, Ростислава, чтобы под рукой разведать о состоянии умов на Поросьи. Только Изяслав Мстиславич вовремя узнал, в чем дело и, арестовав сынка, выпроводил его к батюшке[578].

О важном значении черных клобуков знали и соседи Руси. Тот же Изяслав Мстиславич, желая убедить венгерского короля подать ему помощь, пишет: «А все ти скажуть твои мужи и брат твой Мьстислав,

како ны Бог помогл, и пакы како ся по нас яла Русская земля вся и *чернии клобуци*»[579].

В мирное время князья старались располагать к себе черных клобуков подарками и угощениями. Так в 1195 г. Давид Смоленский, будучи в гостях у Рюрика в Киеве, позвал к себе на обед черных клобуков «и ту, — говорит летопись, — попишася у него вси чернии клобуци, и одарив их дарьми многими и отпусти их»[580].

Такие же приятельские отношения русские князья стараются поддержать и с половцами. Можно было их поднять и золотом[581], которое было главной силой, возбудительно действовавшей на кочевника, но золото могло быть у всякого; всякий мог надбавкой платы перетянуть половцев на свою сторону. Поэтому князья всех родов стремятся заключать родственные связи с половецкими ханами. Так как черные клобуки гораздо ближе жили к областям Мономаховичей, были пограничными соседями их уделов, так как другим князьям трудно было сноситься с Поросьем, то суздальские и северские князья по бóльшей части опираются на половцев. Особенно дружественные отношения были с ними у Ольговичей. Первый пример брачного союза между русскими князьями и половецкими ханами мы видим в 1094 г. Тогда Святополк Изяславич Киевский женился на дочери Тугорхана[582]. Этим браком предлагалось хоть несколько обезопасить Русь от половецких набегов. Но это не привело к желаемой цели. Мы видим нападения тестя Святополкова на Переяславль и в 1096 г.[583]

По таким же побуждениям был заключен брак между сыновьями Владимира Мономаха и Олега Святославича и дочерьми половецких ханов: Юрий Владимирович женился на дочери Аэпы, внуке хана Осеня, а Святослав Ольгович на дочери другого Аэпы, внуке Гиргеня[584]. Но и это не принесло пользы. Далее начинают являться браки уже с целью иметь сторонников в земле половецкой на случай междоусобной борьбы. Так в 1117 г. Мономах женил своего сына Андрея на дочери Турк-хана[585]. Рюрик Ростиславич получил от отца в жены дочь половецкого хана Беглюка[586]. В 1205 г. Всеволод Суздальский сосватал для своего сына, Ярослава, дочь половецкого хана Юрия Кончаковича[587]. Особенно последний брак показывает, что тут имелось в виду не оградить земли от набегов, а запастись родственниками в степи,

ибо Суздальская земля была совершенно закрыта от половецких вторжений.

Всеволод на примере своего отца Юрия видел, как полезно иметь приятелей среди кочевых наездников. Понимал это и Мономах, ибо ему самому уже приходилось опираться на степные силы. Понятно, что не лишним для себя считал Даниил Галицкий сделать своим сватом половецкого хана Тегака[588]. В 1187 г. Владимир Игоревич возвратился из половецкого плена с женой, дочерью знаменитого Кончака. На Руси сыграли вторично свадьбу, ибо она была уже раз совершена в степи, и Владимир вернулся домой сам-третий[589].

Были браки и с романическим характером. Святослав Владимирович имел вотчимом половецкого хана Башкорда. Оказывается, что его мать после смерти первого своего мужа, Владимира Давидовича, увлеклась степным красавцем и бежала к нему в кочевья[590]. Вероятно, это не единичный факт. Князья, особенно Ольговичи, старались поддерживать тесную родственную связь с половцами, ибо находили в них единственную поддержку в своих притязаниях. Половцы также более склонялись на сторону князей северских, что выразилось тем, что мы видим их большей частью на стороне Ольговичей. Они всегда были готовы оказать им помощь и дружественно заявляли об этом. «Спрашиваем о твоем здоровьи, — говорили дядья Святославу Ольговичу через своего посланца, — а когда велишь нам с силою к тебе прийти»? И вслед за тем они явились к нему со своими отрядами[591]. Посмотрите, как в свою очередь обращались русские князья к половецким ханам. «*Отче*, — говорил Даниил Котяну, — измяти войну сю, *приими мя в любовь собе*»[592].

На примере Игоря Святославича видно, как радушно держали половецкие ханы русских князей в своих кочевьях. Заметим, что Игорь был пленник. Они для безопасности только окружили его почетной стражей из 20 человек, в числе которых было пять из высшего сословия, но эта стража беспрекословно исполняла все приказания Игоря. Ему позволялось иметь при себе пять или шесть русских слуг. С ними и своей стражей он ездил свободно, куда хотел, тешился охотой. Ему разрешено было иметь при себе священника со всем необходимым для совершения службы[593]. Тем больше радушия и гостеприимства

должны были оказывать половцы князьям, являвшимся к ним добровольно. Были князья, которые всю свою жизнь провели в степи среди своих половецких родственников. Таков, например, Изяслав Владимирович, внук Кончака по матери, племянник Юрия Кончаковича.

Уже из того обстоятельства, что половцы были в родственных связях со всеми почти княжескими родами Руси, можно видеть, что в истории Русской земли они сыграют роль силы уравновешивающей, которая не даст возможности вполне восторжествовать какому-нибудь одному стремлению, проводимому какой-либо из княжеских семей. Такова в действительности и была роль кочевников в политических событиях Древней Руси.

Существует несколько взглядов на ход истории русской. Нам не у места здесь входить в рассмотрение этих теорий. Нам кажется только, что нельзя вполне признать мнения, отрицающего существование в древний период нашей истории сознательных идей, стремлений у русских князей. Если идее не удалось осуществиться, это еще не значит, что ее не было. Идея самовластия могла существовать и, по нашему мнению, существовала в действительности. Появиться ей было откуда. Традиции Византии находили у нас место, и как же объяснить иначе деятельность Мономаха, Мстислава, его сына, Андрея и Всеволода Суздальских. Всякая идея есть нечто составное. Содержанием его являются идеи детальные. Чтобы выполнить идею самовластия, надо было заняться достижением ее деталей: 1) уничтожить или сделать полными подручниками удельных князей, 2) лишив земли возможности иметь каждой своего князя, подавить вече, 3) осилить боярское начало, не дав ему возможности развиться в политическую силу, а затем уже 4) обратить всех в «холопей государевых». Таково содержание идеи самовластия. Если она не существовала во всей своей полноте в головах русских князей, хотя этого мы не знаем, то мы вполне утвердительно можем сказать, что две первые детали ее сознавались.

Идею централизации, как одну из детальных идей самовластной тенденции, некоторые князья, как Святополк, прозванный окаянным, старавшийся перебить князей, как Мономах, как Мстислав, его сын, отправлявший в ссылку князей, как Андрей, выгнавший своих братьев

Великий князь Владимир Мономах. Художник В.П. Верещагин

и племянников и посылавший сказать князьям: «не велю вам быть в Русской земле: не хóдите в воле моей»; как его брать, Всеволод, задавивший Рязань, заковывавший и садивший князей в погреба, — старались проводить. Если в домонгольский период не удалась централизация, если в самой Суздальской области после Всеволода мы видим вновь дробление на уделы, это только показывает, что сторонников этой идеи ни в современном обществе, ни среди князей, ни среди народа не было. Внушало и поддерживало ее только духовенство, усвоившее византийские традиции.

Идея централизации была в головах только немногих князей, и сочувствия не встречала. Эти личности стояли вразрез с воззрениями

массы. В этом обстоятельстве, что удельно-вечевой порядок все-таки вполне сохранился, несмотря на попытки централизации, что до самого нашествия монголов мы не видим успехов этих начинаний, а напротив, идея погибает, лишь умирает проводивший ее князь, и торжествуют стремления удельно-вечевые, — этим обстоятельством вполне опровергается мнение, видящее во всем ходе истории удельно-вечевого периода подготовление к созданию у нас самодержавия, причем главным деятелем является народ. Были попытки централизации, может быть, существовало уже сознательно стремление к самовластию, но они встречали сильное противодействие в князьях и в населении. Но мы невольно увлеклись от нашего предмета в сторону. Мы намерены когда-нибудь поговорить специально о значении удельно-вечевого периода в русской истории. Здесь мы хотели только указать на существование у нас централизационных стремлений в древний период.

Князья, вначале рассаживаемые по областям для большей связи их с центром, вскоре сливают свои интересы с областными, стремятся к обособлению, признавая только семейное единение с киевским князем, но не политическое подчинение. Уже мы видим, что Ярослав отказывается вносить Киеву определенную дань; Мстислав, сидя в далекой Тмуторакани, является в Русь только для того, чтобы заставить киевского князя поделиться с ним Русской землей и признать его самостоятельность; князь туровский, Святополк, еще при жизни Владимира заводит сношения с Польшей, чтобы иметь поддержку для заявления своей автономности, и попадает за это в тюрьму. Таким образом, областные стремления нашли себе точку опоры в самой княжеской семье.

Святополк понял всю опасность такого положения вещей и решил централизовать области, перебив князей. И вот централизация опирается на кочевников. Святополк нанимает печенегов и с ними борется против Ярослава, бывшего на тот час представителем федеративных стремлений[594]. Не помогли печенеги киевскому князю, ибо против них была выставлена другая наемная сила — дружины Западной Европы. Умер Святополк, но идея не умерла. Она снова всплывает при Всеволоде Ярославиче и его сыне Владимире Мономахе... «Всеволод же, —

говорит летопись, — седе Кыеве на столе отца своего и брата своего, *переемь всю власть Рускую*»[595]. В последних словах заключается глубокий смысл. За ним наступает княжение недалекого Святополка Изяславича, при котором всеми делами заправляет умный и ловкий Мономах. Начинается борьба между ним и его энергичным противником, Олегом Гориславичем Северским.

Борьба этих двух личностей, возвышавшихся головой над современным обществом, была столкновением снова двух идей: централизационной и федеративной. И снова первой пришлось обратиться к помощи кочевников, и Владимир Мономах посылает половцев своему сыну против Олега[596]. Когда Мстислав Владимирович, севший в Киеве после Мономаха, решил привести в повиновение своей власти князей полоцких, то и ему пришлось употребить в дело кочевников. Так в 1128 г. он послал против них в числе прочих сил и торков 600[597]. Таковы факты, которые можно указать по нашим источникам. Нам кажется, что их было гораздо больше. Но если киевским князьям приходилось опираться на степняков для приведения в послушание областных князей, то и последние приводили кочевников в защиту своих прав. Об этом мы имеем уже массу известий. Приведем два-три факта. Тот же самый Олег Гориславич в своей борьбе с киевскими князьями постоянно опирается на половцев. Он приводил их несколько раз. В 1078 г. он вместе с Борисом Вячеславичем разбил при помощи степняков Всеволода Ярославича. В 1091 г. он привел их под Чернигов и заставил Мономаха уступить ему свое отцовское княжение. Не без его ведома, кажется, в 1096 г. Боняк, Куря и Тугорхан делали набеги на Переяславскую область[598]. Также надо предполагать, что при помощи половцев ограбил Олешье Давид Игоревич в 1084 г., будучи лишен удела киевским князем[599]. В 1135 и 1136 гг. Всеволод Ольгович Черниговский ведет войну с киевским князем Ярополком Владимировичем, защищая князей-изгоев. Он также призывает половцев[600].

После смерти Мстислава Владимировича идея великокняжеской власти, как идея централизационная, переходит на север, в Суздаль, где проводниками ее являются Андрей и Всеволод. Но на юге остался ее след. Мономах, проводя эту идею, справедливо видел большое значение в установлении наследственной великокняжеской власти. Он

оставляет киевский престол своему старшему сыну, Мстиславу. Это было полное нарушение княжеских прав. Тут назначение наследника передавалось совершенно на волю великого князя и устанавливалась наследственность. Но мысль Мономаха не нашла себе продолжателей среди его семьи. Мы видим, что после Мстислава садится в Киеве брат его Ярополк, а не сын Изяслав. Мономаховичи вывели из этого факта деятельности своего отца совсем иную идею — первенства Мономахова рода на Руси, принадлежности ему одному Киевской области, а, стало быть, и великокняжеского стола. Понятно, что другая семья — Ольговичей — не могла позволить развиваться и упрочиться новому, случайно возникшему принципу, и открывает упорную борьбу с линией Мономаха. В ней деятельное участие принимают и кочевники, причем черные клобуки являются постоянно на стороне Мономаховичей, а половцы помогают Ольговичам. Так в 1146 г. Всеволод Ольгович водил половцев против Володимирка Галицкого, который противился утверждению рода Святославичей на киевском столе[601]. Изяслав Давидович не раз пользовался их успехами, то подводя их на Переяславль, то выгоняя Мономаховичей из уделов[602]. Но и эта идея — первенства рода Мономахова — вскоре осложнилась. Семья старшего сына Владимирова Мстислава присвоила себе одной право занимать киевский стол. Младшая линия, в лице Юрия Владимировича Долгорукого, протестует и ведет половцев против Мстиславичей. Юрий приглашает их в 1149, 1151, 1152 и 1154 годах[603].

Но борьба, вызванная этими стремлениями, заставляла каждого князя опасаться за самостоятельность своего удела: желание противодействовать принципам, являвшимся у других родов княжеских или у отдельных личностей князей внушало мысль о необходимости усилиться самому, увеличить на будущее время свои средства для борьбы. На половцев не всегда можно было рассчитывать: их могли призвать и противники. Отсюда появилась мысль о внутренней централизации в областях. Являются князья, стремящиеся уничтожить уделы в тех землях, где они сидели. Она возникала прежде всего у князей галицких. Первый, начавший осуществлять эту идею, был Владимирко Володаревич. Он выгнал своего племянника Ивана Ростиславича и сосредоточил всю Галицкую область в своих руках. Затем то же самое

Великий князь Изяслав Давидович. Художник В.П. Верещагин

стремление мы видим и в земле Северской. Представителем его является здесь Изяслав Давидович, который старается лишить новгород-северского удела Святослава Ольговича и тем собрать всю Северскую область в своих руках. Когда Суздаль сильно стал теснить землю Рязанскую, стремясь сделать ее князей подручниками своего, то и тут вспыхивает идея централизации. Проводниками ее являются здесь два князя: Роман и Глеб. Стараясь осуществить свой план — уничтожения уделов в своей земле, — князья опираются на отряды кочевников. В 1156 г. Изяслав Давидович ведет их против своего племянника, Святослава Владимировича[604]. Глеб Рязанский при помощи половцев перебил шесть удельных князей своей области[605]. Но еще более сильную поддержку находят у степняков те, кому приходилось бороться против централизации. В борьбе с Изяславом Черниговским князю новгородсеверскому помогают его дядья по матери половчанке[606]. Если Святослава поддержали города, не хотевшие признать власти Давидовича, то подобной поддержки не мог найти Берладник в городах галицких, где всякое значение земства было придавлено князем и боярством. Он находит поэтому помощь только лишь у половцев.

В 1159 г. он вместе с ними разорял дунайские города, принадлежавшие галицкому князю, грабил галицких рыболовов и затем двинулся в пределы Галицкой области, но после неудачной осады Ушицы должен был снова бежать к киевскому князю, Изяславу Давидовичу[607].

Вот факты, которые вполне достаточно рисуют роль кочевников в политических событиях Древней Руси. Несмотря на то что борьба из-за всех указанных стремлений шла в продолжение веков, мы видим, что ко времени нашествия татар порядок удельно-кочевой вполне сохраняется. Ни одна из идей не торжествует. Мы видим кочевников на разных сторонах. Теперь они дают перевес одному стремлению, после, поддерживая его противников, не дают возможности ему развиться, и оно исчезает. Были, конечно, и другие причины такого исхода дел, но вполне ясно выступает при этом и значение степных наездников как силы, уравновешивающей, парализующей всякие начинания к нарушению присущего Древней Руси политического устройства.

Но если такова была роль кочевников в нашей древней истории, то соседство их с Русью имело другие, не менее важные последствия. Будучи силой, постоянно готовой поддержать всякое стремление, они этим самым способствовали ослаблению Русской земли. Ведя с ними постоянную борьбу, занятое постоянно защитой жизни, имущества, своих пепелищ, стараясь сохранить древнюю связь с южными культурными странами, население Южной Руси направляло все свое внимание сюда, на свои южные границы, не имело ни времени, ни возможности осмотреться, обратить свой взгляд на другие события, совершавшиеся на земле Русской. На юге не могло сложиться никакого прочного порядка; понятно, что только на севере, удаленном и защищенном от кочевников, должны были собираться силы; могли под шум борьбы, которую вел юг со степью, слагаться и упрочиваться новые государственные идеи; князья севера спокойно могли следить за ходом политических дел на юге Руси и никуда не растрачиваемые свои силы употреблять на распространение своего влияния по всей Русской земле. А силы на север должны были прибывать постоянно.

Поселение юга, спасаясь от опасного соседства кочевников, должно было уходить, искать более спокойных мест для своих земледельческих занятий. Это дало возможность князьям севера вести деятельно

колонизацию, строить новые города. Их доходы, их силы военные должны были расти. Даже если бы население юга не стремилось на север, если бы оно не покидало своих старых пепелищ, то и тут получилась бы огромная разница между севером и югом. Область Суздальская была окружена финно-угорскими племенами, по культуре весьма низко стоявшими, борьба с которыми не была опасной и упорной. Тут происходило скорее истребление, чем борьба. Вместе с тем слабое по культуре туземное население быстро поддавалось ославянению, ассимилировалось, сливалось с пришельцами-колонистами. Сама страна способствовала успехам колонизации. Выдвинулась новая колония, заняла новый кусок финской территории, она сейчас может укрепиться, закрыться лесами, болотами от нападений и из этого нового притона двигаться далее, создавать новые городки, которые в свою очередь будут под защитой природных условий страны.

Куда и как могла вести свою колонизацию Русь южная? И соседи, и местность у нее были совсем иного характера. Ровная, безграничная степь, все более и более с появлением на ней кочевых масс очищающаяся от лесов, не представляла никакой защиты для колонистов. Враг был с более сильной культурой, устойчивый в своих обычаях и образе жизни. Мы видели, что черные клобуки, живя среди славянского населения более столетия, не изменили своих степных привычек. Если они и подвергались влиянию славянской культуры, то чисто внешним образом. С течением времени ханы присваивают себе имена Глебов, Ярополков, Юриев; может быть, их жизнь в шатре сделалась несколько комфортабельнее, потеряла часть своей грубой простоты, но, конечно, это все не имело никакого значения, и степняк оставался таким же степняком. Кочевник, уничтожавший в своих набегах целые поселения, не допустил бы никогда выдвинуться колонизации в степи, уничтожил бы первые ее попытки.

Мы видели, каких трудов стоило Северской земле провести свои военные поселения в область Дона, хотя местность здесь и представляла некоторые благоприятные условия. Значит, избытку населения некуда было идти. Уже по этому одному должно было начаться движение на север, а страх за свою жизнь еще более усилил его. Таким образом под влиянием соседства кочевников постепенно соверша-

лось усиление северных областей. Если татары потом и разогнали и перебили его население, то это уже не могло изменить дела. Известия летописцев об истреблении жителей надо считать сильно преувеличенными. Население разбежалось под защиту лесов и болот, но потом снова вышло из своих убежищ. Северная Русь спустя каких-нибудь сто с лишним лет могла выставить для борьбы с татарами значительные силы. Это показывает, что количество ее населения было не особенно мало. Это-то обилие его и было следствием постоянных переселений с юга, начавшихся под давлением соседей-кочевников в древний период русской истории.

Этим мы заканчиваем третью главу. Мы переходим теперь к изложению судеб окраинного славянского населения, насколько позволяют наши крайне скудные источники.

СУДЬБЫ ОКРАИННОГО СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Посвящается моим учителям
В.Б. Антоновичу и В.С. Иконникову

Давно мы покинули окраины Русской земли, как бы забыв, что и там, в области реки Дона, у Азовского моря, и у низовьев Днепра, Днестра и Буга, «оли до Дуная», по берегам Черного моря, жили также славяне. Ведь и им пришлось испытать на себе силу кочевников, бороться с ними за свое существование, отстаивать свою территорию.

Восточные славянские поселения, хотя уже сильно стесненные кочевниками, все-таки до конца XI в. получали поддержку со стороны Руси. Мы видим на самом конце русско-славянского мира Тмутараканское удельное княжество, князья которого вели дело его защиты. В другом положении находились поселения уличей и тиверцев. Мы видели, что князья оставили их на произвол судьбы, ибо не могли добиться их подчинения. Трудно было мирным племенам сопротивляться против таких врагов, как были нахлынувшие тюрки. Мы раньше видели, что при появлении кочевых орд славяне Черноморья каждый раз подчинялись им. Так было при нашествии гуннов и авар. Теперь были другие исторические условия. В то время эти кочевые массы двигались далее, обрушивались на Западную Европу. Но в IX и X вв. на западе образовались прочные государства; кочевники не могли уже громить Европу из конца в конец. Они встречали сильное сопротивление, принуждены были ограничиться единичными набегами, правда весьма частыми, опустошительными, но не имеющими

ничего общего с погромом гунским или аварским. Вследствие этого, эмиграция турок останавливается только в степях Черного моря, которые на несколько столетий становятся их отечеством, их *постоянным* местопребыванием. Тем легче было для Западной Европы, тем тяжелее для русских славян: вся эта масса кочевых орд была тут, постоянно под боком, не давала вздохнуть свободно, не оставляла времени собрать сил для защиты.

Наконец, изменились и самые условия быта черноморских славян. Если мы можем думать, что во времена гуннов и авар эти пленена были уже земледельцами, то все-таки во всем другом не слишком высоко стояли по культуре. Весьма вероятно предположение, что эти славяне участвовали даже в походах кочевников того времени. Но в эпоху, нас интересующую, они не могли уже иметь ничего общего со своими новыми врагами. Оставалось бороться, что было весьма трудно, или эмигрировать. Как жили, как боролись, куда уходили эти передовые славянские племена, наши летописи ничего не знают. Глубокий мрак покрывает историю этих поселений, но, благодаря усилиям русских ученых, можно собрать уже несколько отрывочных фактов, которые проливают некоторый свет на интересующий нас вопрос. Отправимся сначала на Дон и посмотрим, что делается с тамошними поселениями.

Мы видели, с каким трудом Северской земле удалось выдвинуть свою колонизацию на юг. Это произошло лишь в XII в. Русь стала ближе в Подонью, к берегам Азовского моря. Но от появления печенегов в IX в. до указанных успехов северян прошло двести с лишним лет. Все это время славянское население оставалось почти беззащитным. Вышедши из-под покровительства Хазарской державы, оно могло бы рассчитывать на помощь и защиту Руси, образовавшей на Таманском полуострове удельное княжество Тмутараканское. Может быть, в княжение там Мстислава, энергичного воителя, славяне Подонья и пользовались некоторой безопасностью, но и он, и последующие князья, появлявшиеся в Тмуторакани, интересовались более делами на Руси: их тянуло к Днепру. После 1024 г. до 1054 г., в продолжение тридцати лет, там князя не было. Мы не знаем даже, был ли там посадник. Затем начинается быстрая смена князей, которые

являлись туда на время, для своих личных целей, чтобы запастись средствами для борьбы с своими противниками на Руси. Правда, появлялись между ними и люди, от которых можно было ожидать защиты. Таков, например, был Ростислав Владимирович, но он прокняжил в Тмуторакани всего два года, и то с перерывом. Утвердившиеся там в семидесятых годах XI в. Святославичи, Олег и Роман, были заняты борьбой с великими князьями киевскими. В последний раз Тмуторакань упоминается в русской летописи под 1094 г. В этом году Олег покинул ее, чтобы сесть в Чернигове. Но этот славный торговый город продолжал существовать и быть центром торгового движения на юго-востоке.

Таким образом, крайне слабую защиту давала славянскому населению Подонья связь его с Русью. Эта область была уже за границей Русской земли, и последняя не считала себя обязанной подавать ей помощь в борьбе с кочевниками. По дальности расстояния это было и трудно. Славянским поселениям приходилось самим отстаивать себя. Но мирному, земледельческому и торговому населению это было крайне нелегко. Но так как борьба была неизбежна, то прежде всего должно было произойти отступление в более защищенные места. Население сгруппировалось на юге под защитой городов: Тмутаракани и Таны, лежавшей недалеко от устьев Дона. Последний город был также одним из важных торговых центров[608]. Другая часть отступила к северу, где начиналась полоса лесов. Благодаря постоянной борьбе явилась необходимость усвоить себе тактику врагов, перенять их способ владения оружием, ваять их оружие. Но рядом с враждебными столкновениями происходили и мирные сношения, благодаря некоторым общим интересам, торговле. Население Подонья не имело прочной связи с Русью, а потому у него было возможно более скорое и легкое отступление от прадедовских обычаев и усвоение чужих. Если коренная Русь вступала в родственные союзы с кочевниками, то тем более это возможно было здесь, где приходилось быть постоянно вместе. Словом, здесь должен был происходить самый сильный культурный обмен. Если кочевники подвергались культуре оседлого населения, то зато и последнее не оставалось без влияния на него быта кочевников.

В Тмуторакани мы можем видеть разные национальности. Были тут греки, которые составляли торговую часть населения главным образом. Затем славяне, поселившиеся здесь в глубокой древности[609]. Вслед за ними на Таманском полуострове являются готы Тетракситы, явившиеся здесь в III в.[610] За ними сюда явились гунны. Но преобладающим элементом здесь нужно считать славянский, так как поселения их занимали большие пространства по Дону. Когда все южные области подпали под власть хазар, то последние стали жить и в Тмуторакани. Так нам известно, что в дружине Олега Святославича были хазары. Они в Тмуторакани сделали заговор против него, и затем некоторые из них были казнены[611]. Еще при Святославе были покорены яссы, народец, живший по сю сторону Кавказских гор. Это аллане других средневековых писателей[612]. Были подчинены при Мстиславе и коссоги. Весьма вероятно, что из яссов и коссогов были поселенцы в Тмуторакани, ибо коссогов мы наравне с хазарами находим в дружине Мстислава Ярославича в 1024 г.[613] Что из кавказских народцев были переселенцы в Тмутораканскую область, на это есть прямое указание в житии св. мученика Або, где, между прочим, говорится, что один принц карталинский ушел в северную сторону, где жили хазары. Убиение Або относится к 790 г.[614] Тмуторакань была покинута русскими князьями в 1094 г. Неизвестно, сейчас ли она подчинена была половцами, но договор греческого императора с генуезцами 1178 г., на который мы уже указали, показывает, что Приазовье находилось уже во власти кочевников. Торговые интересы, которым не чужды были половцы, и то обстоятельство, что они сделались хозяевами этих богатых центров, влияли на них в культурном отношении. Кочевники могли подчиняться культуре оседлого населения, жившего в известной местности, которое они нашли тут при своем появлении, вместе с тем и сами влияли на него в культурном отношении. Это происходило всегда и везде. Так из надписей, найденных при раскопках в слободе Недвиговке, видно, что еще в древнее время в Танаисе не только половина населения состояла из варваров, но что и греки, жившие там, значительно удалились от своих отечественных обычаев и ввели между собой в употребление новые собственные имена, и греческий язык подвергся сильной порче[615-616]. А вот что рассказывает Атталиота,

греческий историк XI в.: по Дунаю «лежит много больших городов, население которых принадлежит к различным языкам; им (городам) перешедшие раньше скифы (кочевники) придают скифский образ жизни». Этот факт весьма важен. Он подтверждает сказанное ними. Мы вправе и в Тмуторакане искать образование населения с особым этнографическим типом, которое грек называет «полуварварским» μιζσβάρβαρον. Действительно, какое странное народонаселение находим в Тмуторакани в XIII в. Вот как описывает ее жителей венгерский монах, посетивший Приазовье в 1237 г. «Ея владетель (dux) и население называют себя христианами, имея книги и священников греческие. Говорят, что князь имеет сто жен; все мужчины бреют головы, а бороды ростят умеренно, за исключением благородных, которые в знак своего благородства над левым ухом оставляют немного волос, причем вся остальная голова обрита»[617].

Мы видим здесь ясно смешение обычаев. Черта чисто восточная — многоженство, которое исчезло уже среди русских князей. Давний языческий обычай славян иметь по несколько жен, забытый под влиянием христианства, снова мог возродиться под влиянием кочевников. Припомним теперь портрет Святослава по Льву Диакону. Вот как греческий историк описывает наружность нашего князя при свидании его с императором Иоанном Цимисхием: «среднего роста, ни слишком высок, ни слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритою бородою и с густыми длинными висящими на верхней губе волосами. *Голова у него была на совсем голая, но только на одной ее стороне висел локон волос*, означающий знатность рода...[618] Этот способ убирать свою голову считается обыкновенно славянским, но есть некоторые данные, заставляющие усомниться в славянстве этого обычая и видеть тут заимствование у кочевых соседей. Трудно по малому количеству данных нарисовать портрет тюрка. С большим вероятием, однако, мы можем думать, что прическа была одинакова и у печенега, и у торка, и половца. Мы знаем, что печенеги носили бороды и длинные усы[619].

На первый раз покажется странным, что относительно убранства головы половцев до нас дошли официальные документы. Этим мы обязаны христианской ревности католического средневекового

духовенства. Дело в том, что в конце XIII столетия в Венгрии сильно стали распространяться нравы и обычаи половецкие среди знати. Против этого сильно восстало духовенство Венгрии. Был прислан в Венгрию папский легат. Сам папа Николай писал королю, чтобы он сам оставил и других понудил оставить обычаи половецкие, между прочим ношение половецкой одежды и ношение волос на половецкий манер[620]. Когда издана была конституция 1279 г., определявшая права и обязанности половцев, им, как снисхождение, разрешается брить бороды, стричь волосы и носить их национальную одежду[621]. Легат, явившись в Венгрию, потребовал по словам венгерского писателя Туроца, чтобы венгры оставили половецкий обычай: брить бороды, стричь волосы и носить шерстяные колпаки[622]. Но оказывается, что половцы не только стригли, но и брили головы, как об этом говорит тот же летописец. Рассказывая о победе Ладислава над половцами, а может быть, и над печенегами, он насмешливо передает, что головы их *только что выбритые*, как не совсем дозревшие тыквы, падали под ударами мечей[623].

Из этих известий можно вывести, что некоторые половцы брили головы, некоторые коротко подстригали. Для отличия князья носили клок волос на левой стороне. Нам кажется, что обычай тмутараканцев убирать свою голову, как описывает венгерский путешественник, был заимствован у половцев, которые с конца XI в. составляли уже часть населения Тмуторакани[624]. Но когда носил свой чуб Святослав, то половцев еще не было в южнорусских степях. Это правда, конечно, но этот обычай носить голую голову с клоком волос или косами есть еще среднеазиатский[625]. Следовательно, и печенеги, и торки могли соблюдать его. У них-то и заимствовал его Святослав. Он взял от кочевников не одно это. Смотрите, что рассказывает про него летописец: «воз по себе не возяше, ни котла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину, или зверину, или говядину, на углех испек, ядяше, ни шатра имяше, но подклад постилаше, а седло в головах; такоже и прочии вои его вси бяху»[626]. Это тип кочевника. Святослав, очевидно, для успешной борьбы с кочевниками решил переделать и себя, и своих воинов на кочевнический манер. Нет ничего удивительного, что, перенимая их военный образ жизни, их тактику, он перенял у них отчасти и внешность.

Великий князь Святослав. Художник В.П. Верещагин

Мы указывали уже, что в его походах на Византию участвовали и печенеги. Можно смело утверждать, что и другие его военные предприятия совершались не без них. Постоянная жизнь вместе, в стане, боевые опасности, — сближали его и его воинов с кочевниками, а, стало быть, и заимствования необходимо существовали. Таким образом, способ ношения волос Святославом мы, по нашему крайнему разумению, признаем тюркским, а в том, что он был общим у жителей Тмуторакани, видим результат влияния половцев на ее население. Но каждая из национальностей, вошедших в состав населения этого города, внесла свои нравы и обычаи. Выработался особый этнографический тип. Славянское население, которое надо считать в нем преобладающими, конечно, дало все-таки этому смешанному населению славянский оттенок, утратив в свою очередь многие свои национальные черты. Образовалось, с точки зрения русского славянина, в Тмуторакани население «полуварварское», как бы сказал грек.

То, что происходило в Тмуторакани, должно было совершаться и на всем Подонье. Население это сохранилось, но подверглось сильному культурному влиянию кочевников, повлияв в свою очередь на них в такой степени, что некоторые из них изменили свой образ жизни и усвоили некоторые славянские обычаи. Мы начнем с данных позднейших, относящихся уже ко второй половине XIII в., к эпохе занятия степей татарами.

Рубруквис, путешествовавший к татарам в 1254 г., рассказывает, что во время его пути по берегу Азовского моря к нему обращались с некоторыми религиозными вопросами какие-то русские, исповедовавшие христианство по греческому обряду. Далее он передает о разбоях каких-то русских в соединении с венграми и алланами. На Волге он нашел поселение, смешанное из татар и русских, которые перевозили через эту реку вестников к Батыю и от него[627]. Из сообщаемого нашим путешественником видно, что число этих русских не состояло из нескольких единиц: он их встречал не в одном месте, а рассеянно; он видел целое поселение. Можно привести еще один аналогичный факт, что этого бродячего элемента русского было ненезначительное количество. Есть известие в Воскресенской летописи под 1283 г., что один из татарских баскаков, Ахмат, устроил в курском княжении слободы из людей всякого сброда. В числе их были и русские. Это видно из того, что при нападении липецкого князя Святослава на двух братьев Ахмата в числе свиты последних было 30 человек русских, причем из них было убито 25 душ[628]. Кто были эти люди? Мы, кажется, не можем видеть в них представителей местного населения. Между завоеванием Руси и приведенным фактом прошло каких-нибудь сорок лет. Нельзя допустить, чтобы так скоро прошел ужас, наведенный опустошениями татар. Мы видим гораздо позже, что население при одной вести о приближении их бросает все и скрывается в леса. Следовательно, это русское население слобод не могло принадлежать к оседлому туземному населению. Мне могут возразить на это словами летописи: «царь же Телебуга, дав приставы князю Олгу, река: “что будет ваших людей в свободах, те люди выведите во свою область, а свободы та разгонита”»[629]. Таким образом, является, что население этих слобод состояло и из местного туземного населения, принадлежа-

щего курскому, воргольскому и липовецкому уделам. Но вот что находим далее: «И пришед князь Олег и Святослав и с татары и повелеша своим людем пограбити свободы те и поковати люди их, а свои во свою отчину выведоша»[630]. Очевидно, здесь выведенные люди были пленными из туземного населения. Князья поковали людей Ахмата, и если бы эти выведенные принадлежали в числу первых, к числу сброда, явившегося в слободы добровольно, то князья должны были бы поступить с ними не так мягко, ибо население слобод занималось грабежом, и их люди являлись бы участниками его. Несомненно, все дело шло из-за освобождения захваченных жителей этих уделов и о разорении слобод, ибо они «насилие творяху христианом» и «около Ворлога и Курева пусто створиша»[631]. Покованные же насильники состояли из собравшихся в слободы с разных сторон, и в числе их мы нашли русских, сопровождавших братьев Ахмата.

Делая такие соображения относительно данного факта, мы тем более готовы утверждать, что русские, встреченные Рубруквисом, не могли принадлежать к добровольным переселенцам из Руси к татарам. Из слов Рубруквиса ясно видно, что эти люди давно уже оторвались от родной области, потому что должны были обращаться к этому путешественнику за разъяснением некоторых религиозных вопросов. Мы не можем также предположить, чтобы они были пленными, особенно те, которых Рубруквис встретил в Приазовье, на пути из Крыма к реке Дону. Они видимо пользовались свободой, жили независимо, говоря, конечно, относительно.

Вообще мы встречаем еще другие указания, что в Приазовье были оседлые христианские поселения. Тот же венгерский монах сообщает об Аллании, что ее население жило в деревнях, занималось хлебопашеством и исповедовало также православие. Эти аллане или яссы давно должны были подвергнуться влиянию культуры славян, так как были их ближайшими соседями и были покорены русскими князьями еще в X в.

Таковы факты, которые можно указать для XIII в., но вот факт, относящийся к началу XII в., факт, в связи со всем сказанным, окончательно подкрепляющий наше мнение о существовании в Подоньи оседлого славянского населения. В 1111 г., во время своего похода на половцев,

русские наткнулись в области Дона на городки Шарукань и Сугров. Приближаясь к первому, князья послали вперед духовную процессию с крестами и хоругвями. Шаруканцы вышли навстречу этой процессии и вынесли русским мед и рыбу[632]. Очевидно, население Шаруканя было христианское, ибо в противном случае оно не оказало бы такого уважения к этой религиозной процессии; да и смешно было бы посылать духовенство с крестами и хоругвями, если бы русские не знали, что население этих городков действительно христианское и их одноплеменное. Князья рассчитывали пробудить в шаруканцах заглохшие чувства прежнего единства, и попытка увенчалась успехом.

Другой городок, Сугров, был сожжен, но это только показывает, что родственное русским население могло быть в таком же отношении к ним, как это было после, что мы увидим ниже. В этой же местности известны городки Балин, Чешлюев. Считать эти города зимовищами половцев[633] после рассказанного о Шарукане нет никакого основания. Принимая вполне верное мнение господина Аристова, что имена этих городков означены по тогдашним владельцам их, половецким ханам[634], можно только заключить, что это население было в некоторой зависимости от половцев, было смешанное. Все дошедшие до нас известия византийских и арабских писателей, не говоря о русских летописях, доказывают, что ни печенеги, ни половцы не вели городской жизни, не были строителями городов.

Мы нисколько не противоречим себе, утверждая это. *Половцы не строили городов, не жили в них*, но если они находили города, оседлое население, то поддавались его культуре, под влиянием которой, под влиянием торговых и других интересов могли селиться в городах, образуя с прежними жителями особое полуварварское население. То, что сообщает Атталейота, то, что мы видели в Тмуторакани, должно было произойти и на Подонье. Половцы встретили здесь уже оседлое население и частью вытеснили его, частью сами подверглись его культуре, смешавшись с ним в известном небольшом количестве, и образовали по городкам смешанные поселения. Это особое население, состоящее из главного славянского ядра и тюркской примеси, продолжало сохранять некоторую связь с Русью, продолжало вместе с тем вести борьбу с кочевниками и выработало из себя опытных

воинов. Оно сохраняло и христианскую православную веру, утратив несколько чистоту ее обрядов, так что в XIII в. пришлось уже обращаться за разъяснением в Рубруквису. Татары застали это население в степях и присоединили к своим силам. Это было выгодно для них, потому что этим приобретались услуги людей, знающих прекрасно степь и бывших в постоянной борьбе с половцами.

И действительно, мы имеем документ, доказывающий, что в походах татар участвовали и какие-то христиане, — это письмо тех же венгерских миссионеров, относящееся к 1241 г. В нем говорится: «И хотя они называются татарами, но при их войске находится много *злочестивейших христиан*»...[635] Это известие приобретает для нас еще тем бóльшую важность, что писано со слов бежавших из Руси. Пишущий, передавая о разорении Руси, говорит: «...*рассказывали нам беглецы из той страны*, преимущественно в Саксонии, что ту страну и укрепления (Киев) они (татары) взяли при помощи тридцати двух машин»[636]. Русские, конечно, могли знать достоверно о пребывании среди татар каких-то христиан, очевидно приставших к ним или покоренных ими. Письмо короля Белы IV к папе Инокентию, писанное в 1254 г., обнаруживает нам, кто были эти пособники татар. Вот что писал король: «Когда государство Венгрии от вторжения татар, как от чумы, большей частью было обращено в пустыню и, как овчарня изгородью, было окружено различными племенами неверных, именно: русск*ими, бродниками* с востока; булгарами и босняками, еретиками с юга...» Далее говорит: «Они (татары) заставили себе платить дань (другие нации), и особенно страны, которые с востока граничат с нашим царством, именно *Русь, Куманию, Бродников*, Булгарию»... [637]

Из этого письма видно, 1) что христиане, напавшие на Венгрию вместе с татарами, были русские и бродники; 2) что бродники жили где-то на восток от Венгрии в южнорусских степях: 3) что татары уже застали бродников на их местах жительства и подчинили своей власти. Наша летопись вполне согласна с этим письмом в отношении бродников. Она указывает, что последние принимали участие в Калкской битве на стороне татар. Когда Мстислав Киевский и другие два князя окопались на месте после поражения русских ополчений и были окружены татарами, «ту же и *Бродници быша старые, и воевода их*

Плоскыня, и тъй окаянный *целовав крест* ко князю Мстиславу и обема князема, яко их не избити и пустити их искупе, и сългав окаянный предаст их связав татарам»... [638]

Никоновская летопись еще яснее говорит, что бродники были на стороне татар[639]. Мы встречаем бродников на исторической сцене еще за 76 лет до этого события. Когда в 1147 г. Святослав Ольгович отбивался от притязаний черниговских Давидовичей и Изяслава Киевского, то на помощь в область вятичей «придоша к нему бродничи, и половци придоша к нему мнози, уеве его»[640]. К несчастью, только эти два факта и сообщает нам наша летопись о бродниках, хотя по всему видно, что летописец знал о них гораздо больше. Но и отсюда вытекают важные заключения.

Из письма венгерского короля мы видели, что бродники жили где-то к востоку от Венгрии, в южнорусских степях, теперь на основании летописи мы можем точнее определить их местожительство. Бродники жили в восточной части степи. Это вполне видно из следующих соображений. Мы не находим бродников ни разу действующими в княжествах к западу от Днепра. Далее. Чтобы явиться на помощь Святославу Ольговичу в 1147 г., они не могли пробраться с западной части степей, ибо в таком случае им пришлось бы двигаться сквозь княжества Киевское и Черниговское, ведших борьбу со Святославом и, следовательно, не пропустивших бы их к нему на помощь. Бродники явились вместе с половцами, дядьями Святослава, которые, очевидно, пришли в нему с восточной части степи через курский и новгород-северский уделы. Затем. В 1223 г. мы видим их в соединении с татарами на Калке, т.е. на берегах Азовского моря. Войска русских князей двигались с запада, следовательно, пробраться с берега Черного моря или Дуная бродникам не было возможности: они должны были бы или соединиться с русскими силами, или были бы захвачены ими. Ни того, ни другого мы не видим. Следовательно, татары *встретили бродников или где-то в области Дона, или на берегах Азовского моря при его устье*. Очевидно, бродники должны были находиться тут же и в 1147 г.

Другие, имеющиеся у нас документы нисколько не противоречат нашему выводу[641]. Они только указывают, что бродники жили где-то

в соседстве с половцами. Таково письмо папы Григория к гранскому епископу, писанное в 1227 г., в котором говорится: «мы удостаиваем дать тебе наше полномочие в землях *Кумании* и *Бродинии*, соседней с ней, на обращение которых есть надежда, по которому ты имеешь власть проповедовать, крестить» и т.д.[642] В документе 1231 г.: «...*Кумании и областях бродников*»[643]. Но является вопрос: каким образом Гранской епископии могло поручаться распространение христианства в области бродников, если они жили далеко от ее пределов? Но дело в том, что в Гранской епископии жило действительно много половцев. В силу этого гранскому епископу поручалось специально заведовать миссией у половцев. Он назывался «легатом апостольского престола в областях половецких»[644-645]. Папы знали только, что бродники где-то соседят с половцами, а так как миссия у последних поручалась гранскому епископу, то и бродники были отнесены туда же, отданы в его распоряжение для просветления их истинами католической религии. Но это нисколько не значит, что бродники не были христианами. Мы видели, что Плоскыня целовал крест, стало быть, был православный, ибо русские никогда бы не позволили этого сделать язычнику. Мы имеем факты, что русские водили кочевников «в роту половецкую».

Итак, из всего сказанного мы можем заключить, что *бродники жили в восточной части степи, на Подонье и по берегам Азовского моря; что они исповедовали православие; что они участвовали вместе с половцами в военных предприятиях*, что и приобрело им известность. Уже из того факта, что бродники делают нападение на Венгрию и нет в наших летописях ни одного упоминания о их набегах на Русь, что летопись не преминула бы выставить, — уже из этого обстоятельства видно, что между ними и Русью существовало какое-то этнографическое родство. Присутствие их на стороне татар в Калкской битве является исключением. Но оказывается, что бродники принимали участие в набегах не на одну Венгрию. Мы видим их с половцами и на Дунае. И вот известие об этом факте вполне подтверждает наше мнение о национальности бродников. Никита Акоминат в своем слове 1190 г. между прочим говорит следующее: «Куманы, народ доселе не порабощенный, негостеприимный и весьма воинственный и *те бродники*, презирающие смерть, *ветве русских*, и они, народ повинующийся

богу войны, соединившись с варварами, живущими на Гемосе (на Балканах — болгары), склонились при их поражении и погибли». Это свидетельство неопровержимо доказывает, что *бродники были русской национальности*: оратор по своему положению слышал рассказы об этих событиях от самих участников, которые причислили бродников к русским на основании их языка. Весьма возможно, что под влиянием различных причин происходило удаление из Русской земли людей, которым тесно в ней было. Припомним факты о смешанном населении Тмуторакани, о полухристианском населении городков в Подонье, о встречах в этих местностях, сообщаемых Рубруквисом, сопоставим все это с приведенными нами известиями и будем вправе, кажется, сделать вывод, что *бродники есть община, выработавшаяся из остатков подонского оседлого населения под влиянием исторических и этнографических условий, в которые это население было поставлено*. Эта община могла получать подкрепление свежими силами из Руси, что служило причиной сохранения ее славянского типа и давало возможность отстоять свою независимость от кочевников. Это был прототип казачества, и прав покойный М.А. Максимович, искавший начала Запорожья в Тмуторакани[646].

Обратимся теперь на запад. Все то, что мы говорили относительно поселения славян Подонья, все в такой же силе относится и к населенно уличей и тиверцев от Днепра до Дуная: население выселялось, смешивало свою культуру с кочевнической, принимало в себя тюркский элемент, вело борьбу с кочевниками и под влиянием всех этих условий выработалось в особый тип военной общины. По нашей летописи мы можем констатировать существование поселений уличей и тиверцев в довольно позднее время. «И суть их городи и до сего дне», — говорит летописец[647]. Является вопрос, к какому времени относится эта краткая, но важная заметка? Составилась наша летопись в XII в., но интересующее нас известие могло быть более ранней записью, вошедшей потом в летописный свод. Если она относится к XII в., то можно допустить, что летописец имел здесь в виду остатки поселений этих племен, сохранившиеся по берегам Черного моря, от Днепра до Дуная. В X в. мы находим в устье Днепра Белобережье. Что это было не только название местности, но и поселения, видно

из смысла известий. «И да не имеют Русь власти *зимовати в устьи Днепра, Белобережа...*»[648] — гласит договор русских с греками 914 г. «Иста (Святослав) *зимовать в Белобережьи;* не бе в них брашна и бысть глад велик, яко по полугривне голова коняча»[649]. Очевидно, что это были поселения, в которых по их географическому положению могли останавливаться ехавшие из Руси в Грецию и обратно.

Вполне согласно с этим фактом существование в этой местности города Ольшья. Хотя летопись первый раз упоминает о нем лишь в 1084 г., но зная обычай летописца говорить обо всем при случае, должно считать этот город гораздо более древним. Это был торговый город, куда приезжали греческие купцы[650]. Далее по берегу Черного моря мы видим Белгород и Черноград. О существовании первого говорит Константин Багрянородный. Упоминается о нем в числе русских городов и в нашей летописи[651]. Он, по предположению господина Бруна, стоял на месте древнего Тираса, переименованного антами в Белый город. Он был уступлен им императором Юстинианом в 545 г. с тем, чтобы они защищали границы империи[652]. Нахлынувшие затем тюрки перевели его славянское название на свой язык *Ак* по-половецки, а следовательно, и по-печенежски, значит *белый*; *kermen — город*. Получилось название *Ak-kermen*, существующее и теперь[653].

Описание местоположения этого города мы находим у арабского географа Абульфеды. «*Аккерман*, — говорит он, — город страны болгар и турков... Он невелик и находится на берегу Черного моря, к западу от *Сару-Кермана*. Между этими городами около пятнадцати дней пути. Аккерман находится в равнине, его жители состоят из магометан и неверных[654]. Невдалеке от города река *Днестр*, впадает в море; эта река по величине подходит к Оронту в Гамате»[655]. А вот как он рассказывает о Сару-Кермане: «*Сару-Керман* — небольшой город страны булгар и турок; он находится к востоку от Аккермана, но не так значителен. Напротив него по другую сторону моря лежит Синоп»[656]. Таким образом, он вполне различает эти два города. Вероятно, Саракерман не что иное, как Кара-керман, что значит Черный-город[657]. Этим именем называется по-турецки Очаков[658]. Можно бы принять его за Черный-город, тем более, что он приблизительно находится действительно против Синопа.

В числе русских городов, перечисляемых нашей летописью, находится и город Черн где-то в этой же местности[659]. Этот город существовал еще в X в. До нас дошел один документ, известный под именем записки греческого или готского топарха. Этот топарх по каким-то политическим делам ездил к русскому князю. На обратном пути он двигался сначала по левому берегу Днепра, затем переправился на правый. «Совершив переправу беспрепятственно и прибыв в селение *Борион*, — рассказывает путешественник, — мы занялись едой и уходом за лошадьми... Проведя здесь такую часть дня, сколько требовалось для восстановления своих сил, мы стали сбираться в путь, чтобы идти но направлению к Маврокастрону»...[660]

Где совершалась сама переправа, сказать трудно, но так как топарх переехал на правую сторону, то, очевидно, путь его направлялся на юго-запад, а не на юго-восток. *Маврокастрон* на греческом языке также значит *Черный-город*. Стало быть, путешественник направлялся именно к тому Черному городу — Каракерману, который стоит на устье Буга и назван у арабского географа Сара-Керман[661].

Итак, в X в. мы видим на территории уличей и тиверцев города: *Олешье, Белгород и Черный-город*. Но в это столетие существовали еще и селения в этой местности. Таково селение *Борион*, где топарху пришлось довольно долго просидеть, пережидая, пока уймутся начавшиеся зимние вьюги. «И вот мы вышли, — рассказывает он, — торжественно провожаемые *туземцами*, причем все они рукоплескали мне одобрительно и смотрели на меня каждый как на близкого себе и напутствовали наилучшими пожеланиями». Они дали ему *проводников*, которые, однако же, скоро возвратились назад[662].

Но в этот же период началось и отступление славянского племени из области, лежащей по Днепру, Бугу и Днестру. Так Константин Багрянородный рассказывает нам уже о покинутых городах на среднем течении Днестра[663]. Город Олешье продолжал существовать и в XIII в. и был торговым пунктом[664]. Белгород и Черный-город удержались точно так же, что видно из приведенных нами известий XIII и XIV вв.[665] Тут только, при устьях больших рек Днепра, Днестра и Буга, и удержалось население, пользуясь защитой городов.

Еще в X в. печенеги проникли к Дунаю; за ними двинулись торки[666]. Константин Багрянородный рассказывает, что еще в X в. императорские послы могли найти печенегов на берегах рек Днепра и Днестра, где они постоянно кочевали[667-668]. Это показывает, что кочевники окончательно утвердились в этой местности. Когда, в шестидесятых годах XI столетия печенеги и торки очистили территорию южных степей, к Дунаю придвинулись половцы. В 1078 г. они принимают уже участие в делах на Балканском полуострове, в смутах, потрясавших византийскую империю. С этого года мы часто встречаем их там. Но юго-западную часть степи половцы заняли еще раньше. В 1070 г. они сделали первый набег на Венгрию[669], следовательно, проникли уже до юго-восточного склона Карпат. Можно утверждать, что в восьмидесятых годах XI столетия они уже окончательно занимали местность между Днепром, Дунаем и Карпатами. Это видно из двух фактов.

В 1088 г. император вел борьбу с печенегами и осадил город Дристру. Князь Татус, оставив своих родственников защищать город, сам бросился за помощью к половцам, которых и привел, но было уже поздно: греки были разбиты[670]. Четырьмя годами ранее, во время междоусобной борьбы в Венгрии между Соломоном и Ладиславом, первый в 1081 г. бежал к половецкому князю Кутеску (Kutesk), женился на его дочери и отправился с ним на своего противника. Они были разбиты, и Соломон снова ушел в половцам[671-672].

Эти события указывают на соседство половцев к областям придунайским и Венгрии. Куда же было идти оседлому славянскому населению? Поселения уличей и тиверцев простирались до Дуная. Как далеко простирались они на запад, мы не знаем. Вероятнее предположить, что они главным образом группировались у низовьев этой реки, где сама местность, изрезанная рукавами Дуная, всякими мелкими протоками, представляла больше средств к защите. Здесь удобнее было задержаться оседлому населению. Сюда, вероятно, и выселялись жители с берегов Днепра, Буга и Днестра и подкрепили собою население подунайское. Мы уже видели из одного известия Анны Комниной, что в дунайских городах сидели какие-то князья, поддерживавшие дело печенегов. В числе их мы находим: Тата, Хале, Всеслава, Сатца и другие. В это самое время «*какой-то род скиф-*

ский, — говорит Анна, — подвергавшийся постоянному разбою савроматов, снявшись с родины спустился к Дунаю; переселенцы потом вошли в соглашение с вышеуказанными властителями придунайских городов и стали тогда без опасения переходить на другую сторону Дуная, опустошая прилежащую страну, так что они захватили даже и некоторые городки. После этого пользуясь некоторым спокойствием, «*они пахали землю и сеяли овес и пшеницу*»[673]. В числе городков, в которых сидели указанные князьки, Анна называет *Бичин* (ἡ Βιτζνα). Если мы примем весьма правдоподобное мнение господина Васильевского, что *Бичин есть Дичин*, то мы найдем его и в нашей летописи. В 1160 г. «посла Ростислав, — рассказывает она, — ис Кыева Гюргя Несторовича и Якуна в насадех *на берладники, оже бяхуть Олешье взяли*; и постише е *у Дциня* избиша е и полон взяша»[674]. А в списке Воскресенской летописи в числе русских городов находим *Дичин*, вслед за *Дрествином*, причем пишущий идет вниз по Дунаю. *Дрествин*, очевидно, *Дристра* греческих писателей, теперь *Силистрия*. Где находился Дичин, в настоящее время определить трудно. Что его надо искать не высоко по Дунаю, уже показывает то обстоятельство, что насады, гнавшиеся за берладниками, настигли их у этого города, а забираться далеко во враждебную область едва ли они могли решиться.

Берладники, как видно из этого летописного известия, жили по Дунаю, ибо если они спасались сюда, то, очевидно, здесь был их приют, их область. Они становятся известны в начале второй половины XII в. О них упоминается в 1159 г., когда Иван Ростиславич, прозванный в летописи *берладником*, «шед с половци и ста в *городех Подунайских*... И придоша к нему половци мнози, *и берладника у него скупися 6000*...»[675] Заметим, что половцы *«придоша», а берладники «скупишася»*, следовательно, последние были именно жители той области, в которой были и *Подунайские города*, занятые Иваном. Из одной грамоты 1134 г., в истинности которой нет никакого основания сомневаться, мы узнаем, что этот князь был владетелем *берладским*. Из нее также видно, что в этой области были города: *Малый Галич, Берладь, Текучий*[676]. По имени одного из них и вся область получала название *Берлади*. Упомянутые города существуют и теперь: это —

Галац, на Дунае, между устьями рек Серета и Прута; Текучь на Бырлате; и Бырлать на той же реке выше Текуча.

Из положения этих городов можно видеть, что Берладская область лежала по берегам рек: Дуная, Бырлата, занимала, вероятно, и побережья Серета и Прута. Если на основании известия Анны Комниной можно предположить, что на Дунай переселялось славянское население с берегов Днестра, Днепра и Буга, т.е. теснимые кочевниками уличи и тиверцы, то в свою очередь название берладского города, «Малый Галичь», может показывать, что тут были и колонисты из Галицкого княжества, и что эта колонизация началась давно, если в 1134 г. Малый Галичь является уже важным торговым городом.

Как видно из известия нашей летописи под 1159 г., здесь, на Дунае и по впадающим в него рекам, производилось галичанами рыболовство. Отсюда же, как и из приведенной грамоты, можно заключить, что в городах, лежащих по Дунаю, и в Берладе производилась жителями Галича обширная торговля[677]. Когда Володимирко Галицкий соединил все Галицкое княжество в своих руках, то его племянник, известный нам Иван Ростиславич, *Берладник*, взял себе Берладскую область, но, видимо, это произошло не по согласию с Владимиром. Пока Иван Ростиславич скитался по Руси, Берладь была снова присоединена к Галичу, и берладский князь снова принужден был занимать подунайские города. Население этой области, как видно, сильно стояло за этого князя-изгоя, и пока он был жив, галицкому князю нельзя было присоединить Берлади к своему уделу.

Но вот в 1162 г. умер Иван Ростиславич, в ссылке в Солуне. Говорят, его отравили[678]. Когда был он сослан, неизвестно; очевидно, что тотчас после его ссылки Берладь подпала под власть галицкого князя. Но правильнее, эта область не признавала ничьей власти. Мы видели, что в 1160 г. берладники делали морской набег на Олешье, ограбили его и взяли много пленных. В семидесятых годах XII в. эта область считается уже чем-то оторванным от Руси. Всеволод Суздальский послал в 1174 г. сказать Давиду Ростиславичу: «А ты пойди *в Берладь*, а в Русьской земли не велю ти быти»[679].

В конце XII в., именно в восьмидесятых годах его, в делах Балканского полуострова принимают участие *бродники*. Это мы видели

раньше из слова Никиты Акомината. Стало быть, они тогда уже проникли на Дунай, причем встретили здесь такую же самостоятельную славянскую общину с примесью других национальных элементов, общину, организовавшуюся в военное братство. Мы видели; что *бродники* предпринимают походы и на Венгрию, и на Византию; *берладники* делают морские набеги на прибрежье Черного моря. В своих предприятиях они подчиняются одному человеку. Таким *у бродников* в 1123 г. был *Плоскиня*. Припомним теперь, что и *бродники, и берладники* стояли в тесных отношениях с тюрками, а потому, *несомненно*, должны были усвоить их многие понятия, обычаи, внести в свой язык много слов, особенно технических, касающихся военного дела. Но вместе с тем и бродники, и берладники должны были сознавать себя родственными Руси как по языку, так и по религии, и по основным нравам и обычаям.

***

В истории народов ничего не является вдруг, а тем более долгими веками, под влиянием только многих и долго действующих условий может выдвинуться такое оригинальное явление, как казачество. Первое известие о казаках относится к 1499 г. Но в грамоте, выданной в этом году киевским мещанам, казаки являются уже как некое сословие, занимавшееся между прочим и торговлей[680]. Чтобы явилась такая группа людей, которая усвоила себе нерусское название, не имеющее ничего общего с мирными занятиями, *необходимо* время; чтобы такая группа образовалась, *неизбежно*, чтобы раньше существовало явление, которое послужило бы для подражания этой группе людей, принявших на себя данное имя. Раньше *так называемых* казаков, явившихся в 1499 г., должны были существовать *действительные* казаки — воины, община независимых людей, ведших борьбу с врагами Русской земли. Запорожская община стала известна в XVI в. В 1576 г. мы видим в ней вполне сложившуюся организацию с кошевым во главе[681]. Если первые поселения на острове Хортице отнести к началу того же века, то явится чересчур короткий срок для выработки особенного, оригинального склада жизни, какой мы видим на Запорожье, с кошевым во главе в 1576 г. Нам кажется, чтобы появи-

лись казаки на Украине, раньше должны были вполне организоваться казаки запорожские.

Они-то и послужили образцом для населения, оседлого, которое приняло от них и название «казак» и под их влиянием организовало из себя особенное сословие. Но если казаки *на Украине* являются в 1499 г., то отделите достаточно времени на образование здесь этой группы людей под влиянием Запорожья; отделите затем достаточное количество времени на образование самого Запорожья; имейте при этом в виду, что оба эти явления должны были вполне образоваться не в два-три года, а в десятки лет, чтобы выработать те типические черты, те ни с чем не сравнимые нравы и обычаи, какими отличалось Запорожье; сделайте все это, и вы придете к концу XIII или началу XIV в.

Последнее известие о бродниках относится к 1254 г. Но община, получившая такую известность, как бродники, предпринимавшая экскурсии и в Венгрию, и в Византию, сумевшая сохраниться до самого нашествия татар, не могла исчезнуть неожиданно. Ни одно известие не говорит нам об этом; наоборот, письмо короля Белы IV указывает, что она в 1254 г. была полна силы. Если мы не знаем ничего далее о бродниках и берладниках, то причиной этому хаос, поднявшийся на юге с нашествием татар, в силу чего южнорусские степи сделались на долго terra incognita, «земля незнаема». Могло только измениться положение бродников. Когда татарское нашествие смело половцев, когда монголы заняли южнорусские степи, тогда эти славянские общины должны были открыть с ними борьбу, как прежде они вели ее с половцами. Заняв малоприступные места в устьях Дуная[682], Днепра[683], в бассейне Дона, они стали защитниками Русской земли.

Уже многие черты их быта и нравов были оригинальны в силу тюркской примеси; теперь продолжение борьбы должно было продолжать и эту выработку. Явясь защитниками православного христианства, передовыми его бойцами и стражами, эти люди приняли на себя и подходящее название. Мы уже говорили, что много повлияло на бродников и берладников постоянное соприкосновение с тюрками. Они должны были усвоить много тюркских технических названий. Таково слово «*казак*». Незачем его искать в татарском языке, когда

это слово чисто половецкое, когда из среды русских славян были еще в XI в. люди, постоянно жившие среди тюрков. Это слово значит «страж», передовой, ночной и дневной[684-685]. Так могли назваться люди, стоявшие постоянно наготове, бывшие передовыми бойцами.

Таким образом, могла уже в XIV—XV вв. вполне организоваться община людей, посвятивших себя исключительно борьбе с неверными. Она не прочь была поживиться и на счет христиан, но это не было ее главными целями. Интересно, что в запорожскую общину принимались люди всех национальностей, лишь бы явившийся объявился христианином. Эта черта очень оригинальна. Обыкновенно борьба производит ненависть ко всему, что не составляет «*нашей*, *моей*» нации; она имеет следствием консерватизм в нравах и обычаях, не допускающий никаких уступок. То же самое должно было бы развиться и на Запорожье. Но мы этого не видим. Эта национальная терпимость, оказываемая запорожцами и донцами, есть традиция глубокой древности. Никто из них не сказал бы, почему он так смотрит на других людей не одной с ним нации, потому что эта оригинальная черта срослась с ним и, нам кажется, ведет свое начало с того времени, когда действовали предшественники запорожцев и донцов, их отцы по духу, первые организаторы казачества, бродники и берладники, в общину которых вошли и входили и тюркские, и, вероятно, всякие другие элементы.

КОЧЕВНИКИ У СЕБЯ

Приступая к очерку жизни кочевников, их обычаев, мы должны предупредить, что обладаем для этого крайне скудным материалом, и эту главу нашей работы признаем весьма слабой. Пропустить ее мы, однако же, не сочли возможным. Нет никакой возможности проследить отличительные черты у печенегов, торков и половцев. Принимая их весьма близкими родственниками, мы не думаем, чтобы быт каждого из этих племен слишком разнился один от другого. Все они были тюрки, все вели кочевой образ жизни, а потому нравы и обычаи их должны быть общие. Они были принесены еще из прародины, из Средней Азии, и оставались неизменны. Культура новых соседей, конечно, действовала на наших кочевников, но влияние едва ли проникало далеко вглубь; оно скользило по поверхности, и только небольшие группы тюрков, поселившихся по городам, могли утрачивать свои основные национальные черты.

Мы уже видели, что народ печенежский распадался на несколько колен, над каждым стоял князь. Константин Багрянородный называет нам таких восемь племен, из которых каждый делился на сорок частей. Но в XI в. мы видим, что печенеги распадаются на 13 колен. Имена их менялись с переменой предводительствовавших ими князей. Это же деление мы находим и у половцев. Это видно из известий нашей летописи. Так, рассказывая о плене северских князей, она указывает, что Игоря взяли *Тарголовы*, Святослава — *Вобурчевичи*, Владимира — *Улашевичи*[686]. Иногда эти отдельные колена она называет чадью: *Бостееева чадь, Чаргова чадь*[687]. Это подтверждается и позднейшим известием араба Новайри. Он знаете 11 половецких колен[688]. Назва-

ния эти постоянно менялись вместе с князем. Колено носило название по имени князя, но наша летопись не знает перемены этих названий. Она знает княжеские тюркские роды, которые оставались, понятно, с теми же именами. *Вобурчевичи, Чарговичи* собственно значит: князья из рода такого-то. В данное время колено носило имя *Вобурчевичей*, потому что князь мог быть из этой семьи. Если по его смерти власть переходила к другому, который был бы из другой семьи, то данное колено получило бы название по этой семье нового князя.

Но вот что рассказывает нам Константин Багрянородный: «После смерти князей власть получают их двоюродные братья, потому что у них (печенегов) издревле имеет силу такой закон и обычай — *не передавать* достоинство *сыновьям* или *братьям*, чтобы князья довольствовались властью при жизни, а избирать детей их дядей или двоюродных братьев, чтобы власть не навсегда оставлялась в одном роде, но почесть передавать и боковым линиям; из чужого же рода никто (в это) не входит и не делается князем[689]. Таким образом, выходит, что над коленом не могла властвовать одна семья; княжеское значение передавалось в семьи дядей или двоюродных братьев, но вместе с тем никто из чужого рода не мог быть выбран в князья. Следовательно, над каждым известным коленом власть оставалась всегда в одном роде, но переходила к членам разных его семей. Как будто у кочевников господствовали родовые порядки, но из этого же известия мы видим, что князем делался не всегда старший в роде, а власть переходит и к двоюродным племянникам (детям двоюрод. братьев = παίδς ἐξαδέλφων), что при господстве родового быта невозможно, ибо тогда княжеское достоинство должно было переходить к старшему в роде.

Дело, выходит, происходило так. Когда умирал князь, то колено, над которым он правил, избирало себе нового по своему желанию из какой угодно семьи этого рода, лишь бы избранный приходился умершему двоюродным братом или двоюродным племянником. Чем больше семей было в данном роде, тем больше было лиц, стоявших к князю в требуемой степени родства, тем многочисленнее были претенденты на власть после его смерти. При таком порядке замещения князей их власть была очень невелика. Она сосредоточивалась в руках народного собрания, носившего название *коментон*. Все важные дела

решались на нем, как во время войны, так и во время мира. На этих собраниях власть князей являлась весьма незначительной[690]. Но не всегда народ избирал вождей из княжеских родов. Бывали случаи, когда власть отдавалась людям незнатного происхождения, выдвинувшимся своими дарованиями, энергией. Таков, например, был Кеген, с такой отвагой боровшийся с тюрками. Он привлек на свою сторону несколько колен и открыто боролся против Тираха, бывшего родовым князем печенегов[691]. Частая смена князей, их многочисленность[692] должны были производить постоянные волнения кочевников, вечную мелкую междоусобную войну[693-694].

Постоянная война с соседями, борьба дома, делала кочевника с малолетства лихим воином. Быстрота движений их была изумительна. Мы имели случай уже слышать характеристику половцев из уст греческого оратора. Кочевник как бы родился на лошади. Лошадь возит тюрка на войну и кормит его. Она приучена к разным неожиданным быстрым движениям. С криком и воем бросались тюрки в атаку. Регулярная неприятельская конница двигается на них. Тюрки тотчас поворачивают коней, несутся назад, осыпая неприятеля стрелами. Неприятель, расстроивший погоней свои ряды, продолжает их преследовать. Вдруг с боков и с тыла бросаются свежие отряды тюрков, и сабли, и арканы свистят над шеями неприятелей[695]. Засада приготовлялась заранее. Иногда она состояла из двух отрядов, расположенных по обеим сторонам дороги, по которой и заманивали кочевники своих неприятелей[696]. Все приходило в смятение, все сбивалось «в мячь», как выражается наша летопись.

Кочевники имели особый строй. Наученные не из книг, а по обычаю своих отцов, как выражается Анна Комнина, они сзади первого строя ставили резервы. Первый строй состоял из отдельных отрядов, построенных клиньями. Между ними ставились телеги, занятые женами и детьми[697-698]. Когда сражение не удавалось или перед тюрками были большие неприятельские силы, которых они не надеялись одолеть, они устраивали подвижные укрепления. Они ставили в круг свои телеги, покрывали их бычачьими шкурами, сажали на них жен и детей и отбивали приступы. Трудно было разбить эти преграды; страшных потерь стоило разбить телеги и проникнуть в середину этого ори-

гинального укрепления. Когда неприятель решался их осаждать, они видоизменяли несколько способ защиты: раздвигали немного телеги,и делали между ними извилистые проходы. Часть тюрков занимала телеги. Из проходов выносились неожиданно их отряды, нападали на неприятеля и снова скрывались внутри круга. Но мы видим, что они иногда делали и окопы, за которыми и отбивались от осаждавших их врагов[699-700]. Этому искусству они, вероятно, научились у греков.

Вооружение степняка состояло из лука, колчана стрел, висящего на плече, сабли, аркана. Некоторые употребляли и копья. Луком они владели превосходно, убивая любую птицу на лету[701]. Как заимствование у них являются и шлемы[702]. Меткости их стрельбы способствовала их дальнозоркость. Путешественник XII в., раввин Петахья, утверждает, что половцы могли различать предметы, если позволяла местность, на день пути[703]. Никакое движение, стало быть, не могло укрыться от степняков. В своих движениях они не останавливались ни перед какими преградами. Для европейских войск нужен был мост или плоты. Европейская конница не всегда решалась броситься в реку. Тюрки переправлялись очень легко. Они брали десяток лошадиных или других шкур, сшивали ремнями их края. Этот мешок набивался сеном. Его привязывали к хвосту лошади. Тюрк садился на мешок, гнал лошадь в реку и благополучно являлся на другой ее стороне[704]. Но они делали и более смелые вещи.

Раз печенеги, посланные в Малую Азию, дошедши до Митилены, решили на своем совете вернуться назад. Дошедши до берега Константинопольского пролива, они увидели, что нет уже судов, перевезших их на азиатский берег. Тогда один из их князей, Каталейм, бросился с конем в воду. Его примеру последовали остальные и благополучно достигли противоположного берега[705]. Но по большей части кочевники для своих набегов выбирали зимнее время, когда реки покрывались льдом, и тогда являлись целыми массами[706]. Главное богатство степняка — стада. Они доставляли ему пищу, питье, кожи для палатки, для одежды, составляли главный его товар. При передвижениях своих они гнали за собой и стада. Припомним, как черные клобуки явились с ними под Киевом[707]. Летопись при каждом удачном походе русских извещает, что они «взяша тогда *скоты*

и *овце* и *кони* и *вельблуды*»[708]. Мы видим тут те роды животных, которых разводили половцы: рогатый скот, овец, коней; находим и верблюдов, которые могли доставаться из степей Средней Азии. Благодаря скотоводству кочевники передвигались с одного места на другое. Большие перекочевки совершались с переменой времен года. «Земля кипчаков, — рассказывает Ибн-эль-Атир, — богата пастбищами зимой и летом; в ней есть места, прохладные летом, богатые пастбищами; есть места, теплые зимою, также изобилующие пастбищами — это степи на берегу моря»[709]. Когда наступал летний зной, степь была выжжена солнцем, кочевники со своими стадами подвигались к северу; на зиму толпились по берегам моря. Но тяжко приходилось степнякам в суровые зимы. Много скота гибло; трудно было существовать в переносных палатках. Глубокие снега мешали движению. «И бысть же тогда (в 1204 г.) зима люта, — отмечает летопись, — и бысть половцем тягота велика»[710].

Скот был главным товаром у кочевника. Лошади, например, отправлялись в Индию; в одном караване их бывало до шести тысяч; иногда более, иногда менее[711]. Если кочевнику нужно было выкупиться из плена, он пригонял скот[712]. Но вот хан половецкий Бельдуз предлагал (в 1103 г.) за свое освобождение: «злато и сребро, и коне и скот»[713]. Откуда же у степняка золото и серебро? Он доставал его в своих набегах грабежом; он брал иногда большие выкупы за пленных; наконец, он вел торговлю. Еще о печенегах арабы рассказывают, что они богаты; что у них есть вьючный скот, стада, утварь из золота и серебра, оружие, пояса, богато украшенные, и знамена[714]. Богатая добыча доставалась русским князьям, когда они грабили половецкие кочевья. Доставались им золото, паволоки, оксамиты; серебряные древки знамен; орьтмами, и япончами, одеждами и узорозьями половецкими русские иногда мосты мостили и топкие места заваливали[715]. В числе добычи бывали и рабы[716].

Еще в X в. печенеги были посредниками в торговле греков с Русью, Хазарией и Зихией. Они заключали условия о херсонитами и служили им проводниками в торговых поездках и сами привозили им товары. Но дорого стоили эти их услуги. Когда посланник греческий желал проникнуть в землю печенегов, то прежде всего он посылал к ним и

требовал в Херсон заложников и проводников. Сейчас же начиналось требование подарков. Заложники, оставляемые в Херсоне, просили подарков для себя и своих жен за то, что оставались сидеть; проводники требовали их за труды свои и своих лошадей. Отделавшись тут, посол двигался к кочевникам. Но лишь только он являлся в их стране, входил с ними в переговоры, они прежде всего требовали императорских подарков. Дары требовались не только для воинов, но для их жен и даже родителей.

Наконец, посол удовлетворил всех, сделал дело, за которым приехал, и возвращается назад. Но в Херсоне он снова должен был заплатить своим провожатым за труды их и их лошадей[717]. Этим интересным сообщением мы обязаны императору Константину Багрянородному. Очевидно, такого рода отношения сохранялись и в то время, когда степи занимали половцы. Невольно припоминаются при этом требования, делавшиеся московским князьям со стороны крымских ханов: «Карачей своих я написал *братьею и детьми*, — пишет Саип-Гирей Иоанну IV, — а кроме этих наших уланов и князей написал еще по человеку от каждого рода, *сто двадцать четыре* человека, которые при нас, Калгиных *пятьдесят*: *пятьдесят* человек *не много*. *Вели давать им поминки*, и земля твоя в покое будет, и самому тебе не кручинно будет»[718]. Словом, кочевники оставались кочевниками во все времена, изменялось только их название.

Но из всех известных нам степняков большей способностью к принятию культуры, к усвоению себе более совершенного быта соседей, — были половцы. Мы видели уже, что половцы жили в Тмуторакани. Но ко времени нашествия татар в их руках был уже и Судак. Это, по словам Ибн-эль-Атира, был главный половецкий город, обильный источник их богатства, потому что он на море Хазарском. К нему приходят суда с одеждами и покупают и выменивают на невольниц и невольников, чернобурых лисиц, бобров, белок и другие товары, находящиеся в их земле[719].

Благодаря этим сношениям роскошная жизнь половецких ханов являлась вполне естественной. Должно быть, она была уже очень заманчива, если венгерские вельможи стали подражать им и вызвали целую бурю со стороны католического духовенства Венгрии[720].

Вообще же в жизни кочевник был весьма неприхотлив. Главным образом его пища состояла из мяса, молока, проса[721]. Мы не знаем, сеялось ли просо самими кочевниками. Может быть, это был единственный продукт их собственного земледельческого труда. Просо бросалось в кипящую воду. Затем, изрезав мясо на кусочки, клали в этот отвар[722]. Иногда же мясное кушанье приготовлялось гораздо проще. Брали кусок сырого мяса, клали его под седло лошади и гоняли ее до тех пор, пока не вспотеет, а лежащий под седлом кусок не сделается горячим. В таком виде они употребляют его в пищу. Вероятно, как лакомство был рис, сваренный в молоке, и сыр[723].

Сделав удачный набег, нагрузив свою добычу на лошадь, степняк возвращался в свою ставку и праздновал удачу предприятия. В этом случае первое место занимал кумыс. Любили кочевники выпить, и кумыс действовал на них опьяняюще. Пили они кумыс; раздавались в это время звуки их незамысловатых музыкальных инструментов[724], и пелись песни, прославлявшие их героев, их знаменитых ханов, старого Шаруканя и Буса[725], и Боняка, и его сына Севенча Боняковича[726], и знаменитого Кончака[727]. И сильно действовали эти песни старины на тюрка, возбуждали его на новые подвиги, воспламеняли его любовь к свободным безграничным степям.

Тяжело иногда приходилось половцам, и тогда-то песни имели ободряющее влияние. Сильно стеснил половцев Мономах своими походами, и вот от этой тяжелой эпохи для тюрков сохранились воспоминания о загадочных ханах *Отроке и Сырчане*. Загнал Владимир Отрока в Обезы (на Кавказ), а Сырчан остался у Дона и рыбой только поддерживал свою жизнь. Остался у него только один *певец* (гудец) по имени *Орев*. И посылает его Сырчан в Обезы сказать Отроку: «Воротись, брат, пойди в свою землю: умер Владимир!» И наказывает он Ореву: пой, ты, ему *песни половецкие*, а если их слушать не будет, траву дай понюхать, евшан. Но захотел хан возвратиться и слушать не хотел. И Орев дал траву ему нюхать. Понюхал Отрок и заплакал. «Лучше костями в земле своей лечь, чем славному быть на чужбине», — сказал он и в степи свои возвратился. От него и родился Кончак, ходивший пешком, носивший котел за плечами[728]. Этот отрывок целиком вошел в нашу летопись и заимствован ею из народных уст. Благодаря

близким сношениям Руси с половцами, песни половецкие переходили и к русским.

Мы уже видели, как радушно принимали половцы русских князей, которые в своих домашних невзгодах искали себе приюта в их кочевьях. Вообще постоянная борьба нисколько не уничтожала дружественных отношений между двумя народами. Торговля не прекращалась. Интересный факт сообщает нам летопись. В 1184 г. двинулся Кончак на Русь. Русские князья пошли ему навстречу, перешли Сулу. «Едущим же им и *устретоста гости идущь противу себе ис половець, и поведаша им, яко половци стоять на Хороле*»[729]. Из этого известия видно, что гости-купцы проехали мимо половцев, ибо знали, где они; что половцы не тронули гостей, хотя шли воевать на Русскую землю. Следовательно, эти кочевники совершенно отделяли войну и торговлю и, сознавая ее выгоды, ничем не препятствовали ей.

Это сообщение нашей летописи стоит в полном согласии с известием арабского писателя Ибн-эль-Атира, который утверждает, что при половцах велась обширная торговля, и только нашествие татар 1223 г. на некоторое время нарушило ее. «Когда пришли татары, — говорит он, — дорога нарушилась, и не получалось никаких товаров, ни чернобурых лисиц, ни бобров, ни белок, что отправлялось из тех стран; когда же татары ушли, *то дорога снова открылась, и стали отправлять товары по-прежнему*[730]. Отсюда можно сделать заключение, что иностранцы, являвшиеся для торговли, были принимаемы радушно. Интересное сообщение делает по этому поводу Эль-Бекри о печенегах: когда к ним являются иностранцы, или бежавшие из плена в Константинополе, или другие, то они дают им на выбор: или остаться у них на равных правах и, если желают, выбрать себе жену, или предлагают проводить их на место жительства[731].

Постоянные военные предприятия, а вместе с ними и опасности заставляют искать себе верных друзей. Для взаимной помощи заключались побратимства. Они заключались не только среди степняков но, вероятно, побратимами являлись степняк и иностранец, какой-нибудь гость, бравший себе проводников из половцев. Особенно часто должны были случаться побратимства между половцами и русскими. Вот как совершался самый обряд заключения побратимства. Половец прока-

лывал себе палец иглой и выступавшую кровь дает сосать тому, кого он избирает себе в постоянные спутники и друзья, после чего сосавший кровь своего товарища становится для него как бы собственной его кровью и телом. Иногда употреблялся и другой обряд. Желающие вступить в побратимство наполняли напитком медный сосуд, имеющий подобие человеческого лица, пили из него оба, собирающийся в путь и его спутник, и после этого уже никогда не изменяли друг другу[732].

О религии наших кочевников мы ничего не можем сказать. Дошедшие до нас известия весьма отрывочны, и нет прочных оснований верить им. Абульфеда рассказывает, что половцы занимались астрологией и верили во влияние небесных светил на человека; что они обожали звезды[733-734]. Никита Хониат утверждает, что половцы приносили пленников в жертву своим богам. Приведенный же арабский питатель говорит, что печенеги сжигают своих мертвых и пленных иностранцев[735]. А Рубруквис сообщает, что половцы хоронили своих мертвецов, насыпали над прахом курган и на нем ставили статую лицом к востоку, держащую у пояса чашу; богатым делают пирамиды, т.е. остроконечные дома; а иногда он видел большие башни из обожженного кирпича; в некоторых местах каменные дома, хотя камней здесь и нет[736]. Есть известие, что князья погребались с несколькими живыми рабами и лошадьми[737].

Ничего мы не можем сказать и об их семейном быте. Из нашей летописи узнаем, что браки у них могли совершаться в довольно близком родстве. Так можно было жениться на мачехе и ятрови[738].

Нельзя сомневаться в том, что постоянные близкие сношения с соседними народами давали возможность проникать к нашим кочевникам различным религиям и исповеданиям, которые приобретали последователей.

Оставим черных клобуков. Очевидно, живя на Поросье, составляя часть юрьевской епархии, они находились под неусыпными попечениями духовенства, старавшегося просветить их. Мы не будем говорить о тех случаях, когда печенеги или половцы принимали христианство в силу чисто политических причин. Можно предполагать, что и у себя в степи некоторые из степняков делались христианами. Попытки к рас-

пространению среди них христианской религии мы видим в начале XI в. со стороны католических миссионеров. Один из них, Брунон, о котором мы уже упоминали, пробыл у печенегов пять месяцев. Если верить его письму, печенеги обещали будто бы быть христианами, если русский князь не будет их трогать; в противном случае грозили отречься от этой веры. Брунон возвратился к князю и передал ему условия печенегов. Князь будто бы согласился и дал печенегам в заложники своего сына, который и был вместе с новопоставленным епископом помещен в центре земли печенежской[739]. О дальнейшей судьбе этого епископства мы ничего не знаем.

Но нет никакого основания предполагать, чтобы русское духовенство не действовало и со своей стороны. Впрочем, этот вопрос покрыт мраком: нет никаких данных ни за, ни против. Что были случаи крещения половцев, видно из кириковых вопрошаний. Там между прочим находим такое правило: «Молитвы оглашенные творити: болгарину, *половчину*, чюдину, преди крещения 40 дний поста, ис церкви исходити от оглашенных»[740]. Может быть, пример Игоря Святославича, имевшего в кочевьях половецких священника, совершавшего службы, не был единственный. Припомним родственные связи половецких ханов с русскими князьями. Весьма возможно, что благодаря таким близким отношениям среди половцев находились желающие принять христианство и действительно принимали. Ипатьевская летопись говорит, что великий князь половецкий Бастий крестился в 1223 г., явившись просить помощи у русских против татар[741]. Если Бастий действовал тут под влиянием страха, то у нас есть примеры принятия христианства другими ханами, когда не действовали подобные побуждения. Так, по известию Никоновской летописи, в 1132 г. в Рязани принял христианство князь половецкий Амурат, в 1168 г. в Киеве — князь Айдар[742]. Как ни опасно доверяться этому источнику, но в сопоставлении с раньше приведенными фактами его сообщения приобретают вероятность.

Мы не знаем, в силу ли подражательности или по своему христианскому исповеданию некоторые ханы носили христианские имена. Встречаются, например, Данило Кобякович, Юрий Кончакович, Глеб Тириевич, Роман Кзич. Но попадаются с христианскими именами и

простые тюрки, не княжеских родов. Таков Василий, явившийся из степей в 1147 г. на помощь Святославу Ольговичу[743].

Интересна легенда «о пленном половчине», показывающая, как отражались религиозные верования русских на половцах. Был у одного киевлянина пленный половец. Содержался он в оковах. Долго хозяин ждал выкупа, наконец, предложил половцу выпустить его с тем, что он заплатит ему выкуп, возвратившись в свои кочевья. Поручителем за себя кочевник согласился взять св. Николая. Освободившись из плена, степняк забыл об обещании. Однажды ему явился св. Николай и напомнил о своем поручительстве, пригрозив бедой. Но это напоминание прошло бесследно. Поехал однажды половец в поле. Вдруг явился святой угодник, стащил его с коня и тряся сказал: «Не говорил ли я тебе, окаянный: повези выкуп тому христианину, так как ты дан мне на поруки, а ты скоро забыл мои слова; еще раз тебе говорю: пожалей сам себя, повези выкуп! если забудешь, увидишь, что тебе от меня будет!»

Несколько дней спустя был съезд князей и вельмож половецких. Приехал и наш половец. Вдруг среди собрания невидимая сила стащила его с коня и начала бить, причем слышался голос: «Говорил я тебе, окаянный, повези выкуп!» «Страшно же бяше, братие, видити мучение его: овогда бо бе главою потчен о земле, овогда же от земля восхыщен и о землю разражен, иногда же бяше глава его междю ног его, и ктому невидимо аки батоги бияше его сила божиа, единако глаголюще: “повези на собе искуп христианину оному”»! Устрашенный половец, оправившись от наказания, взял два табуна лошадей и направился в Киев. Он сначала пришел в церковь и пожертвовал небольшое стадо в ее пользу; потом внес выкуп своему хозяину[744].

Эта легенда интересна, как рисующая нам отпошения русских и половцев. Интересен также факт, что св. Николай пользуется глубоким уважением среди татар и в настоящее время. В юртах татар сибирских вы очень часто встретите образ этого Святого. Татары говорят: «Велик русский бог, Никола»! Другая легенда рассказывает нам о принятии христианства и даже о вступлении половцев в монашество в Киево-Печерском монастыре вследствие чуда одного святого, который был некоторое время у них в плену и чудесным образом освобожден[745].

Рядом с русскими на поле просвещения кочевников истинами христианской религии трудились и католические миссионеры. Мы имели случай указывать, что это дело специально возложено было на миноритов. Хотя по документам видно, что деятельность их в степях относится к XIII в., но возможно, что они ходили в землю половецкую и раньше. Неизвестно, насколько успешно шло дело их проповеди в южнорусских степях, но половцы, поселившиеся в Венгрии, делались христианами[746].

Но рядом с христианскими действовали и другие влияния. Когда печенеги явились в Европу, то столкнулись с хазарами, у которых свободно существовали иудаизм, магометанство, христианство и язычество. И магометане, и иудеи не преминули, конечно, подействовать на новый народ. Кроме того, постоянные сношения со Средней Азией, со странами, в которых исповедовался исламизм, могли повести к распространению его и среди кочевников. До нас дошло известие арабского географа XI в. Эль-Бекри; оно не может быть принято во всей своей силе, но показывает, что попытки проповеди исламизма среди кочевников предпринимались. Он рассказывает, что после 400 г.

Изложение князю Владимиру своей веры хазарами (иудеями). Миниатюра из Радзивилловской летописи

хиджры (1009—1010 г.) к печенегам прибыл мусульманский юрист и начал проповедь. Многие, в числе 12 000, уверовали. Остальные начали укорять их. Началась междоусобная война. Неофиты одолели, и остатки побежденных также приняли ислам[747].

Половцы, вероятно, также не избежали стараний соседей обратить их в магометанство. Такими близкими соседями были болгары на Волге, еще с X в. сделавшиеся магометанами. В существовании сношений враждебных и мирных, торговых между половцами и болгарами можно быть вполне уверенным[748]. Гиббон говорит, что большая часть куман (половцев) были язычники, и только немногие были магометане[749]. Иудаизм, кажется, имел среди них также своих последователей. Так, Плано Карпини в числе подданных татар указывает куманов-брутахов, исповедующих иудейскую религию[750].

В конце XII и особенно в начале XIII столетия отношения между русскими и половцами принимают более и более мирный характер. Борьба продолжается, но и количество набегов становится меньше, и перевес в борьбе видимо переходит на сторону Руси. Культурное влияние соседей делало свое дело. Среди половецких степей чувствуется как будто какой-то переворот в самом политическом строе. Прежде мы видим набеги, предпринимаемые всевозможными мелкими князьями половецкими. В конце XII и начале XIII в. известия летописные группируются главным образом около Кончака, его сына, Юрия Кончаковича, и Котяна. Остальные князья стушевываются. Кончак ведет борьбу с Русью, делает на нее походы. О мелких набегах других ханов не слышно. Перед разгромом 1223 г. мы видим на всем пространстве степей только двух половецких ханов, Юрия Кончаковича и Котяна, из которых первый «бе, по выражению летописи, болийше всих половець». Проглядывает как будто усиление власти ханской среди кочевников. Есть даже намеки на борьбу двух ханов половецких из-за власти. В одном из них можно подозревать нашего Юрия Кончаковича[751].

Будучи в близком родстве с русскими князьями, приняв на себя русское имя, может быть, усвоив даже их образ жизни, не чуждый влияния соседних культурных народов, он мог задаться целью ввести среди половцев иной политический строй, мог стремиться к созданию

тюркского государства, к подчинению своей власти мелких князьков. В этих планах он мог находить поддержку и со стороны своих русских родственников, которым выгоднее было иметь дело с одним Юрием Кончаковичем, склонным к русской культуре, чем с массой диких половецких князьков. То же самое можно сказать о Котяне. Он был тесть Даниила Галицкого, который называл его «батюшка». Этот человек был также, по-видимому, не дюжинный. Мы с ним еще раз встретимся. А что половцы были способны к культуре, что из них могли быть видные политические деятели, — это мы увидим в нашей последней главе.

НАШЕСТВИЕ ТАТАР И ВЫСЕЛЕНИЕ ПОЛОВЕЦКОГО НАРОДА

В то время когда Русь и половцы боролись между собою, роднились и грабили друг друга, далеко в степях Средней Азии собиралась гроза, которая должна была сокрушить силы обоих народов, поработить на некоторое время Русь и стереть с лица земли имя половцев.

Во второй половине XII столетия среди монгольских племен появился человек, сумевший уничтожить их разрозненность, двинувший массы кочевников на завоевания. Это был известный Темучин, принявший потом на себя имя Чингиз, когда сделался ханом[752]. Мы не будем следить за всеми победами его в Азии. Для нас интересно столкновение этого воителя с Хорезмом.

Еще раньше, с самого начала XII в., мы видим половцев на службе у грузинских царей против владетелей мусульманских. Как везде, так и здесь степняки являлись ненадежными союзниками. Раз в виду неприятеля Грузины и половцы перессорились, передрались и бежали[753]. Служили половцы и султанам Хорезма, которые женились на дочерях их ханов.

Когда на пределы его надвинулись татары, султан Джелаль-Эддин послал звать к себе на помощь наших кочевников. За этот-то союз и преследовали татары половцев[754] и ринулись к северу от кавказских гор. Взяв Дербент, спустившись с гор, они стали в земле алланов-яссов. Ввиду общей опасности половцы заключали с ними союз.

Татарские генералы увидели всю опасность для них от этого факта и решили разделить силы врагов. Они послали к половцам одного из своих с богатыми дарами. Он должен был выразить удивление, что

Чингисхан в шатре с женой и слугами. Иранская миниатюра

половцы, будучи родственниками монголов по крови, соединились с алланами, которые — народ совершенно им чуждый; что гораздо честнее жить половцам в добром согласии с монголами. Наши степняки поддались на обман и оставили яссов. Тогда татары разбили аллан, обратили массу их в рабство и затем напали на половцев. Придя в себя после такой неожиданности, последние отступили к русским границам, а татары остались зимовать в земле половецкой[755]. Оказывается, что с новыми врагами боролся Юрий Кончакович. Видя свое бессилие, другой хан, Котян, бросился искать себе помощи у своих родственников на Руси. Но, кажется, татары в своей войне с половцами и воспользовались междоусобной борьбой, происходившей между Юрием Кончаковичем и другим каким-то князем[756]. Явились половецкие князья к границам Руси и убедили ее князей помочь им. Если не поможете нам, говорили они, то сегодня нас изрубили, а завтра вас изрубят. Но и татары, со своей стороны, прислали послов к русским князьям с предложением оставить половцев на произвол судьбы. В происшедшей битве на Калке союзники были разбиты наголову[757]. Весть об этом прошла и за пределы Руси. В австрийской нейбурской летописи

под 1223 г. читаем: «Царь Тарсис (татарский) совершенно опустошил землю, называемую половецкой, истребил ее жителей и побил много руссов, которые хотели подать им помощь»[758]. В первых же стычках с татарами были убиты половецкие князья — Данило Кобякович и Юрий Кончакович[759].

В продолжение нескольких лет затем не было ничего слышно про татар. Все начинало идти по-прежнему. Торговые сношения возобновились[760]. Половцы по-прежнему помогают русским князьям[761], о набегах на Русь совсем не слышно. Котян в дружественных отношениях с Даниилом; а в степях среди половцев постоянно живет Изяслав Владимирович, сын Владимира Игоревича, женатого на дочери Кончака. Но в 1237 г. начался разгром Русской земли. Громить ее явился уже не отдельный отряд татарский, а огромные силы под начальством Батыя. Разорив Северную Русь, татары заняли степи половецкие[762].

Началась последняя борьба половецкого народа за свою свободу. Один из половецких князей, Бачман, долго беспокоил монголов своими нападениями. Он неожиданно атаковывал их, исчезал со своей добычей и удачно избегал их преследований. Напрасно они его искали; спрятавшись со своим отрядом в лесах на берегу Волги, он постоянно менял место своего убежища. Князь Мангу и его брат Буджек постановили, наконец, осмотреть леса. Рыща по ним, монгольские войска увидели следы лагеря и узнали от одной больной женщины, что Бачман удалился на один из островов Волги. Они вброд достигли его. Половцы были захвачены неожиданно и изрублены в куски[763]. Бачман, приведенный к Мангу, был зарезан по его приказанию среди войска. Это единственный известный нам эпизод из истории борьбы половцев с монголами. Путешественник XIII в. Плано Карпини, проехавший половецкую землю от Киева до Волги, рассказывает, что жители ее, половцы, истреблены татарами; некоторые из них бежали из своего отечества; другие обращены в рабов; многие из убежавших возвратились назад к татарам[764].

Еще вслед за погромом 1223 г. половцы начали выселяться из южнорусских степей. Часть их двинулась на Закавказье. Они обратились за позволением к владетелю Дербента купить съестных припасов. Вышли недоразумения, и половцы посредством хитрости овладели

Дербентом. Начали они грабить грузинские области. Окруженные, после многих похождений, мусульманами, лезгинами, грузинами, половцы были разбиты. Оставшиеся в живых обращены в рабство, так что раб из них продавался в Дербенте Ширванском по самой низкой цене[765]. Далее, конечно, выселение должно было усилиться.

После 1237 г. мы находим половцев среди русских. Они, видимо, уже находились в полной зависимости от русских князей. Даниил Романович Галицкий употребляет их как легкое войско в своих походах на Литву, на ятвягов[766]. Они участвуют в знаменитой ярославской битве, когда решен был окончательно вопрос, кому должен принадлежать Галичь. Мы видим здесь половцев в полном повиновении у Даниила: «И приехаша половци наперед, и приехавше видиша стада их (неприятельские), не бе бо страж их у реки, *половцем же не смеющим разграбити их, бес повеления княжа*»... Прежде, во времена, когда их нанимали князья на помощь, они не дожидали бы позволений и не были бы так совестливы. Нет никаких данных, которые давали бы возможность сказать, где были поселены половцы. Сохранилось предание, что они получили земли там же, где раньше поселились их родичи — черные клобуки, т.е. на реке Роси, но при этом время поселения их в этих местах отодвигается очень далеко — к княжению Святополка Изяславича, т.е. к концу XI в. Оно удержалось в роде князей Половцев-Рожиновских, производивших свой род от тестя Святополка, половецкого хана Тугорхана. В грамоте, выданной киевским князем Владимиром Ольгердовичем в XIV в. Юрию Ивановичу Половцу-Рожиновскому говорится между прочим: «А удел его предковский, как предки его, *Тугорхан* и *Кариман*, и иные после них, держали, *на реке Роси* по *рекам Ростовицу и Каменицу*, который назывался Сквира, а теперь Поветщизна»[767-769]. Предание отнесло событие к слишком отдаленному времени, но самый факт несомненен, как ввдно из приведенных нами летописных известий. В Поросьи были поселены половцы не Тугорхановы, а перешедшие на русскую территорию после нашествия татар.

Часть половцев, очевидно, кочевавших между Днепром и Дунаем, поспешила спастись на Балканский полуостров. По рассказу Георгия Акрополита, половцы с женами и детьми, на шкурах, наполнен-

Половецкий шлем. X в.

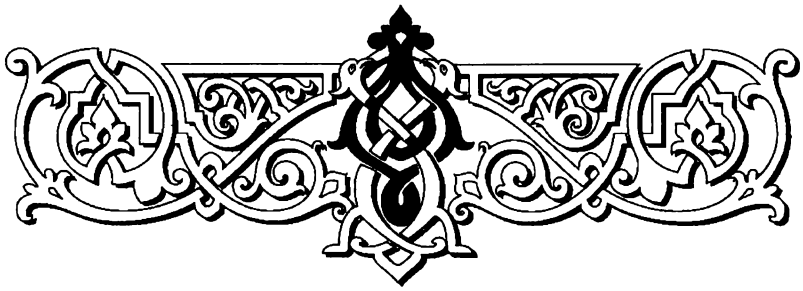
ных сеном, переправились через Дунай, прорвались через Болгарию и заняли все области Македонии. Они страшно опустошили ее и в короткое время обратили как бы в пустыню, овладели небольшими слабо укрепленными городами, грабили, убивали, уводили в плен жителей. Пленные продавались в больших городах, в Адрианополе, Дидимотике и др. Никифор Грегора рассказывает, что половцы переселилась в числе не менее десяти тысяч. Император Иоанн послал им богатые дары, старался привлечь другими знаками своего расположения и включил в состав греческой армии. Он раздал половцам земли для поселения в разных местах: *во Фракии, в Македонии, в Малой Азии* по реке *Меандру* и *во* Фригии[769].

Знаменитый Котян, тесть Даниила Романовича Галицкого, которого венгерские хроники называют Кутеном, недолго продержался в степях и в свою очередь с подвластными ему половецкими коленами решился покинуть свое отечество. Есть известие, что Котян сначала один явился в Венгрию, чтобы изучить туземный язык[770]. Вслед за тем он прислал сказать, что примет вместе со своими приближенными христианство, если ему будут отведены земли для поселения. Король венгерский Бела IV дал проводников во избежание столкновений половцев с туземцами, а чтобы придать вид легальности своему поступку, он собрал сейм сановников государства и предложил ему вопрос, принимать ли Котяна. Бароны решили утвердительно. Явившись в Венгрию, Котян с ближайшими людьми был крещен[771]. Половцам были отведены земли между Дунаем и Тиссой, по реве Керосу, между реками Темесом и Маросом[772]. Переселившись, половцы быстро завоевали себе видное место, и наследник венгерского престола, Стефан V, женился на дочери половецкого князя Котяна[773].

Один путешественник английский XIV в., Мандевиль, бывший в Египте и служившей у султана Мелека Мандиброна, рассказывает следующее: «Из тех[774] половцев некогда явилось в Египет некоторое количество, которое, увеличившись, так усилилось, что, кажется, правит над подчиненными туземцами, ибо из среди себя они поставили султана Мелека Мандиброна»[775-776]. Совершенное подтверждение этому и без того не вызывающего сомнения известию мы находим у такого достоверного писателя, как Георгий Пахимер. Он рассказы-

вает, что султан египетский заключил торговый договор с греческим императором, по которому египетские корабли могли свободно ездить к берегам Меотиды, чтобы скупать рабов, «*ибо султан, происходя сам из половцев*, старался собирать около себя свое племя». Значит, и рабы скупались — племени половецкого. Интересно, что родители продавали детей.

Закончим нашу главу словами арабского писателя XIV в. Ибн Яхии: «Тюрки Кипчака (половцы), — говорит он, — отличаются от других тюрков своею религиозностью, храбростью, быстротой движений, красотой фигуры, правильностью черт и благородством. *Они дали султанов и эмиров Египту* и составляют самую большую часть армии этой империи. Недим-еддин-Эюб, сын Камеля, показал большое старание в отыскивании рабов из Кипчака, и они не замедлили овладеть троном. Эти государи, вследствие своей преданности к своим соотечественникам, собрали их большое количество, так что Египет вскоре был наполнен этими иностранцами, которые составили там первенствующую силу. Поставленные во главе армии, облеченные первыми должностями, они показали себя ревностными защитниками исламизма»[777].

ДОПОЛНЕНИЯ

1

«Предание о Торческе и о других соседних городках» издано господином Ревякиным в Киев. губ. вед. 1862 г. № 33 и 34.

Рассказ ведется на малорусском языке. Для удобства мы передаем его на русском. «Он (Торческ) был еще во время тех князьков, которые когда-то князевали в *Киеве, в Красном* и *Трипольи*; тому, может быть, с тысячу лет есть. В Лавре Печерской есть записи и права на этот городок, — на престоле лежат. Говорят, город был очень сильный; неприятелю (тогда все орды ходили) нельзя было его добыть: где ж тут вам? на такую вышину лезть! как начнут лезть на валы, то торчане давай на них колодами пускать с валов, — потолкут, потолкут их хорошенько, а они и отойдут снова в свои окопы. Его так хитростью и взяли: воду из Стугны отвели, да *чумаком*. Взяли они его *чумаком*. Пришли князьки на помощь торчанам, да и давай между собой колотиться, да радиться. А орда, не думая, не *радючись*, как кинется на них, так всех и потопила в Стугне, да на мостках. Через это и село наше называется *Безрадичами*, на смех значит потому, что орда отбила князьков без рады. Те радились, да радились, а эти без рады побили их. А все от Торча не отступают, облегли его, чтобы он не имел ничего есть, ничего пить; воду, выходит, отвели, — а сами взяли да сделали полтораста чумачих возов: в первые понакладывали *борошна*, а в остальных сами залегли, да и говорят: это мы вам провиант от помощи везем. Те, — верно дело ночью было, — и отворили им ворота, скоренько — значит, думают

себе, как подстережет орда, то и провиант отобьет. «Так Торчь и взяли».

Если сравнить этот народный рассказ с летописным, то невольно приходишь в удивление перед могучестью народной памяти: так точно, верно передано событие безыскусственным преданием, так ясно удержаны главные, выдающиеся черты факта, переданного нам современником его, летописцем. Сравнением этого предания с летописным рассказом о взятии Торческа, помещенным в Ипатьевской летописи под 1093 г., занимались господин Ревякин и господин Стоянов в своей статье: «Южнорусская песня о событии XI в.». Нам кажется несколько трудным приурочивать песню о взятии Азова к событию 1093 г., но нет никакого основания предполагать в народном предании о взятии Торческа какое-либо постороннее, книжное влияние. Оно не знает никаких имен, которые необходимо явились бы из книжного источника. Когда такой рассказ делается достоянием народа, то из уст последнего он выходит в такой искаженной, спутанной форме, которая ясно дает видеть чуждую народу основу.

Если мы сравним с этим вполне простым и безыскусственным преданием рассказ Коломыйца о Юрике, связанный с преданием о происхождении Запорожья, то совершенно убеждаемся в сказанном нами ранее. Предание о битве на Стугне 1093 г. связано с местностью, с названием *Безрадичи*, носимым селом. Не книжный рассказ, привнесенный извне, а имя села дало возможность удержаться в народной памяти преданию о столь отдаленной эпохе. Мы скорее готовы не согласиться с мнением, что это предание вполне определяет местность Торческа. Последняя определяется не из этого предания, а путем летописных данных. Не оставь нам летописец такого подробного повествования о событии 1093 г., мы не имели бы права основаться на этом народном предании, ибо память народа способна иногда приурочивать давно минувшие факты к таким местностям, где они вовсе не происходили.

В подтверждение этого можно указать на одно малорусское предание. В нашем изложении мы встречались уже с именем половецкого хана Боняка. И вот о нем-то мы и находим народное сказание, которое записано в Новоградволынском уезде от крестьянина села Деревич.

Подле этого села есть городище, с которым и связано самое предание. «Давно давно сидив, у тому городищови якийсь лицарь, звався вин *шолудивый Боняка»*. Сохранился, таким образом, даже эпитет этого грозного врага Руси. «В 20 того же месяца, в день пяток, в час 1 дне, прииде *Боняк* безбожный, *шолудивый*, отай, хищник, Кыеву...»[778] — так рассказывает летопись об одном смелом нападении этого хана на Киев. Народная фантазия разукрасила его образ и придала ему чудовищные черты. Он жил в этом городище и ел людей, которых ему доставляли по очереди[779].

В другом варианте предания половецкий хан сделан уже смелым гайдамаком, жившим в эпоху борьбы казаков с Польшей[780]. Хан половецкий, Боняк шелудивый, никогда не жил там, куда приурочено его имя народным преданием. Но это сказание интересно еще и в том отношении, что показывает, как с течением времени наслаиваются новые и новые подробности на первоначальную основу предания и как самый образ действующего лица постепенно изменяется в народной памяти, теряя свои оригинальные черты, обобщаясь, получая чудодейственную окраску. Народ помнил о существовании страшного врага своих предков, уводившего при своих нападениях пленных, которые по большей части навсегда были потеряны для родной земли, — он их съедал. С поколениями все более и более стушевываются действительные черты прошлой жизни и события давно минувшие, исчезает память о том, что некогда велась борьба с врагами, о том, как она велась. Остается только ясно воспоминание, что существовал некогда враг, уничтожавший население, поедавший его; население не могло с ним справиться, стало быть, этот враг обладал какой-то чудодейственной силой. На такой стадии развития народное предание не останавливается. Разработка его идет у народа далее; наслоения и обобщения все далее и далее растут. Теряется самое имя врага; стушевываются последние оригинальные черты лица (все равно, будет ли это целый народ или отдельный человек) и событий; память о борьбе с врагом сливается более и более с памятью о доисторической борьбе с силами природы, которые олицетворены уже у народа в образах великанов и змеев. Под этими-то общими образами являются потом и все враги, по большей части

целые племена, с которыми приходилось долго и кроваво бороться оседлому населению.

В таком виде предание переходит в былину. В ней защитниками Руси являются богатыри, под видом которых олицетворен или весь русский народ, или, может быть, под именем которого-нибудь из них является действительно существовавшая личность, своим геройством запечатлевшаяся в народной памяти и затем со временем подвергнувшаяся обыкновенному процессу обобщения. Но в былине бывает и другое явление: то враги являются в виде змеев, то образуется коллективный образ вроде Тугарина. Имя старого врага забылось. «Народ, — говорит господин Аксаков, — продолжая петь старые песни о битвах богатырских с врагами, был тревожим новыми врагами, вызывавшими его на новые битвы. Образы этих новых врагов заменяли в его воображении образы врагов древних»[781]. Господа Аксаков, Веселовский, Погодин, Буслаев и др. признают древность наших былин и видят в них эпос, в котором отразилась борьба со степью, ведшаяся в другой период русской жизни[782].

Издавая «Богатырское слово» в списке начала XVII в., господин Барсов говорит: «С одной стороны, она (эта былина) относится к былевому циклу — борьба Киевской Руси со степью, и в этом смысле она тесно связана с общими типами киевского богатырства и со славным богатырем Ильей Муромцем со товарищи: герои хотят острастить все орды, борются с погаными в чистом поле и рубят силу татарскую: все это характерные черты народного эпоса, относящегося, очевидно, к эпохе борьбы Киевской Руси со степью. Но с другой стороны, и что всего важнее, издаваемая былина, по основной своей мысли, принадлежит циклу народного эпоса, относящегося к наступательному периоду Киева на Византию»[783]. Оставляя последнюю сторону былины, мы будем говорить только о борьбе со степью. Господин Безсонов видит следы былин уже в русской летописи. «Мы убеждаемся, — говорит он далее, — несомненно, что народное былевое творчество продолжалось непрерывно и в эпоху княжескую, после Владимира до татар, заимствуя из текущей жизни множество материала, множество поэтических элементов и образов»[784].

Мы не имеем возможности рассмотреть все былины и показать в них отражение борьбы со степью. Мы остановимся лишь на одном

Илья Муромец. Антропологическая реконструкция

народном предании, сохранившемся от времен Владимира Святого. Этому князю пришлось вести упорную борьбу с печенегами, о которой мы имели случай говорить. Во время составления летописи XII в., то есть сто с лишним лет народ уже имел богатырское сказание, привязанное к эпизоду набега печенегов на Переяславское княжество в 993 г. В нем еще вполне сохранены исторически верные черты: известно имя народа-врага, известна местность события, остаются вполне бытовые черты; народная фантазия пока ограничилась только созданием личности богатыря. Вот самое предание, которое мы находим нужным привести все: «...И се печенезе придоша по оной стороне от Сулы; Володимер же поиде противу им, и усрете я на Трубеши наброду, кде ныне Переяславль. И ста Володимер на сей стране, а печенезе на оной, и не смеяху си на ону сторону, и они на сю сторону. И приеха князь печенеский к реце и возва Володимера, и рече ему: "пусти ты свой муж, а я свой, да ся борета; да аще твой муж ударит моим, да не воюемся за три лета, аще-ли наш муж ударит вашим, да воюем за три лета", и разийдоша раздно[785]. Володимер же пришед в товары, посла по товаром бирича, глаголя: "нетуть-ли такого мужа, иже бы ся ял с печенежанином братися? " и не обретеся никдеже. И заутра приехаша печенезе, а свой муж приведоша, и наших не бысть. И нача тужити Володимер, посылая по всим воемь своим, и приде один муж стар к нему, и рече ему: "княже, есть у мене един сын дома меньший, а с четырма есмь вышел, а он дома; от детства си своего несть кто им ударил: единою бо ми сварящю, оному же мнущю кожу, и разгневася на мя, преторже черевии руками". Князь же се слышав и рад бысть, и посла конь борзо и преведоша и ко князю, и князь поведа ему вся; сей же рече: "княже! не вемь, могу ли с него, да искусите мя: нетуть-ли вола велика и сильна?" Инале-зоша вол силен в повеле раздражати вола, в возложи нань железо горяче, и пустиша вола, и побеже вол мимо нь, и похвати вола рукою за бок, и выня кожю с мясы, елико ему рука я; и рече ему Володимер: "можесь ся с ним бороти". И назавтрее придоша печенезе и почаша звати: "несть ли мужа? се наш доспел". Володимер же повеле той ночи облещися в оружье; и выпустиша печенезе мужь свой, и бе превелик зело, и страшен; и выступи мужь Володимерь и взрев печене-

жин и посмеяся, бе бо средний телом. И размеривше межи обеима полкопа, и пустиша я к собе, и ястася крепко, и удави печенежанина в руку до смерти и удари им о землю; и вьскликоша русь, а печенезе побегоша, а русь погнаша по них, севуще е, и прогнаша их. Володимер же рад быв, и заложи город на броду том и нарче и Переяславль, зане перея славу отрок. Володимир же великим мужем створи его и отца его»[786].

Что в этом рассказе перед нами является народное предание о страшной борьбе, указывается связью его с местностью, со стремлением народа объяснить происхождение имени города на Трубеже, хотя официальный документ договора с греками показывает, что этот город существовал давно, так давно, что народной памяти не хватало уже до этой эпохи. Здесь уже мы видим соединение воспоминаний о двух фактах. В народе держалась еще память о постройке городов, предпринятой Владимиром Святым. Народ к этой же эпохе отнес и основание Переяславля, — соединив в одно два предания: о некогда делавшихся укреплениях и о борьбе с кочевниками — печенегами. В таком виде предание держалось в XII в.

Но укрепления, сделанные Владимиром Святым, состояли не из одних городов, он, как мы раньше видели, провел оборонительную линию валов[787]. Память об этом, конечно, держалась в XII в.; помнили, что и эти валы и засеки предназначались для защиты населения от тех же врагов — печенегов. Далее исторические подробности стали исчезать. Прежде всего и скорее и легче всего должно было выйти из предания воспоминание о Переяславле. Это особенно должно было произойти после татарского нашествия, когда пало значение этого города как оплота против степи, когда он снизошел на степень второстепенных городов. Произошел факт, который немыслим в народной памяти: должно было явиться предание без местности. Но так оно остаться не могло. От времени Владимира Святого сохранились еще валы. К ним, как к величественным сооружениям, пережившим в целости века, постоянно служившим памятниками борьбы с теми же печенегами, и должно было примкнуть предание о тех же печенегах. Таким образом, неизбежно должны были слиться эти два воспоминания о кровавой борьбе — о Яне Усмошвеце и валах.

Ян Усмовец останавливает разъяренного быка. Художник Е.С. Сорокин

Но еще раньше, а, может быть, одновременно исчезло из народной памяти и имя врага, его индивидуальные черты: осталось только одно, что был какой-то враг, что был богатырь, который с ним боролся и в защиту построил эти валы. Этот враг, как и сама борьба, отодвинулся к векам доисторическим, откуда он получил стихийные черты, сверхъестественную окраску: богатырь борется уже не против народа или другого реального врага, а против мифического змея. Подробности предания изменяются, но основания его остаются. В таком виде предание держится в народе до сих пор.

В Великороссии держится рассказ о Никите Кожемяке. «*Около Киева,* — говорит предание, — *проявился змей; брал он с народа поборы немалые*: с каждого двора по красной девке». Рассказывается, что в свою очередь попала к нему дочь царская, красавица, которую он не съел. Она допыталась у змея, кто сильнее его. Этот богатырь, которого одного боялся змей, был *Никита Кожемяка. Сам царь отправился просить его, чтобы освободил его землю от*

лютого змея. В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож; как увидал он, что к нему пришел сам царь, задрожал со страху, руки у него затряслись — *и разорвал он те двенадцать кож*. Никита не согласился на просьбы царя и только, когда к нему отправили пять тысяч детей, решил освободить свою страну. Начался бой. *Никита повалил змея*. Стал змей миру просить: "*разделим всю землю, весь свет поровну: ты будешь жить в одной половине, а я в другой*". "Хорошо, — сказал Никита, — надо межу проложить". Сделал Никита соху в триста пуд, *запряг в нее змея, да и стал от Киева межу пропахивать*. Затем Кожемяка стал делить море и утопил змея. *Эта борозда и теперь видна*: вышиною та борозда двух сажень. Кругом ее пашут, а *борозды не трогают; а кто не знает, отчего та борозда, — называет ее валом*»[788].

Из подчеркнутых мест читатель увидит, что основные черты этого рассказа те же, что и в предании о борьбе с печенегом Яна Усмошвеца. На севере это предание, как мы видим, также соединяется с существованием борозды-вала, но на юге эти сооружения составляют главный пункт, около которого группируются предания. Несколько вариантов предания, приводимых Фундуклеем, связаны с воспоминанием о происхождении валов. Возьмем один из них. «Рассказывают, что некогда появился стоглавый змей, начал опустошать окрестности и пожирать людей. Многие покушались умертвить его; но все становились жертвою своей смелости. Наконец, для избавления себя от совершенной гибели здешние жители вошли в переговоры с змеем и обязались давать ему перворожденного младенца из каждой семьи. Через несколько лет очередь пала на царевну; спасения не было; никто не решался вступить в борьбу со змеем, хотя победителю была обещана в награду половина государства. Наконец, появился богатырь Кузьма. Услышав о жребии царевны, он решился освободить ее и с помощью подземных дружественных себе царей одолел стоглавого змея. За то в награду получил он землю и оборал ее плугом, запрягши в него вместо волов сказанного змея. Борозда, проведенная огромным плугом, есть вал, который и ныне называется *змиевым*»[789]. Что под именем змея в народной памяти сохраняется образ врага, видно из одной былины о Добрыне Никитиче. Вот из нее выдержки:

Как был он (Добрыня) во чистом поли,
На тыих горах на высокиих,
Потоптал младых змеенышей,
Повыручил полонов русскиих,

А вот договор Добрыни с змеем. Змей говорит:

«Мы положим заповедь великую,
Чтобы не летать мне на святую Русь,
Не носить людей больше русскиих.
А тебе не ездить далече в чистом поле,
Не топтать ти младыих змиенышей,
Не выручать полонов руских».

Но кочевники часто нарушали договоры с Русью, и это обстоятельство не ускользнуло из былин. Змей снова летит в Киев и захватывает в полон племянницу князя, Забаву[790]. Припомним, что в приведенных нами преданиях к змею попадает царская дочь. В былине со змеем борется Добрыня, представитель дружины, которая и в действительности служила защитой Руси от кочевников. Сказка о Добрыне вполне сохраняет в себе основные черты предания о Яне Усмошвеце.

У Владимира пир. Все приуныли: перед Киевом стал страшный враг *Тугарин Змиевич*. Владимир ищет богатырей для борьбы с Тугарином.

«*Идут могучии княжии богатыри ко стольному граду Киеву, а головы клонят ко белым грудям, от страха слова не вымолвят*». Киевский воевода видит, что на богатырей плохая надежда. Он говорит Владимиру: «*Вымолви, осударь, слово ласковое, прикажи своим, словом кликнуть кличь на повольники*». Сбираются добры молодцы, но «лишь старший хоронится за моложева». Наконец, является Добрыня, вызывается на бой и убивает Тугарина[791]. В этой былинной сказке есть еще много интересных черт, на которых следовало бы остановиться, но мы ограничены размером дополнений к нашей работе и оставляем за собой право когда-нибудь специально заняться вопросом об историческом значении былин. Скажем только, что весьма многие подроб-

Добрыня Никитич освобождает из плена Забаву Путятичну.
Художник А.П. Рябушкин

ности борьбы с кочевниками отразились в былинах: в них есть прямое упоминание о половецкой орде, память о походе Кончака 1184 г., о браках с половчанками; память о Шарукане, даже отразилось отношение к кочевникам Византии.

2

Господин Ланге принимает во внимание объяснение господина Сеньковского, что под словом *колбяг* (от турецкого слова: *куль-бег*, военнослужащий) разумели тоже военного наемника, но из половцев или, может быть, и из других племен турецкого происхождения, кочевавших на юге России. Господин Ланге делает предположение, что колбяги были воины и пользовались поэтому преимуществами. Одни эти лица имели право оправдывать себя от покленной виры только двумя, а не семью свидетелями. Известно, что половцы носят в летописи иногда эпитет *дикие*. Господин Ланге противополагает этот термин названию *черные*, считая, что последний употреблялся для обозначения тюрков, подвластных Руси, то есть поселенных на Поросье и др. местах. *Клобук*, по мнению господина Ланге, есть исковерканное *куль-бег*, так что *черный клобук* — подвластный военнослужащий[792]. Но против этого можно возразить, что раз в Русской Правде есть уже термин *колбяг*, то он в таком же виде должен был существовать и в устах народа. *Колбяг* действительно может быть исковерканным *куль-бег*, но его так исковеркал уже народ.

В то время не было такого различия между языком официальным и народным, как позже. Если летопись нигде не упоминает о *колбягах*, то она не приводит и некоторых других терминов, встречающихся в Русской Правде. Если же мы припомним известие Туроца о ношении половцами колпаков шерстяных, то название их «*калпак*» с прибавлением *кара* — черный вполне не представляет ничего странного. Существует же и до сих пор племя каракалпаков. Русь только перевела это название на свой язык. Термин «*дикие*» нисколько не противопоставляется в летописи термину «*черный*»: на это нет фактов. Соглашаясь с мнением господина Ланге, что под именем колбягов разумелись союзнические тюркские племена вообще, что этим термином мог, пожалуй,

замениться термин *толковин*, мы все-таки считаем названия «черный клобук» и «колбяги» за совершенно независимые, самостоятельные: первый термин дан был союзным тюркам на основании внешних признаков, а второй характеризовал их отношения к Руси.

3

Предполагалось приложить к нашей работе и главу о положении половцев в Венгрии, но так как она оказалась гораздо объемистее, чем полагается для дополнений, то мы желаем только сказать несколько слов по поводу известий Анонима. Эти известия его, касающиеся движения венгров с их прародины в Паннонию якобы через Киев и Галицию, общеизвестны. Приводить их мы не будем.

Уже одни анахронизмы в рассказе Анонима ясно указывают на отсутствие всякой исторической достоверности в сообщаемых им фактах. Если мы даже допустим, что города Суздаль и Владимир Волынский существовали в IX в., то и это не придаст вероятности сообщениям нашего писателя: ни суздальского, ни волынского княжеств в это время еще не существовало. Венгры двигались по южной полосе степей. Об этом говорят известия такого вполне достоверного писателя, как Константин Багрянородный. Половцы также не могли соединиться с венграми на территории России в IX в., ибо в то время они еще не выделились из той массы тюркского племени, которое кочевало в степях Центральной Азии. Мы знаем уже, что половцы явились в Европу лишь в XI столетии[793], а первый набег их на границы Венгрии можно отнести лишь в 1070 г.[794]

Первое поселение половцев в венгер. королевстве, насколько нам известно, произошло в 1091 г., причем оно не было свободным. В этом году Ладислав разбил их отряд под начальством Копульха и пленных поселил в Венгрии[795]. Не признавая никакой достоверности в рассказе Анонима о движении венгров через Русь, мы должны несколько иначе отнестись ко второй половине его известий, содержащей распределение половцев по разным местностям Паннонии. Эту часть мы приведем. Семь куманских вождей, явившиеся в Венгрию, по уверению Анонима, еще при Альмусе, сильно способствовали будто бы

венгерским завоеваниям. За свои блестящие подвиги они получили земли в разных местностях. Так Арпад отдал Ретелю, между прочим, землю при впадении Вага в Дунай, где сын Ретеля, Oluptulma, построил город Comarun (Коморн)[796]. Бунгер получил землю от реки Topuleca (Тепла) до реки Souyou (Сайо), которая называется Miscoucy (Мискольц). Сын его построил укрепление Borsod и образовал Борзодский комитат[797]. Ete был награжден землями у Тиссы, где построил укрепление Черный-град (Nigrum-Castrum) [798]. Ousad и Oursuur покорили себе земли от реки Тиссы до гор Матры. Boyta получил владения у реки Дуная[799].

Кроме этих вождей поземельной собственностью были награждены и простые куманские воины. Турзул получил участок при впадении реки Бодрога в Тиссу, а Губот на берегу последней[800]. Так размещает Аноним половцев на венгерской территории. Он точно указывает на пребывание их в Борсодском комитате. Вообще границы занятых куманами земель можно очертить таким образом. Они шли берегами рек Бодрога, Тиссы, от нее к горам Матры и реке Дунаю до впадения в него реки Вага, причем половецкими поселениями заняты были берега рек Бодрога, Сайо, Грана и Вага с Нитрой. В этом районе между прочими известны такие комитаты: Бодрогский, Борсодский, Гевешский или Атрийский[801], Бачский, Гранский или Стригонский[802] и Нитрский[803]. Этот район земель, отданных половцам, был гораздо обширнее, как это можно видеть из оставшихся документов.

Эти источники подтверждают данные Анонима относительно местностей, занятых половцами. Так по конституции Ладислава-Половца 1279 г. наблюдение над ними поручается пяти духовным сановникам, в числе которых мы находим *епископов Агрийского* и Бачского[804], что ясно указывает на пребывание наших кочевников в этих комитатах. О поселениях их в *Нитрском комитате* свидетельствуют две грамоты Белы IV, относящиеся к 1264 г. В одной из них совершается передача монастырю Св. Евстафия земель, принадлежавших прежде половцам. Отдается ему и мельница *на реке Нитре*[805]. Другая дана какому-то графу (Comes Ivanca) на землю половца Кохли, умершего бездетным. Они находились *в Нитрском комитате*[806]. Что касается комитата Гранского или Стригонского, то можно указать на

документы, свидетельствующие о пребывании в нем половцев. Это — *послания пап к архиепископу Стригонскому*. Первое из них относится к 1227 г. и поручает ему заботу распространения христианства *среди куман*[807].

То же самое мы находим в послании 1230 г. к тому же архиепископу[808], и 1234 г. к епископу половцев, в котором архиепископ Стригонский назван даже «*in provincia Cumanorum Apostolice Sedis legatus*»[809]. При Беле IV половцы начинают играть важную роль при дворе. Венгерская аристократия открывает с ними борьбу и привлекает на свою сторону папу. От этого времени сохранилось послание папы Урбана к архиепископам *Стригона* и *Колочи*, которым предписывается принять меры к защите христиан от насилия половцев, заставить их соблюдать правила христианской религии, и дозволяется даже проповедовать против них крестовый поход. Этот интересный документ относится к 1264 г.[810] Наконец, уцелела грамота *епископа половцев* по поводу спора между членами капитула и гражданами *Стригона*, что ясно указывает на место, где было это епископство[811]. Не менее важный документ представляет грамота капитула *Агрийской церкви*, которой подтверждается мена земель между несколькими половцами и венграми. Собственность первых находилась в Борсодском комитате[812]. Итак, известия Анонима, *имеющие топографическое значение*, как указывающие места половецких поселений в Венгрии, *подтверждаются приведенными нами документами*. Дело только в том, что они не имеют значения в хронологическом отношении, т.е. факт поселения половцев в Венгрии не может быть отнесен ко времени Альмуса и Арпада, а совершился позже и притом постепенно. После поселения половцев в 1091 г. переселения куман происходили не раз. Так Стефан II, оказывавший сильное расположение к половцам, поселил часть их с князем Татаром между Тиссой и Дунаем[813]. Есть известие о переходе половцев в Венгрию в 1228 г., после битвы на Калке[814]. Наконец, при Беле IV, в 1241 г., явился Котян с массой половецкого народа[815]. Вот все более крупные переселения половцев на венгерскую территорию.

Что же заставило нашего писателя отдалить эпоху половецких переселений до времен Альмуса и Арпада? Нет сомнения, что автор

Historiae ducum Hungariae был нотарием венгерского короля Белы IV[816]. Мы говорили, что половцы по переселении своем в Венгрию быстро завоевали себе видное положение при дворе. Венгерская знать борется с ними. Уже Андрей II в своей конституции 1222 г. должен был обещать, что иностранцы не будут допускаемы к занятию должностей без разрешения совета государства[817]. При Беле IV половцы окончательно оттесняют венгерских вельмож от двора. Бароны ропщут, что их не допускают к королю, принуждают говорить через докладчика, между тем как самый последний половец входит к королю, лишь только заявляет желание его видеть; что король отдает предпочтение половцам в заседаниях и советах[818].

Не нужно также упускать из виду, что в 60-х годах XIII столетия король Бела IV должен был бороться с восстанием своего сына, Стефана V. Из дошедших документов видно, что бароны Венгрии были едва ли не главной пружиной в этой междоусобной войне. Всплыли те обвинения на короля, о которых говорит Рогерий[819]. И вот нотарий короля Белы IV, ближайший преданный ему человек, решается оправдать своего господина и пишет свое сочинение «*Historia ducum Hungariae*». Все, что делалось первыми королями, чтилось венграми. И вот автор для санкции положения половцев в Венгрии заставляет их прийти туда еще при Альмусе и оказывать услуги распространению венгерского владычества при Арпаде. Половецкие князья, по словам Анонима, покоряют целые области, строят укрепления. В награду за свои подвиги получают земли в различных вновь покоренных областях. Следовательно, ничего не было предосудительного в том, что Бела IV раздавал земли половцам, если Арпад, этот венгерский герой, делал то же самое. Нельзя обвинять короля за то, что он раздает должности половцам; ведь и Арпад сделал начальником над своими стрелками некоего кумана, мужа весьма умного, который назывался Сеполем[820]; нет основания нападать на Белу IV за то, что он женил наследника престола, Стефана V, на половчанке, потому что один из первых уважаемых королей, Сульта (Zulta), выбрал для своего сына, Токсуна, жену из земли половецкой[821]. Вот что хотел сказать нотарий короля Белы IV и для этого-то внес хронологическую путаницу в факты.

Предложим теперь объяснение тому факту, как образовалось предание о прохождении венгров через Русь — Киев и Галицию во время пути из прародины. Мы не беремся утверждать, что это предание существовало как готовое целое раньше появления хроники нотария, но, несомненно, были обстоятельства, из которых можно было вывести заключение о проходе венгров через Суздаль, которые и легли в основание рассказа Анонима.

В 1215 г. было основано братство доминиканцев или проповедников, а семью годами раньше орден миноритов или францисканцев. С большим рвением они ведут дело проповеди на востоке Европы, хотя нельзя сказать, чтобы особенно удачно. Они исключительно на себя берут миссию распространения христианства у кочевников, изучают половецкий и уйгурский языки, служат переводчиками[822]. Благодаря своему обращению в наших степях они открыли место прародины венгерского народа и решили пробраться в эту неведомую Западной Европе страну. Во время нашествия татар они извещают западноевропейцев о нравах и военной тактике нового врага и передают их завоевательные плоды. Сведения, полученные от них, передаются далее[823]. Если венгры знали прекрасно Галичь, если им был известен Киев, то своим знакомством с Суздалем и восточными окраинами нынешней России они обязаны братьям-проповедникам. Первое путешествие их в Великую Венгрию относится к 1237 г. В этот раз они держались южного направления: через Балканский полуостров, Черное море, Тамань, Аланию, Булгарию, но на обратном пути принуждены были избрать северный путь через землю мордвы[824]. Но это было не последнее предприятие братьев-проповедников. В другой раз они двигались уже по северному направлению, дошли до Борусии (Bruscia, Парусье), намереваясь, как видно, пройти через Суздаль. Однако далее они не пошли, узнав, что все к востоку уже покорено татарами. Насколько можно судить, этим и закончились их предприятия в отношении Великой Венгрии. В одном из вариантов донесения братьев-проповедников есть указание, что между первым и указанным только что последним путешествием было предпринято еще одно, причем, несомненно, уже путь лежал через Суздаль, землю мордвы, к Волге. Когда миссионеры пришли в Суздаль, то тут встретили несколько венгров, спасавшихся

Герб владимиро-суздальских князей. XI—XIII вв.

от татар. Они их крестили. Суздальский князь запретил им проповедовать в своей области и приказал вернуться назад. Но проповедники отказались и послали часть своих в землю мордвы, чтобы пробраться в Великую Венгрию. Мордвины их перебили[825].

Как бы то ни было, но путь в Великую Венгрию был найден. Миссионеры открыли его. Он шел через Суздаль. Все донесения братьев-проповедников быстро передавались из рук в руки[826]. Венгры узнали о существовании Суздаля, о том, что через него идет путь в Великую Венгрию. Отсюда почерпнул, без всякого сомнения, свои сведения об этом отдаленном крае и Аноним; благодаря этим-то известиям братьев-проповедников ему пришла мысль, неверная в наше время, но вполне естественная для писателя XIII в., мысль о переселении венгров в Паннонию через Суздаль. Повторяем, до реляций этих смелых миссионеров нет известий о Суздале в западноевропейских источниках.

Что касается рассказа Анонима о проходе венгров через Владимир Волынский и Галичь, то в нем мы видим тенденциозную подкладку. Анониму просто нужно было оправдать притязания венгров на Галичь и Владимиро-Волынскую область. В грамотах венгерские короли, начиная с 1094 г., постоянно титулуются: «rex Galiciae et Lodomeriae». При предшественнике Белы IV, Андрее II, венгры принимают деятельное участие в борьбе за галицкий стол, которая для Игоревичей кончилась трагической развязкой — повешением. Припомним письма Андрея к Папе в 1214 и 1215 гг., в которых заключается просьба о присылке короны для Коломана и помазании его королем Галиции[827]. Немудрено поэтому, что Анониму хотелось убедить всех, что еще при Альмусе русский князь обязался ежегодной данью. В этом нотарий короля Белы IV вполне напоминает польского историка Длугоша.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Списки населенных мест губерний: Екатеринославской: стр. VII; Херсонской — стр. IV—V; Земли Войска Донского — стр. VI.

[2] Брун. Черноморье, ч. I, стр. 34.

[3] См. Семенова. Отечествоведение, т. VII, глава II, стр. 11—18. Майкова. Рецензия на книгу Барсова «Очерки рус. историч. географии», помещенная в Ж.М.Н.П. 1874 г. № 8, стр. 259 и д. Известия о занятиях IV Археологич. Съезда в Казани. — Реферат господина Майкова.

[4] К югу от этой черты простираются черноземные пространства. Основываясь на теории Рупрехта, господин Майков отрицает возможность произрастания лесов на черноземной почве и потому делает вывод, что в Южной России их никогда не было (Ж.М.Н.П. 1874 г. № 8).

[5] Чтения Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. 1861 г. кн. IV. Шеппинг. Опыт первоначальной истории земледелия.

[6] Григорьев. Россия и Азия. СПб. 1876 г. Стр. 332—333.

[7] Временник Имп. Общ. Ист. и Древ. Москва. 1855 г. к. 22. Беляев. Несколько слов о земледелии в древ. России. Стр. 44—45.

[8] Лавр. лет. Стр. 127.

[9] «Cette contree, avant l'invasion dee Tartares, etait parfaitemeut culti vee, et elle offre encore aujourd'hui des restes de sa ferlilite primitive. On y voit des arbres qui portent differentes especes de fruits... Ces arbres qui subsistent aujourd'hui sont les debris des plantations faites par les anciens habitants, qui s'occupaient de l'agriculture d'une

maniere speciale. Malgre le nombre immense qui a ete detruit, il en reste encore beaucoup dans les montagnes et loin des villes».

Notices et extraits des manuserits, v. XII. Notice de l'ouvrage qui a poure titre: «Mesalek Alabsar fi Memalek Alamsar» = Vogages des yeux dans les royaumes des differentes contrees. Ed. par. M. Quatremere, p. 268—269.

10 Stritter. Memoriae Populorum, v. III, p. 823.

[11] Ж. М. Н. П. 1878 г. № 1. Васильевский. Русско-Византийские отрывки.

[12] Списки населенных мест. Бессарабская Область. Сиб. 1861 г. Стр. XI.

[13] Ibidem. Херсонская губерния. СПб. 1868 г. Стр. XVIII и XIX. Не здесь ли находился Черный лес, упоминаемый в описании реки Днепра, приложенном к сочинению «О казаках запорожских» (Чтения Имп. Общ. Ист. и Др. Российских. 1847 г. № 6, стр. 35). Точно так же Черный лес помещается на правой стороне Днепра на карте, составленной по чертежу царевича Феодора Борисовича. Эта карта приложена ко II тому Сказаний современников о Дмитрии Самозванце. СПб. 1859 г.

[14] «...и поидоша на ловы по Днепрю в лодьях, и на устье Тесмени, и ту ловы деяша и обловишася множеством зверей...» Ипат. лет. под 1190 г. Стр. 449.

[15] Брун. Черноморье. Одесса. 1880 г. Ч. II, стр. 11 и 13.

[16] Ibidem. Стр. 10—11.

[17] Брун. Черноморье. Ч. II, стр. 80.

[18] Библиотека иностранных писателей о России. СПб. 1836 г. Иждивением Каллистратова, трудами Семенова. Отд. I, т. I, стр. 29. Ср. Майков. Ж.М.Н.П. 1874 г. к 8, стр. 275.

[19] Списки населенных мест. Полтавская губерния. СПб. 1862 г. Стр. IX—XV.

Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. 1856 г. к. XI. Н. Маркевич. Реки Полтавской Губернии. Стр. 353, 364, 375—376, 387, 400, 409, 425, 429, 430.

[20] В грамоте 1649 г. Недригайловскому попу соборному: «...и лес хоромный и дровяной по реке по Суле и по Терну и по яругам и

в Кореневском, и в Козельском и в Гриневском лесах». (Историко-Статист. Описание Харьковской епархии. Москва, 1852 г. Ч. III, стр. 557).

Межевая опись 1657 г. (Ibidem, стр. 335—338 и стр. 391.

[21] Ibidem, ч. III, стр. 336—367 и ч. I, 163 и 170.

[22] Ibidem, ч. III, стр. 118, 107 и 94.

[23] Ibidem, ч. III, стр. 231 и ч. I, стр. 207: Царская грамота Лавре 1703 г.: «Покровский (Сенянский) монастырь с принадлежащими к тому монастырю землями и *лесами*, и мельницами и рыбными ловлями и со всеми угодьи приписать к той Киево-Печерской Лавре...»

[24] Ibidem, ч. II. Стр. 278.

[25] Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. СПб. 1852 г. к. VI, стр. 60. Беляев. О географич. сведениях в Древней Руси.

[26] Воскр. лет. Ч. I, стр. 177.

[27] Списки населенных мест. Воронежская губерния. СПб. 1865 г. Стр. VIII.

[28] Ibidem, стр. IX.

[29] Списки населенных мест. Саратовская Губерния. СПб. 1862 г. Стр. VI, IX, XVIII.

[30] Земля Донского Войска. СПб. 1864 г. Стр. IX.

[31] Курская Губерния. СПб. 1868 г. Стр. IX.

[32] Книга, глаголемая Большой Чертеж. Москва («Книга Большому Чертежу». — *Примеч. ред.*). 1846 г. Стр. 87: «А река Семь вытекла из Пузацкого лесу, из-под Муравской дороги, от верху реки Оскола и от верху Оскольца; а промеж их верховьев через Пузацкой лес лежит дорога из Крыму в Русь, Муравской шлях мимо Ливны». Ср. стр. 11 и 34.

[33] Ibidem, стр. 24, 12, 22, 29, 34, 87.

[34] Курская Губерния. Стр. VII.

[35] Книга, глаголемая Большой Чертеж. Стр. 28—29 и 14.

[36] Из описания Салтова 1674 г.: «город Салтов построен на Салтовском городище, обставлен дубовым лесом». (Ист.-статистич. Описание Харьков. епархии, ч. IV, стр. 283).

[37] Ibidem, ч. IV, стр. 1—2 и ч. I, стр. 228.

[38] Ibidem, ч. IV, стр. 153.

[39] Ibidem, ч. IV, стр. 193—194 и ч. I стр. 197: Змиевскому Николаевскому монастырю принадлежала слободка Гомольша, на реке того же имени, имевшая строевого и дровяного леса до 5,987 десятин, в отрубе от 10 до 11 вершков, а вышины от 8 до 10 сажень. Ч. V, стр. 104.

[40] Ibidem, ч. I, стр. 108 и 138.

[41] Ibidem, ч. V, стр. 299, 323, 327.

[42] Ibidem, ч, II, стр. 111—112, примеч. 1.

[43] Ibidem, ч. I, стр. 53 и 81.

[44] Ibidem, ч. I, стр. 192.

[45] Ibidem, ч. II, стр. 295—296.

[46] Книга, глаголемая Большой Чертеж, стр. 17.

[47] Ibidem, стр. 17: «а меж Можа и Коломака на Муравской дороге рву версты с три... А по странам того рва обойти нельзя: пришли *леса* и болота».

[48] Списки населенных мест. Екатеринославская Губерния. СПб. 1863 г. Стр. XIII.

[49] Книга, глаголемая Большой Чертеж, стр. 18 и 97.

[50] Description d'Ukranie, par Beauplan. Rouen. 1660 a., p. 17: cette riviere de Samar est fort considerable avec ses environs, non seulement pour l'abondance du poisson, mais aussi pour la cire, miel, la venaison, et *les bois a bastir*, dont elle est plus riche, qu'aucune»... «les cosaques l'appellent la riviere sainte, peut estre a cause de son heureuse abondance».

[51] Записки Одес. Общ. Ист. и Др. 1848 г. т. I, стр. 573, 574. То же самое говорит стряпчий Иван Коломнин, посланный для осмотра берегов Самары. (Летопись занятий Археогр. Комиссии, 1861 г. в. I).

[52] Ипат. лет. Стр. 369: «Идоша князи 9 дней ис Киева. И взяша веже их на Угле реце, а другые по Снопороду, а самех постигоша в Чернего, леса... Басшии же и инии мнози гониша по них и за Въскол бьюче и». Очевидно, здесь, придерживаясь направления с Орели к Осколу, мы должны признать за Самару Снопород, а Черный лес поместить между ее верховьями, Донцом и Осколом.

Снопород Самарой считал еще Щекатов (Словарь Географ. Р. Г. Москва. 1807 г. Ч. 5, стр. 1061).

[53] Летопись еще упоминает о Голубом лесе: «и доидоша до Снепорода и ту изъимаша сторожы половецкие и поведаша вежи и стада половецкая у Голубого леса». (Ипат. лет. Стр. 440). Это — единственное показание, и из него извлечь ничего нельзя.

[54] Цитата у Бруна: Черноморье. Ч. II, стр. 81.

[55] Лавр. лет. СПб. 1872 г. Стр. 119.

[56] Monumenta Poloniae Historica. Widał August Bielowsky. Lwow, 1864 г. v. I, стр. 225: «duxit me (Bladimirus) usque ad regni sui terminum ultimum, quem propter vagum hostem firmissima et longissima sepe undique circumclausit».

[57] «Роспись, что по осмотру стряпчаго Ивана Коломнина»... Он говорит, что по берегам Самары много лесов, болот и озер; что эти леса, озера и болота могли служить удобным местом для передовых укреплений. От Лучанского урочища до Гришина брода «в луговых местах крепости болотные». По реке Гнездище «крепости от неприятельского приходу надежны, потому что приходили болота и великие камыши» (Летопись занятий Археогр. комиссии, 1861 г. вып. I).

[58] Ипат. лет. Стр. 369.

[59] Ламанский. Славяне в Малой Азии. СПб. 1859 г. Стр. 76—77.

[60] Iordanis. De Getarnm sive Gothorum origine et rebus gestis. Ed. Carolos Gloss. Stuttgariae. 1861 г. Heft I, f. 22—26, 28.

[61] Макушев. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб. 1861 г.

[62] Procopii. De bello gottico, lib. IV, c. IV; Ср. Васильевский. Рус. — Виз. Отрывки — Ж.М.Н.П. 1877 г. № 6; Ламанский. О славянах. Стр. 76—77; Брун. Черноморские готы — Зап. Им. Ак. Н. 1874 г. т. 24, к. I, стр. 15.

[63] Учен. З А.Н. по II отд. т. XII. Сказание Приска Панийского. Дестуниса.

[64] Ж.М.Н.П. 1882 г. Ч. 222. Июнь. Васильевский. Рецензия на «Введение в Рус. Историю» Иловайского.

[65] О гуннах и аварах см. Nouvelles Annales dee voyages, v. II, 1850 a. и 1848 a. v. IV. Etudes ethnographiques et historiques sur les peuples nomades qui se sont succedes au nord du Caucase, par M. Vivien — de Saint-Martin. Revue de deux mondes. 1854 a. Novembre. «Fils et usucesseurs d'Attila», par Thierry.

[66] Strategicum Mauricü. Upsaliae. Ed. Sehefferus. MDCLXIV a. in 8° 1. XI, c. V. Ср. Ламанский. Славяне в Малой Азии. Стр. 129.

[67] Ibidem.

[68] Corpus Script. Historiae Byzantinae. Constantinus Porphyrogenitus. v. III, p. 164.

[69] Ibidem, 168—170.

[70] Гаркави. Сказания мусульманских писателей. Стр. 140.

[71] Гаркави, стр. 37 и 75. D'Ohsson. Les peuples du Caucase. Paris. 1828 a. 8° p. 64—65.

[72] Сказания мусульманских писателей. Стр. 127—128.

[73] Ibidem, стр. 49; Journal asiatique. 1865 a. v. 5, serie VI. «Le livre des routes et des provinces par Ibn-Khordadbeh, publie par Barbier — de-Meynard, p. 514.

[74] D'Ohsson. Les peuples du Caucase. P. 65, 66, 67 и 212.

[75] Сказания мусульманских писателей, стр. 35.

[76] Ibidem, стр. 72.

[77] Сказания мусульманских писателей, стр. 120; Rambeau. L'empire grec au dixieme siecle. Paris. 1870 a. P. 495.

[78] Frahn. Ibn-Faszland's und anderer araber Berichte. СПб. 1823. Стр. IX—X. Ср. Макушев. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб. 1861 г.

[79] Reinaud. Geographie d'Aboulfeda. Paris. 1848 a. v. I p. LXV.

[80] Сказания мусульманских писателей. Стр. 128.

[81] Об этом походе см. замечательную статью господина Григорьева: «О древних походах руссов на восток», в его сборнике «Россия и Азия», СПб. 1875 г. Здесь автор приходит к заключению о полной достоверности известий Массуди. «Описывая вторжение руссов, — говорит господин Григорьев, — Массуди не был водим ни ревностью в религии, ни любовью к отечеству; не имел в виду ни увеличить славы мусульман, ни воспеть своего героя, как Низами»

(стр. 17—18). Все это еще в большей степени должно относиться к разбираемому нами известию.

[82] Сказания мусульман, писателей. Стр. 117. Ср. Макушев. «Сказания иностранцев о быте и нравах славян».

[83] Journal asiatique. 1865 a. v. I, s. VI.

[84] Сказания мусульманских писателей. Стр. 127.

[85] «В се лето прийдоша Беловежцы, си есть Козаре, в Русь». (Цитата из Густын. летописи у Д. Багалея «История Северской земли до половины XIV столетия. Киев. 1882 г. Стр. 22»).

[86] Ипат. лет. Стр. 4.

[87] Город Хорол, Лтава, Голтов, Донец.

[88] Очерки Рус. Истор. Географии. Н. П. Барсова. Варшава. 1873 г. Стр. 131—132.

[89] Вестник Имп. Рус. Геогр. 1854 г. т. X, к. II. Срезневский. Следы древнего знакомства с южной Азией. Также Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. 1852 г. к. VI. Беляев. О географич. сведениях в древ. Руси.

[90] Лавр. лет. Изд. Археогр. Комиссии. СПб. 1872 г. Стр. 13—15.

[91] См. И.С. Савельева. Мухамеданская нумизматика. СПб. M. DCCCXL. VI. Также Григорьева. О куфических монетах в сборнике «Россия и Азия».

[92] Тебриз — город в Азербайджане, области, находившейся на юго-вост. берегу Каспийского моря. (См. карту Азии начала XIII в. при сочинении Histoire des Mongols. Par D'Ohsbon. La Haye et Amsterdam. 1834 a. v. I).

[93] З. А. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II. Куник. Выписки из Ибн-эль-Атира. Стр. 668.

[94] Ibidem. Стр. 660.

[95] Ibidem. Стр. 662.

[96] Куник. Ibidem.

[97] Брун. Черноморье. Одесса. 1880 г. Ч. II. Стр. 310.

[98] Rambeau. L'ampire grec. P. 339. D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 36.

[99] Journal asiatique. 4865 a. v. V, s. VI. Le livre des routes d'ibn? Khordadbeh tr. par. B. de-Meynard. P. 512—514.

[100] D'Ohsson. Les peuples du Caucase. P. 79.

[101] «Le commerce se fait principalement dans la ville de Courcandje, que nous autres autres appelons Djourdjanieje. De cette capital du Khorazm... porteut souvent les caravanes pour la Khozarie, la Maveraun-Nehr et la Djourdjan. Elle est l'entrepôt des marchandises du nord, qui consisteut surtout en peaux de renard, zibeline, castor et autres pelleteries, et en esclaves khozares, sclabes et turcs (Ибн-Гаукаль). Ibidem, p. 147.

[102] Journal asiatique 1865 a. v. V, s. VI. Le livre des routes, p. 514. Город Джорджан дал свое имя Каспийскому морю, которое у арабов называлось Джарджанским (Ibidem, p. 524).

[103] D'Ohsson. Lee peuples du Caucase. P. 80.

[104] D'Ohsson. Lee peuples du Caucase. 203.

[105] Ibidem, p. 36.

[106] Journal asiatique. 1865 a. v. V, s. VI. Le livre des routes.

[107] D'Ohsson. Les peuples du Caucase. P. 47.

[108] D'Ohsson. Les peuples du Caucase. P. 49, s. 7, 60, 67.

[109] Nouvelles annales des voyages. 1851 a. vs. II et III «sur les Khazars» pas Vivien — de-S. Martin.

[110] Rambeau. L'empire grec au dixieme siecle. P. 495.

[111] Ламанский. Славяне в Малой Азии, в Африке и Испании. СПб. 1869 г. Иловайский. Розыскание о начале Руси. Москва. 1882 г. и История России. Москва. 1880 г. Барсов. Очерки Рус. Истор. Географии. Варшава. 1873 г. Багалей. История Северской Земли до половины XIVстолетия. Киев. 1882 года.

[112] Вестник Имп. Рус. Геогр. Общ. 1854 г. т. X, к. II. Срезневский. Следы древ. знакомства русских с средней Азией.

[113] Ипат. лет. Стр. 7.

[114] Софийский Времянник. Москва. 1820 г. Ч. I, стр. 7. Никонов. лет. СПб. 1767 г. Ч. 1, стр. 9. Воскр. лет. (П.С.Р.Л. СПб.1856 г. Т. VII, стр. 265). Лавр. лет. СПб. 1872 г. Стр. 12.

[115] Брун. Черноморские готы. (З А.Н. 1874 г. т. 24, кн. I). Надеждин. О местонахождении др. города Пересечня. (З. Одес. Об. Ист. и Др. 1844 г. т. I). Ламбин. Славяне на северном Черноморье, (Ж.М.Н.П. 1877 г. №№ 5 и 6). Брун. Черноморье, ч. I, стр. 101, 168.

Затем этого вопроса касались Карамзин, Соловьев, Иловайский, Голубинский.

[116] Соловьев. История России. Москва. 1874 г. т. I, стр. 66. Срезневский. Чтения о др. Рус. Летописях, стр. 24. Лавровский. Исследование о летописи Якимовской (Уч. З А.Н. 1856 г. кн. II, в. I). Брун в приведенных выше статьях. Шафарик. Славянские племена в нынешней России (Рус. Ист. Сборник. 1837 г. к. I).

[117] Corpus Script, Inst. byzant. Const. Porphyrog. Bonnac. MDCCCXL. v. III, p. 75.

[118] Ипат. лет. Стр. 28.

[119] Д. П. Европеус. Об Угорском народе. СПб. 1874 г. По-остяцки pitŝ — сосна, pits — сосна, pitŝeɳ (ng) — сосновый; jax, по-остяцки, — человек. (Стр. 4).

[120] См. хронику Титмара в Monum. Pol. hist. v. I, p. 317 и 292; письмо Брунона к Генриху II, там же, p. 224. Что Титмар мог слышать о печенегах от Брунона — возможно, по близости отношений этих двух лиц. Титмар называет Брунона «conscolastius meus» (там же p. 293). Они могли быть в переписке. Некоторые другие варианты см. у Баера «Geographia Russiae vicinarumque regionum... ex Constantimo Porphyrogenneta» в Commentarii Ak. Scienc. Jmper. Petropol. v. IX, 1734 a. P. 402.

[121] Галл был очень начитанный писатель. См. предисловие к его хронике в Monum. Pol. hist. v. I, p. 383.

[122] P. Hunfalwy. Die Ungern. Wien und Teschen. 1881. f. 80.

[123] Грамота Стефана Св. 1019 г.; одного венгер. епископа иобагионам 1299 г.; Белы IV. 1238 г. (Fejer. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis. Budae. 1829—1844 a. v. II, p. 2, v. VI, p. 2, v. I, p. 1).

[124] Записки Ак. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II. Куник. О торкских печенегах и половцах по венгер. источникам. Стр. 734.

[125] Грамота Белы III 1190 г. (Fejer).

[126] Fragments des géographes et d'historiens arabes et persans inedits. Defremery. Paris, 1849 a. P 15.

[127] Гаркави. Сказания мусульман. писателей. Стр. 275.

[128] См. Гаркави и Defremery p. 8 и 14, примеч. I.

[129] См. Ипатьев. лет. под 915, 972, 1116 гг., стр. 26, 48, 204. Constantinus Porphyrogenitus, p. 105—106; Γεωργίου τοῦ Κεδρήνου Σύνοψις ἱστοριῶν. Bonnae. 1839 a. v. II, p. 129—130, 581—582; Οἱ μετά Θεοφανην. Bonnae. 1838 a. P. 122.

[130] Corpus Script. hist. byzant. Bonnae, 1840 a. Constantinus Porphyrogenitus v. III, p. 164.

[131] Успенский. Образование второго Болгарского царства. Одесса. 1879 г., стр. 108.

[132] Νιχήτου Χονιάτου Ἱστορία. Bonnae. 1835 a. P. 691—692. Воскрес. лет. Стр. 107—108, ч. I (П. С. Р. Л. Ч. VII). Господин Успенский предполагает, что поход произошел в 1200 г. (Стр. 200). В Essai de Chronographie byzantine, par Edouard de Muralt. S. Pb. 1871 a., стр. 261—262, v. II это событие помещено под 1201 г. Воскрес. и Лавр. летописи ставят его под 1202 г.; Никонов, лет. под 1201 г. полагает поход на половцев, а разграбление Киева относит к 1202 г., что вполне верно. Первые две летописи сделали ошибку. Эти события должны были совершиться в два различные года. Летопись Воскрес., поставив известие о разграблении Киева 2-го генваря, тотчас после сообщения о походе на половцев, этим самым показывает, что последний факт совершился в декабре или раньше. Так как поход произошел в первые десять месяцев мартовского года (март—декабрь), то, по способу господина Куника (Уч. Зап. Ак. Н. по I и III отд. т. II, 1854 г. О признании 1223 г. временем битвы на Калке), получаем 6710 – 5508 = 1202 г. — год похода. Так как разграбление Киева совершилось 2-го генваря, т.е. в два последние месяца мартовского года, то, по тому же способу, 6710 – 5507 = 1203 г., — время киевского погрома. Лавр. лет. и отнесла его к 1203 г. Но известно, что Воскрес. и Лавр. лет. идут годом вперед. (Погодин. Исслед. замеч. и лекции о рус. истории. Москва. 1850 г. т. VI, стр. 126). Следовательно приходится брать не 6710 г., а 6709 г. Тогда путем такого же вычисления находим 6709 – 5508 = 1201 г. — время похода на половцев; 7709 – 5507 = 1202 г. — год взятия Киева Рюриком. Таким образом поход на половцев не может быть отнесен ни к 1200 г., ни к 1202 г., а к 1201 г., что вполне согласно с датой

господина Мюральта относительно времени похода, но время разграбления Киева у него не верно датировано 1201 г.

[133] Fejer. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis. Budae. 1829—1844 a. v. IV, p. 2, p. 264.

[134] Ibidem, p. 268.

[135] Notices et extraits des manuscrits. v. XIII, p. 267—268.

[136] Записки Ак. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II. Куник. Выписки из Ибн-эль-Атира. Стр. 569. Histoire genealogique des Tatars. D'Abulgasi-Bayadur-Chan. A Leyde. 1726 a. Trad. par. D. P. 309—315.

[137] Ипат. лет. Стр. 495.

[138] Господин Доссон производит имя «кумане» от реки Кубани, где жили половцы. «В различных диалектах турецкого языка *м* и *б* безразлично заменяют друг друга. Могли говорить вначале: les Turcs de Couman, как теперь говорят: les Tartares de Couban. (D'Ohsson. Histoire des Mongols. Hay et Amsterdam. 1834 v. I, p. 338). Мы, не имея никакого намерения оспаривать мнения господина Доссона, дозволяем себе сказать о нем несколько слов. Переход буквы *м* в *б* мы видим еще на одном примере. Один половецкий хан известен у византийцев под именем Маниака (Анна Комнина. Stritter. Memoriae populorum. v. III, p. 899—913). В наших древних летописях он упоминается по преимуществу под именем Боняка, хотя несомненно были когда-то списки, где то же лицо называлось Маниаком (Ioannis Dlugossi. Historiae polonicae libri XII. Lipsiae. MDCCXI, lib. IV, c. 319). В хронике Туроца этот князь, кажется, скрывается под именем Monoch (Scriptores rer. hung. Ed. Sehwandtneri. Vindobonae. 1746 a. v. I, p. 135—136). На тождественность лиц Маниака и Боняка указывал и господин Васильевский (Византия и печенеги. Ж.М.Н.П. 1872 г. № 12, стр. 279, прим. 2). Возможно, что слово «Кубань» произносилось у некоторых тюркских племен как «Кумань». Но возникает вопрос, почему половцы назвались по этой реке? Ее берега не были исключительно местом их жительства; двигались они точно так же не со стороны Кубани, а с востока, со стороны Волги и Яика, о чем свидетельство мы находим в тюрских преданиях. Думают также, что название *куманы* —

означает степняки, потому, что «кум» на языке татарских народов значит «песок». Не зная совершенно тюркских языков, мы не имеем права пускаться в решение вопроса о происхождении имени «cumani» и просим считать приводимое ниже соображение только как следствие любопытства, как вопрос к языковедам. Рашид-Эддин в одном месте рассказывает, что угузцы (общее имя всех тюркских племен) не были прежде известны под именем туркмен, а турков. Но они заняли страну Маверанагрскую и Иран. Там тип их изменился, и они стали подходить к таджикам, но сохранили и свои черты.

Таджики прозвали их «турк-мен», то есть похожими на турок. Следовательно здесь частица *men* служит для выражения понятия подобия, происхождения. Мы увидим ниже, что в венгерских хрониках половцы назывались *также cuni*, где буква *i*, очевидно, есть латинское окончание, приставка писателя к половецкому слову *cun*, или может быть *kun*. *Kun* в половецком языке значило «день, свет». Возможно ли считать слово *cumani* за исключение в устах иностранцев *kun-men*, что значило «светоподобный»? Кочевники любили называть себя громкими именами.

[139] Fejer. Codex diplomaticus, v. IV, p. 2, p. 268.

[140] Ibidem, v. IV, p. 1, p. 212—213: «Et quamvis dicantur Tartari, multi sunt cum eorum exercitu pessimi Christiani, et *Cumani, quos Theutonice Valwen* appeeamus».

[141] Kronica Xiąnžąnt polskich: «Contigit antem non longe post hoc *Plaucos*, qui *Almanice Balwen (Blawen)* dicuntur innumerabiles convenire...» (Monum. Polonaie hist. v. III, p. 457).

[142] Rocznik krakowski: «Wislicia cede *Plaucorum* sive *Comanorum* dastruitur» (M. P. hist. v. II, p. 832).

[143] Scriptores rerum hungaricarum. Schvandtneri. Vindobonae. 1746 a., v. I, p. 142—138.

[144] Ипат. лет. Стр. 177—178.

[145] Половцев и узов за один народ не признавали: *Баер* (Commentarii Acad. Scienciarum Imp. Petropol. v. IX, ad annum MDCCXXXVII. Geographia Russiae vicinarumque regionun circiter A.C. DCCCCXLVIII. Ex Constantino Parphyrogenneta. P. 385), Тун-

мин (Acta Socoetatis jablonovianae v. IV. De Chunis, Cunis, Hunnis, et Cimanis Slavis. P. 142—143). *Сум* (Чтение в Имп. Общ. Ист. и Древн. т. III; № 8. Об уцах или половцах. Перев. с датского протоиерея С. Сабинина), *Фесслер* (Geschichte von Ungarn. Leipzig. 1867. Lief. I, f. 48), *Хвользон* (Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах — Ибн Даста. СПб. 1869 г. Стр. 46), *Гаркави* (Сказания мусульманских писателей, стр. 144), *Соловьев* (История России с древнейших времен. 1879 г. Москва. Изд. 5-е. т. II, стр. 16), *Гунфальви* (Die Ungern oder Magyaren. Wien und Teschen. 1881. f. 41). Узов отождествляли с торками: *Карамзин* (История государства Российского. СПб. 1833 г. Изд. Смирдина, т. I, примеч. 87, 396 и т. II, примеч. 106)» *Вагилевич* (Пантеон. 1855 г. т. 21, кн. V. О Гуцулах. Стр. 18), *Погодин* (Исследования, замечания и лекции. Москва, 1857 г. т. V. Стр. 136), *Иловайский* (История России. Москва. 1876 г. Ч. I примеч. 42), *Рамбо* (Histoire de la Russie. Paris 1879 a. P. 23), *Брун* (Черноморье. Одесса. 1870 г. Ч. I, стр. 21 и passim).

[146] Corpus Script, his. byz. Constantinus Porphyrogenitus. v. III, p. 161.

[147] Μιχαήλ του Ἀτταλείατον Ἱστορία. Bonnae. 1853 a. P. 300—301. Excerpta ex breviario historico Ioannis Scylitzae Curopalatae, excipientia, ubi Cedrenus desinit. Bonnae. 1839 a. v. II, p. 741. Essai de Chronographie byzantine. Edouard de Muralt. SPb. 1871. v. II, p. 38.

[148] Histoire litteraire des Grecs pandant le moyen age. Trad. de L'anglais par Boulard. Paris. 1822. Васильевский. Византия и печенеги. Ж.М.Н.П. 1872 г. № 11, стр. 142 и примеч. 2.

[149] Stritter. Memoriae populorum. v. III, pp. 862—869, 870—871, 946.

[150] Брун. Черноморье. I, стр. 21.

[151] Constantinus Porphyrogenitus, p. 164.

[152] D'Ohsson. Les peuples du Caucase. P. 117. Frahn. Ibn-Foszland's... P. 60.

[153] Григорьев. О древних походах руссов на восток. Сборник — Россия и Азия. СПб. 1876 г.

[154] Ипат. лет. Стр. 83.

[155] Ипат. лет. Стр. 56. Нет никакого основания видеть здесь поход на болгар дунайских.

[156] Ibidem, стр. 204.

[157] Ibidem.

[158] Ипат. лет. Стр. 26.

[159] Ibidem, стр. 106.

[160] Γεωργίου τοῦ Κεδρήνου Σύνοψις ἱστορίων. Bonnae. 1839 a. v. II, p. 512. Stritter. Memoriae populorum. v. III, p. 814.

[161] Ипат. лет. Стр. 204. Погодин. Исслед. замеч. и лекции. т. V, стр. 182.

[162] Ипат. лет. Стр. 205.

[163] Γεωργίου τοῦ Κεδρήνου Σύνοψις ἱστορίων. Bonnae. 1839 a. v. II, 582—587.

[164] Ипат. лет. Стр. 114 и 115. Об этой дате см. дальше.

[165] См. выше.

[166] Васильевский. Византия и печенеги. Ж. М. Н. П, 1872 г. № 11, стр. 123 и д. и Stritter. Memoriae populorum, v. III, p. 819.

[167] Ипат. лет. Стр. 114.

[168] Ипат. лет. Стр. 114—115.

[169] Ibidem, p. 87.

[170] Ипат. лет. Стр. 143. Позволяем себе привести по поводу «князя Мирмидонов» соображение господина Васильевского. «Никто другой, кроме русского князя, не может разуметься под князем мирмидонов уже потому, что он живет за Дунаем. Венгры у Атталейоты называются сарматами, а имя русских он ни однажды не употребляет, говоря о *русской земле и русских князьях*. Сверх того, к объяснению, почему Атталейота русских называет мирмидонами, быть может, служит то место у Льва Диакона, где он говорит о сходстве погребальных обрядов у воинов Святослава и у древних греков. Эти обычаи ведут свое начало от спутников Ахиллеса. Ахиллес быль скиф родом из Мирмикиона, города на Мэотийском озере (между Керчью и Эникале, по Палласу): светлые волосы, голубые глаза и другие признаки служать доказательством, что Ахиллес был скиф и даже *Тавроскиф*, то есть, русский». Ж.М.Н.П. 1872 г. № 11,

стр. 141, прим. 1. Мы видим, что первая часть этого соображения совпадает с фактами.

[171] Здесь необходимо сказать несколько слов относительно хронологии. По дате византийца, Скилицы, приход узов на Дунай произошел в 6573 г. от С. М. В нашей летописи поражение торков отнесено к 6568 г. В первом случае 6573 – 5508 = 1065 г., а по летописи 6568 – 5508 = 1060 г. Где же, спрашивается, пропадали узы-торки в продолжение 5 лет. Это разногласие источников легко устраняется. Византийцы считали год с сентября (Уч. Зап. Ак. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II. Куник. О признании 1223 г. временем битвы на Калке). Узы, переехавши Дунай, бросились грабить, но на возвратном пути из экскурсии были захвачены зимой. Таким образом, между переправой и наступлением зимы очень короткий срок. Следовательно, они совершили вторжение в осенние месяцы, позже августа. Теперь, поступая по способу господина Куника, находим 6573 – 5509 = 1064. Беря во внимание, что расстановка годов в летописи весьма часто является произвольной, мы имеем право сделать следующее соображение. Под 6568 г. мы находим известие о поражении торков *летом*. Под 6569 г. сообщается, что *2-го февраля* пришли половцы. Так как наш летописец признавал годы *мартовские*, то *лето*, в которое совершился поход на торков, и *февраль*, когда пришли половцы, могли быть в одном и том же мартовском году. Весьма возможно, что летописец разбил на два года события, относящиеся к одному *мартовскому* году. Но следующий 6570 г. оказывается пустым. Нет ничего невероятного, что этот пустой год и есть год упомянутых событий, ибо оставление пустых годов было делом произвола летописца. Если мы примем, что эти события произошли в 6570 г., то по способу господина Куника (см. раньше), находим: 6570 – 5508 = 1062 г. от Р. Х. — время похода на торков; 6570 – 5507 = 1063 г. — время прихода половцев. Если торки потерпели поражение в 1062 г., то они могли еще потом кочевать в степях, пока приход половцев в 1063 г. не заставил их двинуться к пределам Византии, куда они и могли явиться в 1064 г. В.Г. Васильевский признает временем появления узов на Балканском полуострове сентябрь 1064 г. (Ж.М.Н.П. 1872 г., № 11, стр. 138).

[172] Geograplie d'Aboulfeda. Ed. Reinaud. Paris 1847. v. I, pp. XXIII, XXIV.

[173] Принимая за народы еще существующих печенегов, узов, куман, он старается всем им найти место. Коман и кипчаков он как будто признает за два различных народа, очевидно, потому, что новые кочевники южнорусских степей приняли имя кипчаков, существовавшее еще раньше их появления, хотя и опровергает себя сейчас же тем, что рассказывает о поражении кипчаков татарами.

[174] Geographie d'Aboulfeda. v. II, p. 293—294, 297: «Les Gouzes sont etablis entre les Khozars, le pays des Kharlocs et les Bulgares».

[175] Ibidem, p. 294.

[176] Брун. Черноморье. Ч. I, стр. 21.

[177] Defremery. Fragments des geographes et d'historiens. P. 14—15.

[178] Ibidem, p. 26—27 и 32.

[179] «Les Gouzes, Turcs nomades, qui habitent les plaines sabloneuses au nord de la mer Caspienne et du lac de Khorazm, aiosi que les steppes, qui separent cette petite mer de la Transoxane, du Khorassan et de la mer Caspienne. Leur territoire s'etend a l'est susqu'a la ville d'Isbidjab sur le sihoun, et au midi jusqu'au Dihistan, ville frontiere du Djourdjan...» Les peuples du Caucase. D'Ohsson. P. 146. Paris. 1828. См. также карту Азии, XIII в. при Histoire des Mongols. D'Ohsson. Paris. 1834. v. I. Господин Доссон относится к этому сообщению с полным доверием. (Histoire des Mongols, v. I, p. 178, прим.).

[180] «Les Russes sont un peuple de race turque, lequel du cote de l'orient touche aux Gouzes, peuple egalement de race turque». Geographie d'Aboul feda. v. II, p. 296. Тюркское происхождение руссов — общая ошибка арабов.

[181] D'Ohsson. Les peuples du Caucase p. 117. Frahn. Ibn-Foszland's und anderer araber berichte. S.-Pb. 1823 г. Стр. 60.

[182] D'Ohsson. Histoire des Mongols, p. 178, v. I.

[183] О происхождении имени торков см. ниже.

[184] Записки Имп. Археол. Общ. Т. XIV. Березина Выписки из Рашид-Эддина. Стр. 12. Histoire genealogique des Tatars. D'Abulgasi — Bayadur-Chan. A Leyde. 1726. P. 84.

[185] Ibidem Рашид-Эддин. Стр. 18—19.

[186] Abulgasi. P. 45—46: «Ogus-Chan luy (au Kipzak) donna une armee considerable pour aller faire la gueurre aux Urusses, Ulakes, Madsahres et Baschkirs, qui habitaient sur les bords dee rivieres de Tin, d'Atell et de jagik». u p. 47. Defremery. P. 142.

[187] Березин. Записки Ими. Археол. Общ. Т. XIV и Abulgasi p. 79 и 7. По словам последнего, он сам многое заимствовал у Рашид-Эддина, который кончил свою работу в 742 г. хиджры, и писал 372 года спустя после него.

[188] Abulgasi, p. 79: «il est necessaire que fasse compiler un livre des families, de la religion et des costumes des nos Moguls pour le laisser a la posterite». (Слова Газан-хана Рашиду).

[189] Abulgasi, pp. 34—41, 156—160.

[190] Записки Имп. Археол. Общ. Т. XIV.

[191] Abulgasi—Bayadur-Chan. Histoire genealogique des Tatars, pp. 39, 41, 45, 47, 52, 56, 85. Записки Имп. Археол. Общ. т. XIV. Рашид-Эддии. Стр. 2, 3, 7, 12, 18—19, 21—22.

[192] Abulgasi. p. 85—86.

[193] Fejer. Codex diplomaticus, v. IV, p. 2, p. 278.

[194] Языкова. Собрание путешествий к татарам. Плано Карпини. Стр. 19, 25, 27.

[195] Defremery. Fragments des geographes... P. 14.

[196-197] Гаркави. Сказания мусульм. писателей. Стр. 183—6.

[198] Канкли являются в Азии в 1300 г. под именем турок-османов. (Abulgasi—Bayadur-Chan. Histoire genealogique des Tatars, p. 87. D'Ohsson. Histoire des Mongols, v. I, p. 293).

[199] Мы должны сказать здесь несколько слов о торко-венгерской теории. Последователи ее — Арцыбашев с Тунманом (Повествование о России. Москва 1838 г. Ч. I, примеч. 207. Архив Ист.-юридич. сведений. Калачова. 1855 г. кн. II. Самчевский. Торки, берендеи и черные клобуки) и теперь господин Куник (Дорн. Каспий. СПб. 1875 г. Стр. 385—388, прим. I). Первое возражение, какое можно сделать против нее, состоит в том, что наша летопись везде отличает торков от венгров, а многие известия в ней принадлежат перу участников в событиях. Взгляд людей того времени на племенное родство

торков выразился в следующих словах летописи: «Измаиль роди 12 сына, от них же суть торкмени, и печенези, и торци и кумани, рекше половци...» (Ипат. лет. Стр. 163; Лавр. лет. Стр. 226). Нам неважно, что летописец дает этим племенам в родоначальники Измаила, а с кем он роднит наших торков. Он не включает в эту семью венгров. Далее. Сторонники этой теории приводят следующее соображение. Мадьяры называются у Лиутпранда и византийцев Τούρχοι; имя «торки» означает то же самое, следовательно, последние суть остатки первых, т.е. мадьяр. Мы могли бы не возражать на этот довод, раз приведши известие летописи, тем более, что им мы обязаны древнейшим спискам нашей летописи, но не можем не указать на факт, что понятие, выражаемое словом, не тождественно с понятием слова «торки». Для русских людей занимающего нас времени понятие «турки» не было совершенно известно. Вместо этого они имели другое, выражаемое словом торкмене, Таурмене, которое встречается в нескольких местах летописи (Ипат. лет. Стр. 163, Лавр. лет. Стр. 226, 423, 424, 477, 483). Таким образом, если бы русские того времени хотели назвать занимающее нас племя турками, то дали бы им имя «торкмене». Да и правильное название будет не *торки*, а *торци*. Возьмем известие летописи. например: «Того лета (6568)... и поидоша (русские князья) на *торкы*. И се слышивше *торци*, убоявьшеся...» и т. д. (Ипат. лет. Стр. 114—115). Очевидно, здесь *торци* имен. пад., а *торкы* — винит. Неизвестно, почему мы теперь употребляем форму винит. пад., а не имен. Осмеливаемся теперь представить филологам следующее соображение. Принято обыкновенно считать памятью торков имя реки «тор». Но производство слова «*тор*» от «*торци*» или пусть даже от «*торки*», мне кажется, все равно что Roma от Romulus, попросту, оно невозможно. Другое дело, если мы сделаем обратное производство, т.е. слово «*торци*» будем производить от «*тор*». Мы имеем в летописи для винит. пад. и «*торьки*», следовательно, «*торци*» = «*тор* + *ци*», как обыкновенно происходит образование собственных имен от топографических названий. Слово «донцы», очевидно = дон + ци. Имя реки Тор могло существовать издавна. Если летопись не говорит о ней до 1185 г., то она обо всех местностях упоминает только при случае. Мы из Массуди и нашей летописи знаем, что торки жили в области реки

Дона, могли занимать берега и его притоков. Если же первая встреча русских, мирная или враждебная, произошла на берегах реки Тора, то новых своих знакомцев наши предки назвали людьми с реки Тора, торцами. Явилось правильно торци, а в других падежах: торк, торкы. Как бы ни было, но, оставляя нашу гипотезу без внимания, мы все-таки не можем признать венгерской теории, так как ей противоречат ранее приведенные нами факты.

Есть еще теория — печенего-кипчакская. «Кумане и печенеги, по мнению господина Клапрота, образовали один народ, с различием, которое они показали в Европе около 894 г. Это были кипчаки, которых племенное название было Kankly или Kankly...» (Memores relatifs a l'Asie. 1828. v. III, p. 117). Если бы автор остановился на утверждении, что в Азии эти племена составляли некогда один народ, то с этим нельзя было бы не согласиться, но считать канкли племенным именем кипчаков нет никакой возможности. По Рашид-Эддину и Абульгази, которыми, видимо, пользовался господин Клапрот, имена канкли и кипчак — самостоятельно племенные для двух различных народов. Господин Гаммер идет еще далее. При громадной учености автор тем не менее рассказывает, на наш взгляд, ни с чем не сообразные вещи. Πατζιναχίται византийцев, по его мнению, — *кипчаки* восточных писателей (Geschichte der Goldenen Horde. Hammer—Purgstall. Pesth. 1840. f. 5, 7, 18, 23). Узы, *гузы*, огузы, туркоманы, *куманы, половцы*, куны, торк*и*, признаются за один народ (Ibidem f. 18, 20, 24). *Кангар* считается за отдельный народ и отождествляется с *канкли, катитами*. (Ibidem, f. 23). Тут, по нашему мнению, страшная смесь правды с неверностями. Разобраться нет никакой возможности, ибо одно положение вытесняется другим. Опровергать все, сделанное автором, значило бы начинать сначала. Мы просим поэтому обратиться к соображениям, сделанным нами выше.

[200] Ипат. лет. Стр. 163.

[201] Ibidem. Стр. 42.

[202] Νιχήτα Χονιατου ίστορία. Bonnae. 1835 a. P. 19—20 и Sritter. Memoriae populorura. v. III, p. 922.

[203] Stritter. Memoriae populorum. v. III, p. 899—914.

[204] Ibidem. P. 940—941.

[205] Гаркави. Сказания мусульманских писателей. Стр. 127, 275. Ibn-Foszland's und anderer Araber Berichte. Frahn. SPb. 1823 г. P. 44; Хвольсон. Известия Ибн-Даста. СПб. 1869 г. Стр. 50; Reinaud. Geographie d'Aboulfeda. Paris. 1848 a. v. II, p. 292—293, 297.

[206] Frahn. Ibn-Foszland's, p. 60; D'Ohsson. Les peuples du Caucase p. 146; Geographie d'Aboulfeda. v. II, p. 296.

[207-208] Geographie d'Aboulfeda. v. II, p. 292; Notices et extraits des manuscrits, v. P. 267. Учен. Записки Ак. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II. Куник. Выписки из Ибн-эль-Атира. Стр. 641. Записки Имп. Археол. Общ. т. XIV. Рашид-Эддин. Стр. 2. Abulgasi. Histoire genealogique des Tatars, p. 83 esc.

[209] Stritter. Memoriae populorum. v. III, p. 920.

[210] Путешествие Марко Поло. Перев. Шемякина. Москва. 1863 г. Стр. 57, примеч. 51.

[211] Языков. Собрание путешествий к татарам. Плано Карпини и Асцелин. Стр. 27, 151—153.

[212] Fejer. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis, v. IV, prs. 2, p. 281. Это племя жило, по Абульгази, в гористой стране к югу от верховьев Иртыша и около озера Зайсанг. (Abulgasi p. 91—96 и карта при Histoire des Mongols. D'Ohsson). Местность способствовала более чистому сохранению праязыка.

[213] Все ученые, о которых мы упоминали, говоря о прародине наших кочевников, — все они признают их турецкое происхождение. Более ранние писатели держались самых разнообразных мнений. Так польские писатели производили их то от Литвы, то из Познани. Люди, более овладевшие данными, также делали иногда интересные заключения. Так, например, Страленберг утверждал, что печенеги и древляне один народ. Тунман считал куман славянами. Перечислять все эти теории мы считаем *вполне лишним, ни для чего не пригодным*. Желающих убить время при ознакомлении с ними отсылаем к следующим сочинениям, в которых они собраны: Сумма. Об узах или половцах. (Чтения Ист. Общ. Ист. и Древ. г. III, № 8); Его же. Историческое рассуждение о пацинаках или печенегах. (Чтения Имп. Общ. Ист. и Древ. Российских. 1846 года № 1). Накко. История Бессарабии с древнейших времен. Одесса. 1873 г. Ч. I, в

3-х выпусках. Кроме того, выводы польских писателей собраны в Kronika Polska—Stryjkowskiego. Warszawa. 1846 г. т. I.

[214] Memoires relatifs a l'Asie. 1828 a., v. III, p. 119—121.

[215] Codex Cumanicus. P. VII.

[216] Дорна. Каспий. СПб. 1875 г. Статьи г. Куника. Примеч. на стр. 385—387.

[217] Constantinus Porphpyogenitus. V. III, p. 68, 70.

[218] Ibidem. P. 72—73.

[219] Rambeau. L'empire grec au dixieme siecle. Paris. 1870.

[220] Muralt. Essai de Chronographie byzantine. SPb. 1871 a. P. 209.

[221] Письмо их мы частью уже приводили раньше, а об этом путешествии в следующих главах.

[222] Comes Geza Kuun. Codex Cumanicus. P. XLI: «Ego uero consilio habito, prius volui linguam terrae eddiscere, et per gratiam Dei addidici linguam et literatuvam Uiguricam, qua quidem lingua et literatura utuntur communiter per omnia regna ieta».

[223] Codex Camanius, pp. 305, 262, 284, 298, 264.

[224] Ibidem. Pp. 289, 293, 281, 298, 264.

[225] «Москвитянин». 1850 г. Ч. II, отд. III. Оболенский в одну из поездок в С.-Петербург приобрел Август Читей-Миней Макария. Между прочим он нашел там краткий половецкий словарь на 603 листах оборота этой рукописи. Начинается он так: «Толкование языка половецкого. Первые половецки, а опосле русски». Оболенский прислал его в письме к Погодину, который и напечатал этот отрывок в «Москвитянине».

[226] Когда был напечатан словарь Оболенского, то в следующем же номере «Москвитянина» появилась сравнительная таблица слов половецких с татарскими из наречия закавказского. Мы приводим здесь несколько слов:

Словарь Оболенского	Татарский	Codex Cumanicus
тягри = бог	тангри	tengri
кок = небо	гёг	kok
Кар = снег	кар	kar
етияк = хлеб	этмян	ôtmack

Это сравнение показывает, что татарский словарь стоит дальше от половецкого, чем куманский.

[227] Codex Cumanicus. P. XXIV.

[228] Romänische Studien. Leipzig. 1871. и Ueber Volksthum und Sprache der Kumanem, в Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Geselschaft, Leipzig. 1876. Мы, к несчастью, до сих пор еще не имели возможности воспользоваться этими двумя трудами, а потому берем ссылки из сочинения господина Успенского «Образование второго Болгарского царства». Одесса. 1879 г. Стр. 76—77, примеч. 1.

[229] Corpus Script. hist. byzantinae. Constantinus Porphyrogenitus. v. III, p. 164. Defremery. Fragments des geographes et d'historiens. Paris. 1849. P. 14—16 (Эль-Бекри). Известия Ал-Бекри. Куника и Розена. СПб. 1878 г. Стр. 59.

[230] Constantinus Porphyrogenitus. Ibidem.

[231] О торговле Хазарии см. гл. I. Кедрен рассказывает, что крепость Саркел-Белая Вежа, построенная на Дону, служила для удержания печенегов от вторжений в области Хазарии. (Γεωργίου τού Κεσρηνου. Εύνοψισ ίοτοριών. Bonnae. 1839 a. v. II, p. 129—130). Но Константин Багрянородный., весьма подробно говорящий о печенегах, об их отношении к Хазарии, не знает совсем причины постройки этого укрепления. (Constant. Porphyr. v. III, p. 177). Да при императоре Теофиле, ко времени которого оба писателя относят этот факт, печенеги жили еще между Волгой и Уралом, так что крепость на Дону не могла служить против них. (Император Теофил правил от 829 до 842 г. Krug Kritische Versuch zur Aufklarung der byzantinischen Chronologie. S.-Pb. 1810. P. 325 и Atlas universel d'histoire et de geographie, par Bouillet. Paris. 1865 p. 378).

[232] Год, в который произошли эти события, по нашему мнению, определить с точностью нет возможности. Константин Багрянородный говорит, что они происходили за 50 или 55 лет до времени написания им своего сочинения (p. 162). Бели он писал в 948 г. (Commentarii Akademiae Scienc. Petrop. 1737 a. v. IX, p. 367—368), то, следовательно, изгнание печенегов произошло в 898 или 893 гг. Но мы имеем известие, опровергающее эту дату. Монах Регино расска-

зывает: «Anno Dominicae incarnationis DCCCLXXXIX (889 a.) gens Hungarorum... a scythicis regnis, et a palludibus, quas Tanais... porrigit, egressa est... Et supra dictis igitur locis gens memorata â finitimis sibi populis, qui Pezinati (Pezinaci) vocantur, a propriis sedibus expulsa est...» (Scriptores rerum Germanicarum. Ratisbonae. MDCCXXVI (1726 г.), v. I. Reginonis Monachi Prumiensis Annales. 1. II, p. 89). Наша летопись относит проход венгров неопределенно ко времени правления Олега (приблизительно 879—912 гг.). Появление их у Киева отнесено ею к 898 г. (Стр. 14. Ипат. лет.), но, кажется, тут она списана у византийцев. Сум предполагает, что вытеснение венгров печенегами совершилось постепенно. Раз венгры вытеснены в 889—893 гг., когда жили между Доном и Днепром, даже прежде, ибо в 889 г. они уже вторглись в Паннонию. В 889 г. Лев Философ призвал венгров против болгар из Молдавии и Валлахии. Вытеснение же их отсюда должно случиться раньше 898 г., ибо в 894 г. Арнульф призвал уже венгров против Моравии. Готфрид Витербиенский, писавший около 1186 года, свидетельствует, что пинценаты (печенеги) вытеснили венгров из Скифии. Летописец Саксон говорит, что венгры, будучи вытеснены печенегами, в 890 г., были призваны на помощь Арнульфом. Альберт, инок Trium fontium, подводит это событие под 883 г. (Историч. Рассуждение о пацинаках или печенегах. Фридриха Сума. Чтения в Ист. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1846 г. № 1, стр. 22 и 24, гл. 10). Таким образом, трудно сказать что-нибудь определенное. Для наших целей оно и неважно, а потому мы представляем развитие этого вопроса специалистам по истории Венгрии, для которых он имеет большее значение.

[233] Что выселение совершилось не вдруг, видно из рассказа Константина Багрянородного. Он говорит, что печенеги жили вначале между Волгой и Яиком (p. 164), венгры же занимали страну Лебедию, где протекает река Ингул. Печенеги их вытеснили (p. 168). Затем каган Хазарии старался сплотить их под властью одного вождя. Таким вождем был провозглашен Арпад. После этого, уже в его правление, печенеги напали на них и заставали выселиться из мест, где протекали Прут, Серет и Днестр, в Великую Моравию (p. 168—181). Значит, при Арпаде они совершили переселение в

последние свои жилища в теперешней Молдавии с берегов Дона, Днепра и Ингула. Таким образом, по рекам их стоянки могут быть обозначены так: 1) Волга и Дон, 2) Дон, Днепр, Ингул и 3) Днестр, Прут и Серет. Первую стоянку между Доном и Волгой мы полагаем потому, что как восточные писатели, так и западноевропейские путешественники полагают Великую Венгрию между Волгой, Уралом и Уральским хребтом. (См. Ибн-Гаукали в Les peuples de Caucase. D'Ohsson. P. 146; Histoire genealogique des Tatars. B'Abulgasi. P. 47; Рубруквис. Codex Diplomaticus Hangariae ecclesiastiae et civilis. Fejer. v. IV, prs. 2, p. 278; «Путешествие венгер. монаха в Великую Венгрию». Ibidem. P. 55). Но из итого так сказать центра Венгрии их кочевья спускались между Волгой и Доном, что видно из венгерских преданий. Ни Аноним, ни Туроц не знают собственно Волги, а только Дон, с берегов которого и ведут своих земляков. «Praeterea in Scythiä grandem fluvium, Don vocatum oriri, et illum ab Hungaris Ethewel nuncupari...» (Script rer hung, v. I, p. 49). То же повторяет и в другом месте: «illam Scythiam... ab occidente fluvio Ethewl, quem et Don vocari dixerunt includi»... (ibidem). Так говорит Туроц. Аноним же повествует: «Scythia ergo maxima terra est. quae Dentumoger dicitur, versus orientem, finis cujus ab aquillonali parte extenditur usque ad nigrum pontum a tergo autem habet flumen, quod dicitur Tanais». (Ibidem, p. 3). Оба они писали по народным преданиям, в которых, как мы видим, река Этиль-Волга смешивается, сливается в одно с Доном. Это могло произойти только в таком случае, когда венгры занимали берега Волги и Дона, т.е. жили между этими реками. Таким образом, до столкновения с печенегами венгры обитали между реками Яиком, Волгой и Доном. Вытеснена печенегами была та часть венгров, которая обитала между Волгой и Доном, а другая часть осталась на прежних жилищах, где их и застает Рубруквис и венгерский монах в XIII в. Во второй стоянке, между Доном и Днепром, знает, кажется, венгров и Ибн-Даст (Известия Ибн-Даста. Хвольсон. СПб. 1869 г. p. 26). Он говорит, что они живут между двумя большими реками, впадающими в Румское (Черное) море. См. также: Pray. Annales veteres Hunnorum, Avarorum et Hungarorum. Vindobonae. v. I. 1761 a. P. 328;

Geschichte des Konigreichs Ungern von Engel. Tubingen. 1811. th. I, p. 5; Geschichte von Ungarn, von Fessler. Leipzig. 1867. L. I, p. 49; Die Ungern, von Hunfalvy. Wien und Teschen. 1881. P. 17—18. Ни один из приведенных историков, согласно с указанными нами фактами, не держится мнения о проходе венгров мимо Киева и их победах над русскими. Впрочем, Прай не отказывается совершенно от известий Анонима, повествующего об этих невозможных вещах, и старается объяснить их так, будто Аноним смешал здесь венгров с кабарами Константина Багрянородного, которые, по мнению Прая, по отделении от хазар остановились на Руси, а потом через Лодомерию (Владимиро-Волынь), Галицию, к верховьям Тиссы переселились в Венгрию (ibidem, p. 331). Но этого также ниоткуда не видно. Константин Багрянородный, действительно, говорит о междоусобии у хазар, о переходе кабаров к венграм, но это произошло еще тогда, как венгры занимали наши степи (Constant. P. v. III, p. 171—173). Доверяя известию анонима, и господин Европеус ведет венгров из Угрии через Суздаль и Киев, из которых первый еще и не существовал в эпоху их переселения (Об Угорском народе. СПб. 1874 г. Стр. 2). Венгерский историк Хорват буквально держится известий Анонима и ведет своих земляков тем же путем, что и господин Европеус (Geschichte der Ungarn. v. Horváth. Pesth. 1850 a. h. I, p. 9). Венгерские поэты нашего столетия воспели эти первые предприятия мадьяр: Дебречени (Debreczeni) в своей «Киевской битве» (1826 г.), Андрей Хорват — в «Арпаде» (1831 г.), Вевесмовти (Voevoesmovty) — в «Бегстве Соломона» (1825 г.). (L'Empire Grec au dixieme siecle. Rambeaud. P. 355, n. 5). Об известиях Анонима подробнее см. в главе «Половцы в Венгрии».

[234] Ипат. лет. Стр. 26 и 28.

[235] «От нижнего течения Дуная, напротив Силлистрии, до города Саркела на Дону простирается печенегия». Constantinus Porphyrogenitus, v. III, p. 165, 166, 177. В 915 г. печенеги уже были на Дунае, ибо их нанимали тогда греки против Симеона (Ипат. лет. Стр. 26; Krug. Kritische Versuch zur Aufklarung der Byzantinischen Chronologie, SPb. 1810. P. 129—130). Прай делает предположение, что Гюла занимал Трансильванию (Annales veteres Hun. Avar. et

Hong. Vindobonae. 1761 a. v. I, p, 325). Константин Багрянородный говорит, что улус Эртем соседил с уличами, древлянами и ленчанами, но, по нашему мнению, границы печенегов не могли заходить так далеко, к области древлянского племени. В летописи нет никакого упоминания о каких-либо набегах печенегов на эту сторону. Гораздо южнее были славянские поселения и по Днепру. Проникновению к области древлян препятствовала и лесистость территории у верховьев Ингула, Буга и Днестра. Мы видели уже южные границы лесов в этой области (см. гл. I). Какое племя должно разуметь под именем Λεντενίνοι — мы не беремся определить.

[236] Ипат. лет. Стр. 42—43.

[237] Ibidem. P. 48. Приблизясь к порогам, надо было выходить на берег, вытаскивать суда и обходить эти опасные места. При этом часть людей переносила тяжести, а другая шла с оружием в руках (Constantinus Rorphyrogenitus, v. III, p. 74—79).

[238] Ипат. лет. Стр. 49—52.

[239] Ипат. лет. Стр. 100—101. Monum. Pol. hist. v. I, p. 317—318. (Хроника Титмара).

[240] Ипат. лет. Стр. 83—84, 85. Никоновская сообщает и такие данные: «В лето 978. Победи Ярополк печенеги, и возложи на них дань». В лето 979. Приде печенежский князь Илдея и, бил челом Ярополку в службу; Ярополк же прият его, и даде ему грады, и власти, и имяше его вчести велице». Никон, лет. Ч. I, стр. 61, СПб. 1767 г.

[241] Ипат. лет. Стр. 83.

[242] Ibidem.

[243] Monum. Poloniae historica. v. I, p. 224. Змиев вал начинается в Киевском уезде, при местечке Трипольи, проходит через село Барахтянскую Ольшанку, степью мимо села Кодака, полями селений Порадавки, Великой Снитинки, Фастова и селения Пивни; потом вступает в Сивирский уезд на земли селения Белок. (Фундуклей. Обозрение могил, валов и городищ. Киев. 1848 г. Стр. 30).

[244] Ипат. лет. Стр. 10, 11, 13, 14.

[245] Ипат. лет. Стр. 14. Известие Никоновской летописи об отдаче дани с уличей Свенельду, об осаде Пересечня, о переселении ули-

чей куда-то с Днепра подвергалось не раз разбору и толкованиям. Но так как могли являться только более или менее вероятные гипотезы, так как за этот период в Никоновской летописи встречаются большие анахронизмы, то мы считаем более удобным опираться только на летопись Ипатьевскую, не имея повода сомневаться в ее известиях.

[246] Ипат. лет. Стр. 17.

[247] Ипат. лет. Стр. 105. Вероятно, оба эти факта произошли в одном году.

[248] Карамзин предполагает, что восточные печенеги были вытеснены половцами в 1036 г. (История Госуд. Росс. СПб. 1833 г. Изд. Смирдина, т. II, стр. 36, примеч. 105). Время определить невозможно. Вытеснение происходило, конечно, не вдруг и начало его надо отнести к более раннему времени.

[249] Constantinus Porphyrogenitus v. III, p. 164—166.

[250] D'Ohsson. Les peuples du Caucase. P. 117. Frahn. Ibn-Foszland's... P. 60. Мнение господина Бруна, что под началом канала Понта, соединяющегося с рекою хазар, надо разуметь Керченский пролив, мы не находим возможным принять (Черноморье. Ч. II, стр. 131—132). Вполне убедительными нам кажутся доводы господина Ламбина, что тут говорится о пункте, где Дон и Волга сближаются. (О Тмутораканской Руси. Ж.М.Н.П. 1874 г. № 1). Мысль о соединении Дона с Волгой была не чужда и византийцам.

[251] Ипат. лет. Стр. 56.

[252] Ипат. лет. Стр. 105—106.

[253] Stritter. Memoriae populorum. v. III, pp. 816—817. Весь рассказ о Кегене в Γεωργίου τού Κεδρήνου Εύνοψις ιστοριών. 1839 a. v. II, pp. 582—587. См. также «Византия и печенеги» В.Г. Васильевского. Ж.М.Н.П. 1872 г. № 11 и 12.

[254] Ипат. лет. Стр. 114.

[255] Stritter. Memoriae populorum. v. III. и Γεωργίου τού Κεδρήνου Εύνοψις ιστοριών. v. II. c. 11.

[256] Ипат. лет. Стр. 114.

[257] Ibidem. Стр. 115, 118, 122.

[258] Ипат. лет. Стр. 143; Μίχαήλ τού Άτταλειατου ίοτορία. Bonnae. 1853 a., pp. 85, 87.

[259] Лавр. лет. Стр. 208. Прилуки теперь уездный город Полтавской губ. на Удае; Песочен — местечко Пещаное при слиянии Супоя с Ковраем; Переволочна — местечко на Днепре выше устьев Ворсклы.

[260] Ипат. лет. Стр. 161—162.

[261] Ипат. лет. 379. Корсунь — местечко Киевской губ. при слиянии ручья Корсунки с Росью (Похилевич. Сказания о населенных местностях Киев. губ. Киев. 1864 г. Стр. 571).

[262] Ibidem, стр. 436, 437. 439—440. Переяславль — уездный город Полтав. губ. на реке Трубеже. Поросье — область по реке Роси, впадающей в Днепр с правой стороны. Вообще о Поросье см. далее.

[263] Успенский. Образование второго Болгарского царства. Одесса. 1879 г., стр. 163—164.

[264] Ипат. лет. Стр. 379—381; 387, 414—415. Лтава — вероятно теперешняя Полтава; Лукомское городище — теперь Лукомье, Лубен. уезда, Полтав. губер. на правой стороне Сулы.

[265] Ипатьев, лет. Стр. 408—409. Растовец, несомненно, был в числе черноклобуцких городов. Так в 1169 г. Владимир Мстиславич, идя из Котельницы, соединился с берендеями ниже Растовца. (367). Если Котельница теперь Котельна в Житомирском уезде (Погодин. Исслед. замеч. и лекции. т. IV, стр. 171), то самым ближайшим пунктом будет какое-нибудь место на реке Растовице. Половцы, взяв 6 городов берендейских, шли, очевидно, чтобы взять седьмой, который должен был стоять на упомянутой реке, по имени которой и носил название. Теперь на реке Растовице есть местечко Белиловка, около которой сохранились древние могилы, кладбища и валы. При спуске к реке сохранилось каменное здание. Толстые слои извести между камнем и кирпичом и форма кирпичей напоминают старые каменные здания великих князей Киева. Предание говорит, что это был большой город, существовавший до татарского нашествия. (Похилевич. Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Стр. 255—256). Летописные данные нисколько

не противоречат нашим соображениям. Два летописные известия мы уже привели, а третье под 1071 г. состоит в следующем: «Воеваша половци у Растовца и Неятина». (Ипат. лет. Стр. 122). Нам кажется, что положение Белиловки вполне отвечает условиям: она находится на Растовице, недалеко от Котельны и в районе черноклобуцких поселений.

[266] Γέωργίσυ τοῦ Ἀχροπολίτσυ τοῦ λογοζέτσυ Χρονιχή Συγγραφή. Bonnae. 1837 a. P. 58—59. Успенский. Образование второго Болгарского царства. Стр. 170—171.

[267] Устье, как предполагают, находилось при впадении Трубежа в Днепр. (Погодин. Исслед. замеч. и лекции. т. IV, стр. 267).

[268] Ипат. лет. Стр. 150, 157, 160, 161, 188, 403, 437; Никонов. лет. изд. 1767, II, стр. 74, 80; Воскрес. лет. Ч. I стр. 99.

[269] Ипат. лет. Стр. 157, 380, 383, 415; Никон. лет. Ч. II, стр. 209; Воскрес, лет. Ч. I, стр. 117.

[270] Не намек ли здесь на судьбу препд. Евстратия?

[271] Ипат. лет. Стр. 155, 156, 157.

[272] D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 148.

[273] Записки Академии наук по I и II отд. 1854 г. Т. II. Выписки из Ибн-эль-Атира. Стр. 660. Киево-Печерский патерик в переводе М. Викторовой. Киев. 1870 г. Стр. 32—35.

[274] Киево-Печерский патерик. Стр. 35—36.

[275] Ипат. лет. Стр. 361.

[276] Киево-Печерский патерик. Стр. 33.

[277] Хрестоматия по Рус. Истории, Аристова. Варшава. 1870 г., стр. 1278—1279 и 1282. Киево-Печерский патерик. Стр. 33, 36.

[278] Ипат. лет. Стр. 121, 439—440; Лавр. лет. Стр. 239 (Поучение Мономаха).

[279] Ипат. лет. Стр. 343.

[280] Иловайский. История Рязанского княжества. Москва. 1859 год, стр. 109.

[281] См. Карты Шуберта, карту при Истории Рязанского княжества господина Иловайского и при списках населенных мест Воронежской губернии.

[282] См. главу 1.

[283] Известия Историко-филол. Института в Нежине. 1877 г. Аристова. О земле половецкой. Стр. 220.

[284] См. Самоквасова. Древние города России. СПб. 1873 г. О городищах. Морозова (Оттиск из Харьк. Губ. Вед.) Курганы и городища Харьк., Валков. и Полтав. уездов Пассека. Рус. Истор. Сборник. 1838 года т. 3, кн. 2. Истор.-Статист. Описание. Харьков. Епархии. Филарета. Москва. 1858 г. О городищах в землях славянских. Срезневского. Записки Одес. Общ. Ист. и Древ. 1848 г. т. II.

[285] Д. Я. Самоквасов. Древние города России. СПб. 1873 г. Стр. 80—85. Ипат. лет. Стр. 408.

[286] Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. 1856 г. к. XI. Реки Полтавской Губ. Марковича Н. Стр. 365.

[287] См. Фундуклей. Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии. Киев. 1848 г. Похилевич. Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Киев. 1864 г.

[288] Ипат. лет. Стр. 7. Чтение Имп. Общ. Ист. о Древ. Рос. 1848 г. № 6. Описание реки Днепра. Стр. 27—35. Летопись Самуила Велички. 1855 г. Ч. III. Описание реки Днепра. Стр. 474, 478, 481.

[289] Лавр. лет. Стр. 181—182, под 1127 г.

[290] Ипат. лет. Стр. 251.

[291] Преосв. Филарет. Историко-Статист. Описание Харьковской Епархии, ч. III, стр. 407.

[292] Ibidem, стр. 409, примеч. 4 и 592. Барсов. Очерки Рус. Истор. Географии.

[293] Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. 1852 г. кн. VI. Беляева. О географических сведениях в Древней Руси. Стр. 93.

[294] Историко-Статист. Описание Харьков. Епархии. Ч. III, стр. 410.

[295] Погодин. Ислед. замеч. и лекции. т. IV, стр. 276—277. См. тут же другие мнения о местонахождении этих городов.

[296] Карта Шуберта, лист XLII.

[297] Историко-Статист. Описание Харьк. Епархии. Ч. III, стр. 411 и 565, 577.

[298] Известия Историко-Филол. Института в Нежине. 1877 г. Аристов. О земле половецкой. Стр. 222—223.

[299] Карта Шуберта. Лист XLII.

[300] Мнения о Локне см. Погодина. Исслед. замеч. и лекции. т. IV, стр. 272—273. Локни Суджанской держится преосв. Филарет. Он сообщает, что в 7 в. от д. Юнаковки, по дороге в город Суджу, на правой стороне в 23 саж. есть 4 кургана, окруженные валом. По его мнению, место, окруженное валом, было городом, где жили посадники Черниговского князя. (Описание Харьк. Епархии. Ч. III, стр. 385—386). Этого же мнения о Локне и господин Дмитрюков. (Этнограф. Сборник, т. V, стр. 23—24).

[301] Истор.-Статист. Описание Харьк. Епархии. Ч. III, стр. 279.

[302] Ibidem. Ч. III, стр. 498.

[303] Ibidem. Ч. III, стр. 530—531.

[304] Историко-Статист. Описание Харьк. Епархии. Ч. III, стр. 95.

[305] Журавенское (Немеровское) городище — огромных размеров. Оно расположено на правом берегу Ворсклы, окружено дремучим лесом и само заросло огромными дубами. Ров его, начинаясь от реки Ворсклы, окаймляет обширное пространство с востока, юга и запада. (Ibidem, стр. 107).

[306] Ibidem. Стр. 55—56, 57.

[307] Это городище имеет в поперечнике 24 с., в длину 32 с.; окружность его равна 59 с. (Ibidem, стр. 197).

[308] Рус. Истор. Сборник. 1838 г. т. III, кн. П. Пассека. Курганы и городища Харьков., Валков., Полтав. уездов. Стр. 217—218.

[309] «А ниже Мжа на Донце, с Крымской страны Змиево городище»... (Книга, глаголемая Большой Чертеж. Москва. 1846 г. Стр. 37).

[310] Историко-Статист. Описание Харьк. Епархии. Ч. II, стр. 295—206. Рус. Ист. Сборник. 1838 г. т. III, кн. II, стр. 212. О городищах. Ю. Морозова, стр. 22—24. Это городище огромных размеров. Оно состоит из двух плоскостей, возвышенных одна над другой и над соседней окрестностью, так что заключает в себе две крепости — внутреннюю цитадель и внешнюю — городское укрепление. (Преосв. Филарет).

[311] Историко-Статист. Описание Харьк. Епархии. Ч. II, стр. 277—278. Рус. Ист. Сборник. 1838 г. т. III, кн. 2. Стр. 211—212.

[312] Описание Харьк. Епархии. Ч. II, стр. 303 и 256.

[313] «А ниже Студеного кладеся, река Уды, от Студенка с версту; а на усть Уды Кабаново городище, по левой стране»... «А ниже Кабанова городища, с Крымской страны, вниз по Донцу, Мухначево городище, от Кабанова верст с 5». (Книга, глаголемая Большой Чертеж. Стр. 32) и Описание Харьков. Епархии. Ч. IV, стр. 162.

[314] Ипат. лет. Стр. 438.

[315] Известия Историко-Филол. Института в Нежине. 1877 г. Аристова. О земле половецкой, стр. 229—230.

[316-317] Вестник Европы. 1826 г. Москва. Май и Июнь. Н. Арцыбашева. Игорь или война половецкая. Стр. 259, примеч. 65. Историко-Статист. Описание Харьк. Епархии. Преосв. Филарета, ч. I, стр. 82 и ч. II, стр. 99—100 и 101. Рус. Ист. Сборник. 1838 г. т. III, кн. 2. Пассек. Курганы и городища Харьков., Валков., и Полтав. уездов. Стр. 214, 215 и 216. О городищах. Морозова, стр. 35. Исслед. замеч. о лекции. Погодина, т. IV, стр. 283—284. Материалы для историко-географ. словаря России. Барсова. Вильна. 1865 г. I, стр. 65—66.

[318] Историко-Статист. Описание Харьков. Епархии. Ч. I, стр. 81.

[319] Очерки Рус. Историч. Географии.

[320] Историко-Статист. Описание Харьк. Епархии. Ч. I, стр. 81 и II, стр. 98.

[321] Книга, глаголемая Большой Чертеж. Стр. 32.

[322] Книга, глаголемая Большой Чертеж. Стр. 30—31.

[323] Историко-Статист. Описание Харьк. Епархии, ч. IV, стр. 280, 283, 282 примеч. 5 и 36.

[324] Книга, глаголемая Большой Чертеж. Стр. 32.

[325] Историко-Статист. Описание Харьков. Епархии. Ч. II, стр. 148.

[326] «А промеж Нежеголи и кладязя Нежегольского, на Крымской стране, на Донце, городище Нежегольское». (К.Б.Ч. Стр. 30). Рус. Ист. Сборник. 1838 г. т. III, кн. 2. Пассек. Курганы и городища Харьков., Валков, и Полтав. уездов. Стр. 217 и Книга, глаголемая Большой Чертеж. Стр. 28 и 238.

[327] Списки населенных мест. Курская губерния. СПб. 1868 г. Стр. XIII. О городищах. Морозова. Стр. 14.

[328] См. главу I.

[329] См. главу I.

[330] Ипат. лет. Стр. 387.

[331] Погодин. Исследования, замечания и лекции. т. IV, стр. 281. Барсов. Материалы для историко-географич. словаря России. Стр. 115—116.

[332] Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. кн. VI. 1852 г. Беляев. О географич. сведениях в др. Руси. Стр. 95.

[333] Ипат. лет. Стр. 426.

[334] Хрестоматия по Рус. Истории. Аристова. Стр. 1267.

[335] Списки населенных мест. Курская губерния. Стр. XVI.

[336] Ипат. лет. Стр. 251.

[337] Лавр. лет. Стр. 239, 241. (Поучение Мономаха) и Ипат. лет. Стр. 198.

[338] Ипат. лет. Стр. 346, 361, 364.

[339] Ипат. лет. Стр. 192—193. О местонахождении названных городков см. у господина Аристова: «О земле половецкой»; Барсова: «Очерки рус. Историч. Географии» и главу IV настоящего сочинения.

[340] Ипат. лет. Стр. 188.

[341] Ibidem. Стр. 369.

[342] Ипат. лет. Стр. 427.

[343] Ипат. лет. Стр. 431. Аристов. О земле половецкой. Стр. 224. У господина Аристова тут маленькая неточность. См. след. примечание.

[344] Ипат. лет. Стр. 431.

[345] По нашему крайнему разумению, нельзя согласиться с толкованием известия летописей об этом походе, сделанным господином Аристовым. Уважаемый историк сделал ошибку, говоря, что 1) Игорь соединился с князьями у Переяславля, 2) из Переяславля Игорь двигался севернее, чем Мономах в 1111 г., именно шел на Белгород (?), 3) Игорь шел на возвышение между Донцом и Осколом. Оригинальным, первоначальным рассказом об этом походе должно считать помещенный в Ипатьевской летописи. Достаточно сличить ее сказание с рассказом Лаврентьевской, чтобы беспово-

ротно убедиться в этом. За это говорит цельность рассказа Ипатьевской летописи, его драматичность. Известие Лаврентьевской сокращено и отличается сухостью. В Ипатьевской летописи читаем: «В то же время Святославич Игорь, внук Ольгов, поеха из Новагорода, месяца Апреля в 23 день, во вторник, поймя с собою брата Всеволода ис Трубецка и Святослава Ольговича сыновця своего из Рыльска, и Владимера сына своего ис Путивля»... (430—431). Ясно, что Игорь собрал всех в Новгороде-Северском, а не в Переяславле. Кроме точности этого известия, в его пользу говорит и неестественность факта, сообщаемого Лаврентьевской: «и снящася у Переяславля»... (376). Для чего Игорю нужно было идти в Переяславль, затем тащить туда всех князей из Курска, Рыльска, Путивля, и снова двигаться назад? Господин Аристов выражается, что Игорь шел севернее Мономаха, но это «севернее» является кругом на Белгород в несколько сот верст. Предположение было бы возможно, если бы Игорь княжил в Переяславле, но там был Владимир Глебович (И.Л. 426), стало быть, незачем ему было колесить из Новгорода в Переяславль, отсюда на Белгород и потом к Осколу. 23-го апреля выехал Игорь из Новгорода, а не из Переяславля. 1-го мая он не был еще у Донца, когда случилось затмение, ибо в Ипат. летописи читаем: «*Идущим-же им* (а не «*пришедшим*») к Донцю рекы в год вечерний, Игорь воззрев на небо и виде солнце стояще, яко месяц»..... (И. Л. 431), следовательно, это случилось на дороге между Новгородом и Донцом. Слова: «и то рек перебреде Донеп» — не показывают вовсе, чтобы переход случился тотчас после их произнесения. Стало быть, нельзя сказать, что Игорь пришел из Переяславля к Донцу менее, чем в неделю, не говоря уже, что, идя из Переяславля на Белгород, нет возможности достигнуть Донца *и более*, чем в неделю. Далее, Игорь не мог идти по левой стороне Донца. Если он шел по левой стороне и переправлялся через Донец, то значит попадал на правую, оставляя Оскол назади, так как последний впадает в Донец с левой. Чтобы попасть к Осколу и непременно совершить переправу через Донец, он должен был идти сначала по правой стороне его, затем переправиться на левую, и потом прямой путь к Осколу, около которого и произо-

шло соединение Игоря с Всеволодом. Мы видели, что и прежде Игорь ходил к Мерлу, т.е. из Новгорода-Северского прямо на юг. Этим путем, очевидно, он шел и теперь, только ближе к Донцу, и затем, повернув на восток, переправился через него к Осколу. Если бы Игорь шел по левой стороне Донца, то мог бы соединиться с братом Всеволодом гораздо раньше Оскола, где-нибудь у верховьев этих рек. Если же пунктом соединения назначен Оскол, стало быть, они не могли нигде соединиться раньше. Отсюда вывод, что Игорь шел по правой стороне Донца; Всеволод из Курска прямым путем на юг по левой; по левой стороне Игорь шел, но только от Змиевского городка до Оскола.

[346] Ипат. лет. Стр. 431. Преосв. Филарет. Историко-статист. описание Харьковской Епархии. Ч. V, стр. 115—116. Аристов. О земле половецкой. (Известия Нежинского Института. 1877 г.).

[347] Ипат. лет. Стр. 204.

[348] См. нашу «Историю Северской земли, Киев. 1881 г. Гл. VI—IX.

[349] Ипат. лет. Стр. 158—159, 183.

[350] Ипат. лет. Стр. 186, 198.

[351] Лавр. лет. Стр. 241. (Поучение Мономаха).

[352] Ипат. лет. стр. 160.

[353] Ипат. лет. Стр. 424, 426.

[354] Ibidem. Стр. 428—430.

[355] Ипат. лет. Стр. 440.

[356] Ibidem. Стр. 435.

[357] Хрестоматия по Русской Истории. Аристова. Стр. 1272.

[358] Ипат. лет. Стр. 452—453.

[359] Никон. лет. Ч. II, стр. 103.

[360] О рубеже Рязанской земли с областью кочевников говорит господин Иловайский в своей «Истории Рязанского княжества». (Москва, 1858 г.). Но, так как мы позволяем себе несколько не согласиться с уважаемым историком, то считаем не лишним коснуться и вопроса о рязанских границах.

[361] Никон. лет. Стр. 155, ч. II, под 1156.

[362] Ibidem. Стр. 93. Материалы для историко-географического словаря России. Барсова. Стр. 71—72. Хотя известие Никонов, летописи не согласуется с сообщением Ипатьевской, но нет ничего невероятного, что перечисляемые ею города существовали.

[363] Никон. лет. Ч. II, стр. 236. Иловайский. История Рязанского княжества. Стр. 60. Лавр. лет. 366. Ипат. лет. Стр. 410. Материалы для историко-географического словаря России, Барсова. Стр. 61.

[364] Лавр. лет. Стр. 487. Записки Имп. Рус. Геогр. Общества. 1852 г. кн. VI. Беляев. О географич. сведениях в др. Руси. Стр. 72.

[365] Воскр. лет. Стр. 176—178, ч. I.

[366] Иловайский. История Рязанского княжества. Стр. 141—144. «Черленый де Яр усть Воронеже реки верст с тридцать на низ, а жильцы, когда на том бывались, того он не ведает... А другой де Черленый Яр на реке на Хопре усть реки Савалы, а впала Савала ниже Вороны от Воронежского устья верст со сто». (Из сказки Козловского попа. Прим. 149). «Тож минухом (после Тихой Сосны) и Черленый Яр реку и Бетюк реку и Похор (Хопер) реку». (Из хождения Пимена митрополита. Ibidem). Другие данные мы приводим ниже.

[367] Бестужев-Рюмин. Русская История. СПб. 1872. т. I. Стр. 455, примеч. 11.

[368] Акты Историч. СПб. 1841 г., т. I, № 1, стр. 1.

[369] Ibidem.

[370] Ibidem.

[371] Бестужев-Рюмин. Русская История. Стр. 455, примеч. 11.

[372] «Ныне же приехал ко мне Владыка Рязанский с крилошаны своими, и привез ко мне *грамоту* брата *моего Максима Митрополита*, а другую *грамоту* брата моего *Петра Митрополита*... и явил ми и *третью грамоту Владыки Сарайского Софония*, как то ся отступил того передела, что ся ему не вступати, *занеже не Сарайский передел, но Рязанский*». (Акты Ист. т. I, № 1, стр. 1). То же самое и в грамоте Митрополита Алексея около 1360 г. (Ак. Ист. I, № 3, стр. 4).

[373] Отступная грамота епископа Софония сохранилась в виде списка и напечатана в Истор. Обозр. Рязан. Иерархии. Г.И. Воз-

движенского: «и се аз епископ Сарайский Софоний пишу сию грамоту... отселе потом не вступатися *в пределех Рязанской на Великую Ворону*, а еже вступлюся, осужден буду кононы. Того дела есьмь сию граммату дал на утверждение». (Эти сведения взяты нами из «Истории Рязанского Княжества» господина Иловайского. Стр. 142, примеч. 141).

[374] Бестужев-Рюмин. Русская История. Стр. 466.

[375] Воскр. лет. Ч. I, стр. 139.

[376] Голубинский. История Рус. Церкви. Москва 1880 г. т. I, ч. 1, стр. 574.

[377] В Ипат. летописи нет этого известия, хотя изложение фактов в ней отличается бóльшими подробностями, чем в Никонов. летописи. Но некоторые неточности последней не уничтожают достоверности приводимого ею факта. Действительно, Ипатьев. летопись говорит: «*и в то время приде к нему* (Святославу Ольговичу) *Глеб из Суждаля Гюргевичь*... Далее следует поход к Курску, сдача его Глебу, взятие Попаша, соединение Изяслава и Ростислава Мстиславичей и движение их на Сулу; взятие Всеволожа, осада Глебля, возвращение их в Киев; затем: «*В том же лете еха Гюргевичь Глеб и зая городок отень (Остер) у Изяслава*»; далее о попытке его овладеть Переяславлем. (Ипат. лет. Стр. 250—253). Никоновская летопись не знает всех подробностей этой кампании и мало знакома с южной топографией, но факты по истории Рязани ей более известны, чем летописи Ипатьевской. Никонов. летопись вставляет это известие о посещении Глебом Червленого Яра между сдачей Курска и экспедицией к Переяславлю. (ч. II, стр. 104—105). Ипат. летопись подтверждает это тем, что, рассказав об участии Глеба во взятии Курска, далее совершенно молчит о присутствии Глеба у черниговских князей, и последние действуют у ней одни. Затем снова является, неизвестно откуда, Глеб. Где он быль, об этом и говорит Никоновская летопись. Таким образом, ее известие служит прекрасным дополнением.

[378] Никон. лет. Ч. II, стр. 151.

[379] Иловайский. История Рязан. княжества. Стр. 49, пр. 45.

[380] См. главу I.

[381] Лавр. лет. Стр. 410.

[382] Никон. лет. Стр. 106.

[383] Ibidem. Стр. 254, 260.

[384] Никон. лет. Стр. Ч. II, стр. 237.

[385] Ibidem. Стр. 178—179.

[386] Списки населенных мест Воронежской губер. № 2142 и Саратовской № 1320.

[387] Никон. лет. Стр. 271, ч. II.

[388] Воскр. лет. Ч. I, стр. 112.

[389] См. ответ полян этому князю в 1207 г. (Лавр. лет. Стр. 410).

[390] «Разболеся Володимер Глебович болезнью тяжкою ею же скончася... о нем же Украина много постона». Ипат. лет. Стр. 439. Владимир Глебович был князем переяславским.

[391] Поучение Мономаха (Лавр. лет. Стр. 240).

[392] См. главу I.

[393] См. раньше и Максимович. П. С. соч. т. II, стр. 359.

[394] Лавр. лет. Стр. 208. Барсов. Материалы для истор. географ. Словаря России I, 157. С мнением господина Погодина, что Переволока есть местечко Переволочна на Удае близ Прилук, основываясь на том, что в летописи эти два города стоят рядом, вместе, нельзя согласиться, ибо летопись говорит, что рать от половцев была «повсюду», т.е. что они в одно время нападали на различные пункты.

[395] «И пакы Итлареву чадь избиша, и вежи их взяхом, шедше за Голтавомь» (Поучение Мономаха. Лавр. лет. Стр. 240—241). Река Голтва называется в летописи Голтой (Ипат. лет. Стр. 192). Погодин. Исслед. лекции и замечания т. IV, стр. 266. Барсов, op. cit стр. 52.

[396] Есть известия в летописи о реке Хороле и городе Хороле. К последним принадлежат два следующие летописные места: 1) «том же лете гонихом по половьцих за Хорол, иже Горошин взяша». 2) «в суботу пондоша и быша на Хороле и ту и сани пометаша». (Лавр. лет. Стр. 239 и Ипат. лет. Стр. 192). Нельзя предположить, чтобы князья «пометали» сани в пустыне. Город Хорол упоминается и в «Книге Большого Чертежа»: «а от Сулы на Хороле от устья 20 верст град Хорол». (Книга, глаголемая Большой Чер-

теж. Стр. 95). Появление этого важного источника в Московском государстве надо отнести, пожалуй, к XVI столетию. При Михаиле Федоровиче этот чертеж быль найден. «И тот старый чертеж ветх, впредь по нем урочищ смотреть не можно, избился весь и развалился; *сделан был тот чертеж давно при прежних Государях*». (Книга, глаголемая Большой Чертеж. Стр. 1).

[397] Все же лето (1092)... и рать велика бяше от половець отвсюду, взяша 3 грады, Песочень, *Переволоку*, Прилук и многа сел повоеваша по обема странома». (Лавр. лет. Стр. 208).

[398] Все они упоминаются в летописи или в конце XI или самом начале XII в., за исключением Лтавы, которую мы относим к тому же времени, потому что в противном случае ее нужно считать за поселение позднейшей колонизации, что невозможно, ибо видно здесь только отступление славянского племени.

[399] Ипат. лет. Стр. 387.

[400] Ипат. лет. Стр. 192.

[401] «...и ко Ромну идох со Ольгом и з детми на ня»... (Лавр. лет. Стр. 241. Поучение Мономаха).

[402] «...и Боняк приде со всеми половци к Кснятину, идохом за ня ис Переяславля за Сулу»..... (Ibidem).

[403] «я...и потомь паки на Боняка.к Лубьну, и Бог ны номоже»..... (Ibidem).

[404] Ипат. лет. Стр. 415.

[405] Лавр. лет. Стр. 239.

[406] «Буромль, а по "Книге Большому Чертежу" "*град Буромля*"», хоть и непомянут древним летописаньем, но он, конечно, ровесник Лукомле и одного с ним происхождения». М. А. Максимович. Собрание сочинений. Киев. 1877 г. т. II, стр. 344.

[407] «В лето 6624. Ярополк Володимеричь сруби город Желни Дрьючаном, их же полони». Лавр. лет. Стр. 275.

[408] М. А. Максимович. Собрание Сочинений, т. II, стр. 344. Барсова. Материалы для историко-географического словаря России, в. I, стр. 73. См. также: Погодина. Исслед., замеч. и лекции, т. IV, стр. 270.

[409] Лавр. лет. Стр. 325: «тогды же приде Глеб Гюргевич со мьножьством половець к Переяславлю... и тогды же ида взя Пирятин с половци. — «...и ходихом за Супой, и едучи к Прилуку городу»... Лавр. лет. Стр. 239.

[410] Записки Имп. Рус. Геогр. Общ. 1856 г. Ч XI. Маркевич. Реки Полтав. губ. Стр. 365.

[411] Ипат. лет. под 1092 г. Стр. 150. Теперь Пещаное, Золотоношского уезда. Мнение господина Погодина принять нельзя. (Исслед., замеч. и лекции, т. IV, стр. 265). Этому противоречит следующее известие: «...в первое лето приде множьство половець разделившеся на двое, — одни пойдоша *к Переяславлю* и сташа у Песочна»... (Ипат. лет. под 1172 г. Стр. 371), а Лохвицкие Пески от Переяславля чересчур далеко. См. также выше, прим. относительно Переволоки.

[412] «...Придоша Измаилтяне безбожнеи половци на Русь ко Дмитрову» (Ипат. лет. Стр. 424). Дмитровка, Золотоношского уезда.

[413] Собрание Сочинений, т. II, стр. 348.

[414] Ипат. лет. Стр. 158.

[415] М. А. Максимович. Собрание Сочинений, т. II, стр. 340—341.

[416] В плену половецком Игорь каялся: «Яко же бо аз не пощадех хрестьян, но взях на щит город Глебов у Переяславля».... (Ипат. лет. Стр. 433). Глебова не должно смешивать с Глеблем, как это сделано в указателе к Ипат. летописи. Теперь это Глебовка (Борисовка) на Альте в 4 верстах от Переяславля. (См. Списки насел. м. Полт. губ. № 3142). — «Того же лета придоша половцы, и воеваша Деменеск, и придоша к Переславлю»... (Никон. лет. Стр. 148, ч. II). Теперь Демянцы в 5 верстах от Переяславля. (Барсов. Материалы для ист.-геогр. словаря России, в. I, стр. 60).

[417] Ипат. лет. Стр. 185, 361.

[418] Ипат. лет. Стр. 181. Золотчей называлась одна из рек, впадающих в Днепр против Киева, а Саков — теперешний Сальков, село Переяслав. уезда Полтав. губернии, на левом берегу Днепра, несколько выше Витичева. (Барсов. Материалы для историко-географ. словаря России, в. I, стр. 79, 181).

[419] Ипат. лет. Стр. 152.

[420] Ibidem. Стр. 158—159.

[421] Лавр. лет. Стр. 241—242.

[422] Ипат лет. Стр. 159.

[423] Город Устье находился при впадении реки Трубежа в Днепр. В 1867 г. при разливе Днепра здесь был открыт водой остаток каменной древней церкви. По кирпичам видно, что она была построена в IX в., следовательно, и город существовал уже в то время. (Максимович. Собрание сочинений, т. II, стр. 354).

[424] Ипат. лет. 150, 161. Лавр. лет. Стр. 208, 239. Относительно года взятия Горошина нельзя ничего сказать верного. Поучение Мономаха еще ждет разработки.

[425] См. предыдущее примечание.

[426] Ипат. лет. Стр. 208, 281, 325, 361. Баручь теперь, по мнению историков, Борисполь, местечко Переяславского уезда, Полтавской губернии. См. Материалы для историко-географического словаря России. Барсова, стр. 4. Исследования, замечания и лекции. Погодина, т. IV, стр. 271. Максимович. Собрание сочинений, т. II, стр. 345.

[427] Ипат. лет. Стр. 387, 415, 424, 436—437. Погодин Op. cit. Стр.281. Место Серебряного, действительно, трудно определить. Дмитровка, Золотоношского уезда Полтавской губернии, нам кажется вполне может отвечать городу Дмитрову. См. Барсова Op. cit. Стр. 61 и Погодин, стр. 283. Первый указывает на Дмитровку в Миргородском уезде, а второй считает Дмитров городом Курской области. Но, по известию летописи, видно, что Дмитров находился в Переяславской области, а в Миргородском уезде есть деревня Дмитриевка, а не Дмитровка. Что касается Римова, то это село Полтавской губернии, на границе уездов Лохвицкого, Роменского и Прилуцкого. (Барсов. Стр. 172—173).

[428] Воскр. лет. Ч. 1, стр. 117.

[429] Ипат. лет. Стр. 436—437.

[430] Ibidem. Стр. 330, 337, 333, 379, 454.

[431] Ibidem. Стр. 414—415.

[432] Ипат. лет. Стр. 435.

[433] «Пошел бяше *оканьный* и *безбожный* и *треклятый* Кончак, со множьствомь половець на Русь, похупся, яко пленити хотя грады Рускые и пожещи огньмь: бяше бо обрел мужа такового безурменина иже стреляше живым огньмь, бяху же у них луци тузи самострелнии, одва 50 мужь можашет напрящи». (Ипат. лет. Стр. 428—429).

[434] «От него родившюся Кончаку, иже снесе Сулу, пешь ходя, котел нося на плечеву». Ипат. лет. Стр. 480.

[435] Хрестоматия Аристова. Стр. 1267.

[436] Ibidem. Стр. 1274.

[437] Собрание сочинений. Т. I, стр. 136.

[438] Книга, глаголемая Большой Чертеж. Стр. 94.

[439] Известия Ак. Н. т. V. Русское население степей и Южного поморья в XI—XIV вв.

[440] Вспомним, например, что при осаде Римова половцами часть жителей обязана своим спасением только болоту.

[441] Ипат. лет. 220, 331. Предполагают, что Малотин теперь Малютенцы на реке Оржице Переяславского уезда, Полтавской губернии. (См. Материалы для истор.-географич. словаря России. Барсова, стр. 126, 112. Исслед., замеч. и лекции, Погодина, т. IV, стр. 274—275.

[442] Ипат. лет. Стр. 114, 143.

[443] Ibidem. Стр. 186.

[444] Барсов. Материалы для историко-географич. словаря России. Стр. 36—37. Погодин. Исслед. лекции и замечания. IV, стр. 262—263. Воинь 1110 года оба они отделяют от Воиня 1079 года. По нашему мнению, это одно и то же место.

[445] Ипат. лет. Стр. 143, 188.

[446] Ипат. лет. Стр. 220.

[447] Фундуклей. Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии. Киев 1848 г. Стр. 6—7.

[448] Ibidem, passim.

[449] Ипат. лет. Стр. 3, 5, 6, 7.

[450] Впадает в Днепр с правой стороны, ниже Крылова.

[451] Из слияния Выси и Етрани образуется Синюха, впадающая в Буг у Ольвиополя.

[452] Ипат. лет. Стр. 61.

[453] Ипат. лет. Стр. 83.

[454] Ibidem. Стр. 105.

[455] Ипат. лет. Стр. 449.

[456] Ibidem. Стр. 450.

[457] Ипат. лет. Стр. 451: «и тако совокупися (Рост. Рюрик.) с черными клобуки и ехаша вборзе изъездом до Протолчии, и ту заяша стада многа половецкая в лузе в Днепреском... половци же видевше стада своя взята, и жены и дети, стъснувшеся вобрьдоша во Днепр и постигоша и *на Ивле, во третий день* от Днепра». 1190 года.

Ibidem. Стр. 455: «и тако совокупившеся с черным клобуком, и ехаша изъездом *и быша на Ивле на реце на половецкой* и ту изъимаша сторожи половецкыя»... 1193 года. См. Барсова. Материалы, стр. 81. Щекатова. Географич. словарь Российского государства. Москва. 1804 г., т. II, стр. 692.

[458] Торческ был неразрывен с Поросьем. Так в 1169 году князья думали попользоваться владениями Мстислава Изяславича и решили между прочим присоединить: «*Володимиру* (Мстиславичу) *к своей волости торцъскый с всим Поросьем*». (Ипат. лет. Стр. 365). Когда в 1190 г. Ростиславу Рюриковичу было поручено заведовать охраной Поросья, оп постоянно находится в Торческе, куда и обращаются к нему черные клобуки. (Ibidem. Стр. 450, 455). Бывали случаи, когда Торческ отделялся от Поросья, как в 1195 г., но это было делом необыкновенным, исключением временным.

[459] Киев. губ. Ведомости. 1863 г. № 28, 33 и 34. Ревякина. Сближение исторических показаний с народной легендой о древнем Торческе. Вопрос об этой легенде вызвал несколько статей в «Киевской Старине» за 1882 г. Предания мы коснемся ниже. Летописные данные, имеющиеся о Торческе, не противоречат такому приурочению этого города. Под 1163 г. в летописи говорится: «створи мир с Мьстиславом Ростислав, възвороти все городы Мьстиславу, Торьскый и Белгород, а за Трьполь да ему Канев (Ипат. лет. Стр. 357). В 1195 г. «дал Рюрик Всеволоду 5 городов: Торьцкый, Корсунь, Тре-

поль, Канев»..... (Ibidem. Стр. 460). Из этих двух известий можно пока только сделать один вывод, что города Торческ, Треполь и Канев были в недальнем расстоянии друг от друга. Известный рассказ летописи об осаде Торческа половцами, о битве на Стугне, в 1093 г. ясно указывает на соседство Торческа и Треполя. Князья, узнав об обложении первого, двинулись к Треполю. Цель такого движения высказалась в словах Мономаха: «яко зде стояще черес реку, угрозе сей, створим мир с ними». Русские зашли в тыл половцам, отделившись от них Стугной и тем совершенно отрезывая им отступление, ибо половцам пришлось бы переправляться через эту реку. Такой маневр мы уже встречали. Если бы половцы действительно испугались такой диверсии и начали отступление, то русские из Треполя легко могли ударить им во фланг. Но половцы, как видно из рассказа летописи, оставив небольшой отряд у Торческа, с главными силами направились к Треполю, а русские князья, не выдержавши, переправились через Стугну к югу. Положение врагов перед битвой было такое; половцы своим тылом были обращены к реке Стугне, за которой у Торческа стоял их осадный отряд; фронт их был обращен к Треполю и валам; русские своим тылом опирались на Треполь; правый фланг прикрывался Стугной, а левый валами. Таким образом, если мы поместим Торческ на месте городища у ст. Безрадич, ход дела является вполне естественным. См. Ипат. лет. Стр. 152—154. О более раннем предположении, что Торческ находился там, где теперь Торчица, Таращанского уезда, см. ниже.

[460] Барсов. Материалы. Стр. 23—25.

[461] «И потом на *Святославль* гонихом по половцих и потом на *Торческый город*, и потом на *Гюргев* по половцих; и паки *на той же стороне у Красна* половци победихом; и потом с Ростиславом *у Варина* веже взяхом. И паки... быхом *у Халепа*». (Лавр. лет. Стр. 240. Поучение Мономаха). 1136 г. «...шедше бо ти же Олговичи с половци, взяша *Треполь* и *Халеп* пуста». (Лавр. лет. Стр. 288). Треполь и теперь существует, как и Халеп, под именем Холопья. Красен точно также. Что касается Варина, то нам кажется, что его можно приурочить к деревне Веремь, находящейся верстах в 7 к

югу от Треполя и в таком же почти расстоянии на юго-восток от Красного. См. также: Барсов. Материалы. Стр. 107, 207. Погодин. Исследования. IV, 165. Может быть *Варин* тождествен с Верневом? «Гюрги же то слышав, и иде (от Белгорода) черес бор к Верневу, и оттоле иде за вал и ста у Бьзянице» (Ипат. лет. Стр. 300). В таком случае этот город был где-то между Белгородом и валами, идущими от Треполя к югу от Стугны. Нельзя не согласиться с предположением господина Андриевского, что Вернев (Чернев) стоял на месте села Плесецкого, где есть городище. Оно как раз на прямом пути от Белгорода к югу. (См.: «Киев. Старина». 1882 г. сентябрь Перепетовское поле. М. Андриевского. Городище показано у Фундуклея. Стр. 27). О Красном, как о древнем городе, до сих пор держится в народе предание. См. ниже.

[462] Фундуклей. Стр. 37.

[463] Ипат. лет. Стр. 159—160.

[464] Фундуклей. Стр. 37.

[465] Лавр. лет. Стр. 240.

[466] Ипат. лет. Стр. 344.

[467] Ibidem. Стр. 356.

[468] О Руте см. указанную выше статью господина Андриевского.

[469] Фундуклей. Стр. 28.

[470] Ипат. лет. Стр. 185.

[471] Фундуклей. Стр. 28.

[472] Надеждин и Неволин предполагали, что Торческ находился там, где теперь село Торчица, на берегу реки Торчи, в Таращанском уезде. (Погодин. Исследования. IV, 153). Но мы видели, что Юрьев был южнее Торческа. Юрьев же находился к северу от Роси. Стало быть, положение Торчицы не удовлетворяет условиям. Что касается Юрьева, то господин Барсов его местонахождение оставляет без определения. Карамзин считал Юрьев на берегу Роси, Надеждин-Неволин — на правом ее берегу (Погодин. IV. 153. Барсов. Материалы. Стр. 219). Мы видели, что летописные данные противоречат этим предположениям.

[473] «К надднепровским городам Киевского княжества надо бы, кажется, прибавить, — говорит Максимович, — *Иван-город*, у которого в 1151 г. стоял князь Изяслав со своими союзниками против Юрия... Отсюда дошли они на ночлег в Треполь, а из него в Киев. Очевидно, что Иван был ниже Треполя: по-моему, возле Рожищева, где и ныне находится гора *Иван* со старинным городищем». (Собрание сочинений. II, стр. 346 и 352. См. также Ипат. лет. Стр. 295. Городище показано и у Фундуклея. Стр. 35—37.)

[474] «Того же лета приде Тугоркан, тесть Святополчь, к Переяславлю...» «Святополк же и Володимер поидоста на нь, по сей стороне Днепра и приидоста к Зарубу, и туто перебродистася»... (Ипат. лет. 161, 1096 г.). Важность этого брода указывает следующий факт: в 1151 г. союзники Юрия «приехаша *к Зарубескому броду. На сей же стороне бяшеть Шварно с сторожи*»... Узнав о переправе врагов у Заруба, Изяслав должен был отступить. (Ипат. лет. Стр. 294—295).

[475] «Тогда же (1155 г.) иде Гюргн *на снем* противу половцем Каневу». (Ипат. лет. 330). «Посла Ростислав (1168 г.) к братьи своей и к сыном своим, веля им всим съвскупитися у себе с всими полкы своими... и стояша *у Канева* долго веремя, дондеже взиде *Гречник и Залозник*, и оттоле възвратишася въевояси». (Ibidem. Стр. 361).

[476] На месте этого города над Днепром существует городище (Максимович М.А. Собрание сочинений. II, стр. 352).

[477] «Тое же зимы (1192 г.) посла Рюрик по Кунтувдея в половци... и да ему город *на Рси, Дверен*, Руское земле деля». (Ипат. лет. Стр. 453). И так Дверен был на Роси. Далее. В 1146 г. киевляне прислали к Изяславу Мстиславичу *в Переяславль* звать его к себе. Он переправился *у Заруба*. Сюда прислали к нему с изъявлением приязни черные клобуки и поросье. «И поиде Изяслав *к Дерновуму и ту* совокупишася *вси клобуци и поршане*». (Ипат. лет. Стр. 230). Очевидно, силы Поросья соединились с этим князем у одного из поросских городов. Стало быть, Дерновый должен быть на Роси, притом недалеко от Заруба. Поэтому мы принимаем мнение господина Максимовича, считавшего Дверен и Дерновый одним городом и приурочивавшего его к селу Деренковцу на Роси. (Собрание

сочинений. II, 351). Деренковец находится на левой стороне этой реки, но на правой стороне ее, при селе Набутове, на берегу, есть городок, который и может быть остатком Дернового или Дверена. (Фундуклей, стр. 22). О деле черноклобуцкого князя Кунтувдея мы будем говорить ниже.

[478] 1172 г. «в первое лето приде множьство половець, разделившеся на двое, — одини пойдоша к Переяславлю и сташа у Песочна, а друзии пойдоша по оной стороне Днепра Кыеву и сташа *у Корсуня*». (Ипат. лет. Стр. 379).

[479] Ibidem. Стр. 459. 1195 г.

[480] 1190 г. «Половци же слышавше, ожь Святослав ехал в Кыев и перебравшеся с Кунтувдеемь и ехажа *к Товарому*, и бысть весть Глебови, Глеб же заеха и *у Товарова*; половци же бежачи от города обломисаша *на Ръси*, и ту инех изъимаша»... Ibidem. Стр. 452. Глеб наблюдал за половцами из Канева. Мы принимаем с. Сиварви. (См. Барсов. Материалы, стр. 198, потому что оно находится на берегу Роси и имеет городище (Фундуклей, стр. 27). Но не от всех городов сохранились городища, поэтому иногда можно приурочивать положение древних укреплений к пунктам, и не имеющим таких остатков старины. Название *Товарый* несомненно происходит от слова «*товары*». «Володимер же пришед в *товары*, посла *по товаром* бирича»... (И. Л. Стр. 84). Это стан, тоже, что потом табор. Очень возможно, что позже Товаров был перекрещен в *Таборов*. Последний в виде села существует и теперь на левом берегу Растовицы, впадающей в Рось. Растовица нигде в летописи не упоминается, и, может быть, в древний период она принималась за начало реки Роси.

[481] «Половци же взяша 6 городов Береньдиць, и поидоша к Ростовцю». (Ипат. лет. Стр. 408).

[482] См. начало этой главы.

[483] 1071 г. «В лето 6579. Воеваша половци у Ростовца и у Неятина». (Ibidem. Стр. 122). Ясно, что Ростовец был вблизи от Неятина.

[484] 1150 г. «и приде Изяславу весть, оже Володимер (галицкий) перешел *Болохово*, идеть мимо *Мунорев к Володареву*»... «Изяслав

же приеха в Киев... поиде к Звенигороду, и ту пришед ста полкы своими, и приде ему весть, оже уже Володимир идет *черес Перепетово* Изяслав же... пойде от Звенигорода к Тумащю»... Перепетово поле, по весьма удачному определению господина Андриевского, — так называемая теперь белоцерковская степь. (Киев. Старина. 1882 г. Сентябрь). Враги двигались навстречу друг другу: один с севера, другой с юга; Володимирку был прямой путь к Перепетову, мимо Володарева, т.е. теперешней Володырки, стоящей на берегу Роси, недалеко от впадения в нее реки Торчи. Чтобы не переправляться два раза через Рось, вероятно, Володимирко переправился через Торчь и прошел мимо Володорева по правому берегу Роси. (См. Барсов. Материалы. Стр. 38. Погодин. Исследования. IV, 176).

[485] 1190 «и ехавше (половци) и легоша по Висемь, и ту перепочивше конем своим, и ехаша *ко Боровому*»... (Ипат. лет. Стр. 450). М.А. Максимович. Собрание сочинений. I, стр. 135—136, примечание.

[486] 1150 г. Изяслав Мстиславич из Дорогубужа «поиде на Гольско *да Кунилю в черные клобуки; и ту приехаша к нему еси, чернии клобуци* с радостию великою *всими своими полкы* (Ипат. лет. Стр. 276). По самому смыслу известия видно, что Куниль находился у черных клобуков. Мы не можем согласиться с мнением Н. П. Дашкевича, что Куниль находился к западу от земли черных клобуков (Болоховская земля и ее значение в русской истории. Киев. 1876 г. Стр. 11). Черные клобуки (не говоря уже о смысле приведенного известия) всегда соединялись с князьями где-нибудь в своей области. Они небольшими отрядами участвовали в войнах на разных пунктах Руси, но, когда приходилось им двигаться в большом числе, причем оставались беззащитными их вежи, черные клобуки старались не выходить из своей области, или забирали с собой и вежи, или запирали своих жен и детей по городам. Так в 1150 г. они явились на помощь Изяславу Мстиславичу всего лишь к Тумащу (по вероятному предположению господина Андриевского, теперь Барахты. См. указан, статью), лежавшему у Стугны, и то «жены своя и дети своя в городех затвориша на Поросьи». (Ипат. лет. Стр. 279). Когда в 1151 г. им пришлось двинуться большими силами к Киеву, то

черные клобуки забрали все свои вежи и стада. (Ibidem. Стр. 295-296). Вот почему, когда черные клобуки желали помочь князю, то он должен был соединяться с ними в их же области. В 1146 г. они призвали из Переяславля Изяслава, и он только у Дверена, на Роси, соединился с ними, хотя их послы были посланы к Зарубу. (Ibidem. 230). На основании этого нам кажется также, что Микулин, упоминающийся в 1169 г., не тот же, который мы находим под 1202 г. на реке Серете. Под 1169 г. читаем: «и приде *к Микулину*, и ту придоша ему берендичи вси, и торци и печенези и весь черный клобук, и водив е роте, и пусти брата своего перед собою с берендичи, а сам пойде по нем» (Ibidem. 365). Раньше они прислали послов к Мстиславу. Послы их могли идти куда угодно. Здесь повторилось то же, что в 1146 г.: черные клобуки послали тогда послов прежде, а соединились с Изяславом лишь на Поросье. Поэтому и теперь они пришли к нему лишь тогда, когда он вступил в их область. Они не могли уйти на Серет, так далеко от своих веж. Весьма возможно, что Микулин в 1169 г. был где-то в области Черноклобуцкой.

[487] Ипат. лет. Стр. 230.

[488] Никон. лет. II, стр. 134. Не следует ли здесь под именем ижеславцев разуметь богуславцев. Население Богуславля было несомненно славянского происхождения.

[489] Ипат. лет. Стр. 265.

[490] Ипат. лет. Стр. 114.

[491] Ibidem. Стр. 159.

[492] Лавр. лет. Стр. 241.

[493] Ипат. лет. Стр. 184—185.

[494] Ibidem. Стр. 204.

[495] Мы должны здесь сказать, что производство имени «Торки» от названия реки Тор было делаемо еще Полевым, хотя он неправильно считает их толпой, оторвавшейся от половцев. (История Русского Народа. М. 1830 г. I, 48—49).

[496] *Берендеи*: Василько говорит: «придеми весть, яко идут ко мне *береньдичи* и печенеги и торци». (Ипат. лет. 174, 1097 г.)

Каепичи: Святослав «молодь перебрав с берендичи и с каспичи пусти на половци» (Ibidem, 348. 1160 г.).

Коуи: «И тако отрядиша (Изяслав и Ростислав) Володимера брата своего по веже с торкы, и с коуи, и с берендеи, и с печенеги...» (Ibidem, 296, 1151 г.).

Боуты: «Собрашажеся вси в Чернигове, и оттуду пойдоша на Галичь, а ис Киева пойде князь великий Рюрик Ростиславич с сынъми своими... и з берендеи, и з коуи, и *з боуты*». Никон., лет. II, 293. 1206 г.

[497] Никон, лет. II, стр. 22.

[498] Ипат. лет. Стр. 170.

[499] Ibidem. Стр. 208.

[500] Ипат. лет. Стр. 277.

[501] Ипат. лет. Стр. 205.

[502] Ibidem. Стр. 365.

[503] Ibidem. Стр. 354.

[504] См. статью господина Самчевского: «Торки, берендеи и черные клобуки» — в Архиве истор.-юридич. сведений. Калачова. 1855 г. книга II, полов. I, где собраны все факты и сделано их сличение.

[505] Ипат. лет. Стр. 354.

[506] Ibidem. Стр. 375.

[507] О каракалпаках см. Ж.М.Н.П. 1855 г. Ч. 86. Березина. Нашествие Батыя на Россию из Рашид-ед-дина. Также Собрание сочинений М.А. Максимовича. III, стр. 188. О мнении господина Ланге см. ниже.

[508] Ипат. лет. Стр. 208 и 277.

[509] Ипат. лет. Стр. 356.

[510] Ibidem. Стр. 456.

[511] Барсов. Материалы. Стр. 203.

[512] Ипат. лет. Стр. 408.

[513] Никон. лет. II, стр. 134.

[514] Ипат. лет. Стр. 450 и 453. Кунтувдей, обиженный Святославом, соединился с половцами, «и ехавше изъехаша город *Чюрнаев... и две жены его взяша и челяди много яша...*» Половцы пришли на Поросье и услышали, что Святослав стоит *у Кульдеюрева* (452). Очевидно: «Чюрнаев и Кульдеюрев» — имена прилагат. притя-

жат. Это доказывается тем, что в 1183 г. мы встречаемся с князем *Кульдюрем* и Кунтувдеем (425). Это не собственные имена городов. У господина Зубрицкого по поводу этого факта является маленький курьез. Принимая имя «Чюрнаев» за собственное и считая его городом Святослава Всеволодовича, он говорит: «А у Святослава кажется вместе были *две законные жены*». (История древн. Галицко-Рус. княжества. I, 108).

[515] Ипат. лет. Стр. 450.

[516] Ibidem. Стр. 425.

[517] «Тое же осени Святослав я Кунтувдея Торцьского князя *по обае*...» Кунтувдей бежал к половцам и с ними прежде всего напал на город Чюрная (450). Отсюда и можно заключить, что это была месть за донос.

[518] «В то же время Святославич Игорь, внук Олгов, поеха из Новагорода... и у Ярослава испроси Ольстина Олексича, Прохорова внука, с Коуи Черниговьскими». (Ипат. лет. Стр. 430—431). 1145 г.: «Пришедшю же Святославу в Полеск городок, и ту присла ему Гюргий в помочь тысячю *Бренидьец* (очевидно — Берендичь): (Ibidem. Стр. 239—240).

«Того же лета (1136) в Резани убиша взагоне богатыря печенежского Темирьхозю» (Никон. лет. II, стр. 72).

[519] Ипат. лет. Стр. 329.

[520] Ibidem. Стр. 356.

[521] Ипат. лет. Стр. 380—381.

[522] Ibidem. Стр. 439, 444.

[523] Ипат. лет. Стр. 365, 375.

[524] Ипат. лет. Стр. 295.

[525] Ibidem. Стр. 296.

[526] Между 1150—1190 годами по Ипатьевской летописи известны: Бастий, Чекман, Тошман, Моначук, Тудор Сатмазович, Каракось, Мнюзовичь, Карась, Кокей, Кунтувдей, Чюрнай, Кульдеюрь.

[527] Мы не знаем, на каких условиях сидели эти черноклобуцкие князья по городам. Мы встречаем там постоянно и русских князей, которые владеют Поросьем как своим уделом. Надо думать, что черноклобуцкие князьки добивались получить город не из-за одной

чести, а из-за выгод. Не все города Поросья были им розданы, а с полученных городов доходы от суда шли, вероятно, в их пользу. Русские князья, владевшие Киевом и Поросьем, отказывались от своих доходов в этих городах. Самый суд однако едва ли производился в этих городах черноклобуцким князем, а тиуном русским, и только судные пошлины отдавались каракалпаку. В летописи нет ни малейших указаний, чтобы можно было сказать что-нибудь положительное в этом вопросе.

[528] «Се половце сее зимы воюють ны часто, а не ведаем Подунайци ли есм (есмы), что ли». Фраза, очевидно, испорченная.

[529] Местность неизвестная.

[530] Ипат. лет. Стр. 439.

[531] Ипат. лет. Стр. 369.

[532] Ibidem. Стр. 369—370.

[533] Хрестоматия Аристова, стр. 1273.

[534] Хрестоматия Аристова, стр. 1271—1272.

[535] Ипат. лет. Стр. 433.

[536] Ипат. лет. Стр. 182, 188, 191, 193.

[537] Ibidem. Стр. 430.

[538] Ипат. лет. Стр. 152—153.

[539] Вестник Евр. 1878 г. № 10. Барсов. Об историческом и художественном значении «Слова о полку Игореве». Стр. 776.

[540] Ипат. лет. Стр. 217.

[541] Ibidem. Стр. 436.

[542] Ипат. лет. Стр. 186—187.

[543] Ibidem. Стр. 191—193.

[544] Ibidem. Стр. 428—429.

[545] Ипат. лет. Стр. 368.

[546] Ипат. лет. Стр. 370.

[547] Ibidem. Стр. 361.

[548] Ibidem. Стр. 453.

[549] «Слово о полку Игореве». Христоматия. Аристова. Стр. 1274.

[550] Ibidem. Стр. 1266.

[551] Ibidem. Стр. 1272.

[552] Относительно года первого похода см. главу II. Второй поход в Воскресен. летописи помещен под 6711 г., в Лаврентьев. под 6713, а в Никонов. как в Воскресен. Мы отдаем предпочтение дате последней, ибо ее известие снабжено еще одним хронологическим указанием. Она говорит: «Бысть знамение на небеси, января 28 (или 22)...» Затем рассказывается о походе, который, по воззрению великого летописца, должен был иметь связь с этим небесным явлением. Мы можем поэтому считать временем похода или последние числа января, или первые, — февраля, ибо далее говорится, что поход происходил в лютую зиму. Так как поход совершился в январе или феврале, то, поступая по способу господина Куника, найдем 6711 – 5507 = 1204 г.

[553] См. об этом исследование господина Успенского: Образование второго Болгарского царства. Одесса. 1879 г.

[554] Νιχήτα τού Χωνιατου χρονιχή, p. 691—692. Bonnae. 1835 г.

[555] Успенский. Второе Болгарское царство. Стр. 208, примеч. 3.

[556] Νιχήτα. Ibidem.

[557] Воскр. лет. I, стр. 108.

[558] Ипат. лет. Стр. 479—480.

[559] Ипат. лет. Стр. 196.

[560] «Слово о полку Игореве». Хрестоматия Аристова. Стр. 1271.

[561] Ипат. лет. Стр. 28.

[562] Ibidem. Стр. 48 и Γεωργίου τού Κεδρήνου Εύνοψις ιστοριών. Bonnae 1839 г. pp. 384, 387—388. 412 г. II. Он старается объяснить факт так, будто печенеги были недовольны на Святослава и не хотели внести в условия мира пропуск свободный русских через свою землю.

[563] Ипат. лет. Стр. 150.

[564] Katalogi biscupow kracowskich M.P.H. v. III, p. 347. и летоп. Ипат. 205: «Тогда же посла Володимер Андрея с *погаными* на ляхы, и повоеваша е».

[565] Шараневич. История Галицко-Володимирской Руси. В Львове. 1863 г. Стр. 37. См. Rocznik traski и Rocznik krakowski. (M.P.H. v. II, p. 832). Rocznik sędzivoja. (M.P.H. v. II, p. 875). Есть еще два известия о набеге половцев на Польшу (см. Kronika xiazant polskich

(M.P.H. v. III, p. 457) и хронику Галла. (M.P.H. v. I, p. 441—442), но трудно, даже невозможно определенно датировать этих событий. Ни у Длугоша, ни у Страйковского, ни в нашей летописи нет никаких известий об этом факте.

[566] Ипат. лет. Стр. 177—178, Шараневич. История галицко-володимирской Руси. Стр. 31. Thwrocs. Script, rerum. hungar. v. I. P. 135—136. Annales regum Hungariae. Pray. Vindobonnae. 1763. P. 99—100.

[567] Ипат. лет. Стр. 480, 491, 492, 493, 507. Шараневич. Стр. 82. Воскр. лет. Стр. 112.

[568] Ипат. лет. Стр. 538, 543.

[569] Воскр. лет. Стр. 96, ч. I. (П. С. Р. Л. VII).

[570] Ипат. лет. Стр. 158.

[571] Ibidem. Стр. 376.

[572] Ibidem. Стр. 515.

[573] Ипат. лет. Стр. 296.

[574] Ипат. лет. Стр. 341.

[575] Ипат. лет. Стр. 344—345.

[576] Ипат. лет. Стр. 279.

[577] Ibidem. Стр. 230, 276, 365.

[578] Ипат. лет. Стр. 261—262.

[579] Ibidem. Стр. 292.

[580] Ibidem. Стр. 458.

[581] «И половци дикеи с ним, а и тыи золотом узводить», — жалуется Изяслав Мст. венгерскому королю на Юрия Суздальского. (Ипат. лет. Стр. 292).

[582] Ипат. лет. Стр. 157.

[583] Ibidem. Стр. 161.

[584] Лавр. лет. Стр. 272.

[585] Воскр. лет. I, стр. 24; Никон. лет. II, стр. 53.

[586] Ипат. лет. Стр. 357.

[587] Воскр. лет. Стр. 112, I; Никон. лет. II, стр. 292.

[588] Ипат. лет. Стр. 543.

[589] Ibidem. Стр. 443.

[590] Ibidem. Стр. 343.

[591] Ипат. лет. Стр. 242.

[592] Ibidem. Стр. 503.

[593] Ипат. лет. Стр. 437.

[594] Говоря: федерация, федеративный и т. д., мы придаем им такой смысл, какой принимает уважаемый Н.И. Костомаров.

[595] Ипат. лет. Стр. 143.

[596] Ипат. лет. Стр. 166.

[597] Ibidem. Стр. 210.

[598] Ипат. лет. Стр. 140, 157—158, 161.

[599] Ibidem. Стр. 144.

[600] Ипат. лет. Стр. 213—214.

[601] Ипат. лет. Стр. 228.

[602] Ibidem. Стр. 343.

[603] Ипат. лет. Стр. 264, 270, 293, 314, 323.

[604] Ипат. лет. Стр. 333.

[605] Лавр. лет. Стр. 418; Воскр. лет. Стр. 125. Ч. I.

[606] Ипат. лет. Стр. 237, 240, 242.

[607] Ипат. лет. Стр. 341.

[608] Город Тана из самых древних городов. Он существовал еще до Р. Х. В III в. по Р. Х он возобновил свою торговлю. В XII в. венециане основали в северном углу Азовского моря, на устье Дона, факторию, которой дали полуантичное название Таны. Она была разорена Тамерланом в 1395 г., но в 1421 г. она опять вела торговлю. (Пропилеи, т. IV, статья Леонтьева: «Разыскания в устьях Дона»). Торговое значение нашей Тмуторакани видно из двух актов правления императора Мануила в Греции. Так в 1178 г. он подтвердил генуезцам свободу торговли, с оговоркой, что в Меотиде (Приазовье) они должны были обращаться к половцам. В 1170 г. он дал генуезцам разрешение вести торговлю везде, платя только 4 %, исключая городов России и Матраха (Τα Μετάρχα, Matriga, Matrega, Тмуторакань), вероятно, с тем, чтобы не лишиться монополии торговли по Азовскому морю. См. Essai de Chronographie byzantine. Edouard de Muralt. S. Pb. 1871, pp. 197, 209. Брун. Черноморье, ч. II, стр. 322. По Страбону, из Танаиса вывозились рыбы, кожи и другие произведения народов кочевых (Пропилеи, IV, 441).

[609] См. гл. I.

[610] См. В. Г. Васильевского. Житие Иоанна Готского. Ж.М.Н.П. 1878 г. № 1. Относительно Тмуторакани автор делает интересные соображения. Нет ли связи между Тетракситами и Тиутораканью? Не от одного ли корня эти названия? Для грека неясно звучали *Тметракситы*, и он их переделал в Тетракситов, что для него понятнее. Готское население удержалось очень долго. Так мы видим его в Тмуторакани в XII в., когда готские девы пели славу Шаруканю и месть Буссову, как говорит «Слово о полку Игореве».

[611] «В лето 6591 (1083 г.). Приде Олег из грек Тмутораканю... и исече Козары, иже беша светницы на убьенье брата его и на самого»... (Ипат. лет. 143—144).

[612] Ibidem (стр. 42) и указанная выше статья господина Васильевского.

[613] Ипат. лет. Стр. 102—103.

[614] См. указанную статью господина Васильевского.

[615-616] Пропилеи IV, 431—432.

[617] Fejer. Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis, v. IV, ps. II, p. 51—52. Что это путешествие не вымышлено, доказывается другими известиями. Вот что пишет Рубруквис, заслуживающий полного доверия: «То, что я сказал о земле башкир, я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда перед нашествием татар. «Hoc, quon dixi de terra Pascatir, scio per fratres praedicatores qui iuerunt illuc ante adventum Tartarorum». (Ibidem, v. IV, ps. II, p. 279). У нас имеются кроме того два письма, которые также подтверждают этот факт. Одно относится к 1241 г. и писано венгерским епископом к парижскому. В нем между прочим находим: «и я верю, что ими (Мордвой) были убиты проповедники и братья Минориты, и другие, которых король Венгрии посылал для разведок (et per eos eredo esse interfectos Praedicatores et fratres minores, et alios nuncios, quos miserat rex Ungariae ad explorandum». (Ibidem, IV, 1, 234). Другое письмо принадлежит аббату монастыря св. Марии в Венгрии. В нем говорится, что проповедники были убиты татарами. Оно относится к 1242 г. (Ibidem, IV, 1, 236). Нужно иметь в виду, что распространение христианства на востоке Европы было

как бы специально возложено на fratres praedicatores и minores. Вот, например, начало одного послания к ним папы Иннокентия 1253 г.: «Innocentius Episcopus... delectis filums fratribus de Ordine fratrum Minorum in terras Sarracenorum, Paganorum, Grecorum, *Cumanorum*, Ethyopum, Syrorum, Iberorum, *Alanorum, Gazarorum, Gothorum, Zicorum, Ruthenorum*, Yacobitarum, Nubianorum, Nestorinorum, *Georgianorum*, Armenorum, Yudarum, Mesolitorum, *Ungarorum majoris Ungarie, Christianorum captivorum apud Tartaros*, aliarum infidelium nationum *orientis*, seu quarumcumque aliarum partium proficiscentibus salutem... (Codex Arpadianus v Wenzel, v. VII, № 158). Миноритьі знали язык половецкий и уйгурский. (См. гл. II). Следовательно, нет ничего удивительного, что эти миссионеры, еще действуя среди половцев в степях, могли узнать о существовании Великой Венгрии, и один из них, зная языки, мог предпринять путешествие. Мы приводили уже в III главе известия восточного писателя Ибн-Гаукаля о Великой Венгрии. Абульфеда также называет венгров братьями башкир, а страну последних помещает к северу от земли половцев (Reinaud. Geographie d'Aboulfeda. v. II, p. 293—294). Эль-Бекри полагает их страну между печенегами и Ашкель (?) (Defremery, Fragments des geographes et d'historiens arabes et persans inedits. Paris. 1849, p. 22). Очевидно, говорит Д'Оссон, венгры разумеются под именем башкир (baschcardes) у географов Якута и Казвини, точно так, как историки монголов, Алла-ед-Дин, Рашид-эд-Дин, рассказывая о победе в Венгрии Бату 1241 г., дают этой стране имя Башкирии (Baschcardie). (D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 257). Наконец, Рубруквис говорит, что к татарам привозятся меха из Руси, Мохel'я (Мокши?), Великой Булгарии и *Башкирии, которая есть Великая Венгрия* («Pascatir, quae est major Hungaria». Fejer. IV, 2, 265). Это путешествие издано было Fejer'ом в Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis. Найдено в собрании документов Ватиканского Архива. На русском языке издано господином Юргевичем в Записк. Одес. Общ. Ист. и др. 1863 г. Недавно новые варианты изданы у Wenzel'я в Codex Arpadianus, v. XII, Supplementa, № 2, A и B.

[618] История Льва диакона Колойского. Перев. Попова. СПб. 1820 г. Стр. 97.

[619] Les Batchenakes ont de longues barbes et de grandes moustaches, D'Ohsson. Les peuples du Caucase, p. 118. См. также Гаркави. Сказания мусульманских писателей. Стр. 135.

[620] «Promisisti, пишет папа королю, quod tam in te, quam in illis de regno tuo, dimisso paganorum abusu, resumeres christianorum habitum *tarn in vestibus, quam in capillis*»... (Письмо у Прая в Annales regum Hungariae. Vindobonae. 1763 г. P. 346).

[621] От половцев требуется, чтобы они покинули свои обычаи, «praeter abrasionem barbarum, et abreviationem capillarum, et habitum uestium eorumdem, super quibus eosdem praeter ipsorum voluntatem venerabilis pater, Dominus legatus... non coegit... (Fejer. Codex diplomaticus... v, V, pars II).

[622] «*Barbas radere, crines detruncare*, contra mores hungaricos, *et pileos cumanicos*, quorum usus in Hungaria jam in consuetudine habebatur, abjicere demandabat». (Scriptores rerum hungaricarum. I, 152).

[623] «Capita quippe Cunorum, noviter rasa, tanquam cucurbitas, ad maturitatem nondum bene perducetas gladiorum ietibus disciderunt». (Ibidem, 177).

[624] Интересную вещь сообщает Иосафат Барбаро о жителях Грузии. Он говорит, что они бреют головы, оставляя только кругом небольшой ряд волос; усы отпускают на четверть ниже самой бороды... (Библиотека иностранных писателей о России. СПб. 1836 г. т. I, стр. 64). Но этот обычай Грузии мог быть заимствован у половцев, которые были в тесных сношениях с Кавказом и особенно с Грузией. Ибн-эль-Атир говорит, что в 1120 г. грузины в войне с мусульманами имели своими союзниками кипчаков-половцев (Defremery, p. 26—27). Это подтверждается грузинскими историками, по которым царь Давид имел на жалованьи сорок тысяч кипчаков, служивших ему с пользой в его многочисленных кампаниях. (Ibidem note 3). После разгрома 1223 г. масса половцев переселилась за Кавказ, о чем сообщает тот же Ибн-эль-Атир. (Записки

Ак. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II. Выписки из Ибн-эль-Атира). Если Венгрия переняла их обычаи, то могла сделать то же и Грузия.

[625] *Монгольские* племена, по словам Д'Оссона, брили верхушку головы и затылок, а с боков оставляли косы, которые закладывали за уши. (D'Ohsson. Histoire des Mongols v. 1, p. 11). У *чистых тюрков* было значит отличие от монголов в ношении волос, которые сбривались все, причем оставлялся их клок на одной стороне. Указаний на косу у тюрков нет нигде. На бритье указывают приведенные нами факты. Очевидно, этот обычай половцы принесли из своей прародины.

[626] Ипат. лет. Стр. 41.

[627] Fejer, т. IV, ч. II, стр. 267, 273, 274.

[628] Воскр. лет. Ч. I, стр. 178.

[629] Ibidem. Стр. 176—177.

[630] Ibidem. Стр. 177.

[631] Воскр. лет. Стр. 176.

[632] Ипат. лет. Стр. 192.

[633] Иловайский. История России, ч. 2, стр. 76.

[634] Известия ист.-филол. институт. в Нежине. 1877 г. Аристова. О земле половецкой. Стр. 218.

[635] «Et quamvis dicantur Tartaril, multi sunt cum eorum exercitu *pessimi Christiani...*»

[636] «Inter quas (plurimas terras) sciatis Rusciam in magna parte vastatam. Rioviam (Kioviam, conj. Fejer) civitatem et castrum, quod erat ibi, destructum est multis interfectis. *Narrarerunt nobis profugi de terra illa, in Saxonia praecipue*, quod terram illam cum castris triginta et duabus machinis impugnaverunt». (Fejer, v. IV, pars 1, p. 212).

Из этого письма, как видим, приобретается и другое интересное сведение, что русские бежали и за границу и преимущественно в Саксонию, что указывает на тесные, более ранние сношения.

[637] «Cum regnum Hungarie per pestem Tartarorum pro majori parte in Solitudinem sit redactum, et quasi ovile sepibus sit diversis infidelium generibus circumseptum, utpote *Ruthenorum, Brodnicorum* a parte orientis; Bulgarorum et Bosnensium hereticorum a parte miridiei... tributarias se eisdem (Tartaris aliae nationes) constituerunt, et specialiter

regiones, *que ex parte Orientis cum regno nostro conterminantur*, sicut *Ruscia Cumania, Brodnici*, Bulgaria»... Письмо это издано у Тейнера в Vetera monumenta historica Hungariam Sacram illustrantia etc. Мы не могли воспользоваться этим сборником документов и цитируем письмо по выписке, сделанной господином Ламанским в его статье: «О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене. (Записки Ак. Н. т. VI, 1865 г. Приложение. Стр. 121, примечание). Выдержка из этого письма, но очень краткая, приведена у господина Бруна в Черноморье, ч. I, стр. 116, и у господина Успенского в сочин. Образование второго Болгарского царства. Одесса. 1879 г. Приложение V, стр. 38.

[638] Лет. по Академич. списку, стр. 482.

[639] Рус. лет. по Никонову списку. 1767 г. Ч. II, стр. 353.

[640] Ипат. лет. Стр. 242. СПб. 1871 г.

[641] Мы не можем согласиться с мнением господ Бруна и Успенского, будто бродники переселились после нашествия татар на запад (Брун) и что они были в Венгрии в XIII в. (Успенский). Документы, на которые указывают уважаемые ученые, по нашему мнению, не могут иметь значения. Такими мы признаем две грамоты: 1222 и 1223 г. В первой говорится о даровании Андреем II земель в Трансильвании ордену иерусалимских рыцарей: «addidimus etiam postmodum eisdem fratribus conferentes castrum, quod Cruceburg nominatur... usque ad terminos *Prodnicorum* (*Productorum*, var. Fejer)»... В другой тот же король дарит земли клерику Гоцелину в Трансильвании: «Montem S. Michaelis cum ecclesia et terra pertinente situm in Ultrasiluanis partibus, quem de Zebiniensi ecclesia in concambium *terre Borotnic* recuperamus». (Fontes rerum Austriacarum. Oesterreichische Geschichts-Quellen. v. G. D. Teutsch und Fr. Firnhaber. Wien. 1857. B. XV, Th. I, 18, 23). Оба эти указания противоречат письму короля Белы IV, приведенному нами, который помещает бродников вне Венгрии, к востоку от нее. Говоря о переселении половцев в Венгрию, он ничего не говорит о переселении туда бродников, о чем, конечно, он упомянул бы. Кроме того, название «*borotnik*» сильно только своим созвучием с именем «*бродник*», но оно также созвучно и со словом «*бортник*». В Вен-

грии, в Трансильвании, мы встречаем много славянских названий местностей. Вообще созвучия ничего еще не доказывают. Мнение господина Бруна в Черноморье ч. I; господина Успенского. «Второе Болгарское царство». Прилож. V, стр. 37.

[642] «*In Cimania et Brodinia terra illis vicina*, de cujus gentis conuersione sperabatur, legationis officium tibi committere dignaremur, per quod habeas potestatem eisdem terris vice nostra praedicandi, baptizandi, aedificandi Ecclesias, ordinandi clericos... datum Anagniae. II Calendas Augusti, Pontificatum nostri anno prima». (Pray. Annales regum Hungariae, p. 231).

[643] «In Cumanorum et Brodnicorum provinciis» (у господина Ламанского в указан. труде).

[644-645] Послание папы к епископу половцев 1234 г. Издано у Wenzel'я в Monumenta Hungariae historica. Codex diplomatics Arpadianus continuatus. Pest. 1860—1874. v. VI, № 195. Город Гран в Средние века носил имя Strigonium. См. Dictionnaire universel d'histoire et de geographie, par Bouillet Paris. 1872, p. 784.

[646] Собрание сочинений, т. III, стр. 262.

[647] Ипат. лет. Стр. 7.

[648] Ипат. лет. Стр. 32.

[649] Ibidem. Стр. 48.

[650] Constantinus Porphyrogenitus, v. III, p. 167.

[651] Воскр. лет. Стр. 240, ч. I.

[652] Черноморье. I. Судьбы местности, занимаемой Одессой. Стр. 167.

[653] См. Codex Cumanicus, pp. 108, 197, 247 и 263. Император Константин говорит, что то название, какое он помещает для этого города у себя, дано ему печенегами. Но историк тут, вероятно, исковеркал имена, так что нужно не наше знание (т. е. незнание) тюркских языков, чтобы объяснить имена, приводимые им. Для нас остается факт, что печенеги дали этому городу имя, а другого они дать не могли, как Аккермен или Аккерман.

[654] Абульфеда писал в начале XIV в.

[655] Ackerman est une ville du pays des Bulgares et des Turcs, dans le septieme climat. Elle est petite, et sa situation est sur la mer Noir a

l'ouest de Sarouh-Kermah; entre ces deux villes il y a environ quinze journees de distance. Ackerman se trouve dans une plaine; ses habitants sont les uns musulmans et les autres infideles. Non loin de la ville, le fleuve Thourlou (Τρούλλος) у Константина Багрянородного III, 171 может быть от печенежско-половецкого *turlu* = *variatus* = переменчивый. (Codex Cumanicus, p. 290) se jette dans la mer; ce fleune et a peu pres de la grandeur de l'Oronte, a Hamat». (Reinaud. Geographie d'Aboulfeda, II, 317).

[656] «Saru-Kerman est une petite ville du pays de Bulgares et des Turcs. Sa situation est a l'orient d'Ackerman; mais elle n'est pas aussi considerable... Sarou-Kerman a en face de l'autre cote de la mer la ville de Sinope». (Ibidem, p. 318).

[657] Кара — по-половецки черный (Codex Cumanicus, p. 262).

[658] Брун у господина Васильевского. Ж.М.Н.П. 1876 г. 186. Записка греческого топарха.

[659] Воскр. лет. Стр. 240. Ч. I.

[660] Записка издана у Попова при истории Льва диакона Калойского, но мы пользовались переводом В.Г. Васильевского, будучи уверены в его непогрешимости. См. указанную выше статью. До сих пор окончательно не решен вопрос о времени, к которому относится эта записка и описанные в ней события. Но все согласны, что эти факты имели место в X в. См. Черноморские готы, Бруна (Записки Ак. Н. 1874 г. т. 24, к. I); о записке готского Топарха, Куника (Там же); русско-византийские отрывки, Васильевского (Ж.М.Н.П. 1876 г., ч. 185); О Тмутораканской Руси, Ламбина (Ж.М.Н.П. 1874 г. № 1, г. 171); Розыскание о начале Руси, Иловайского. Москва. 1882 г. Весьма заманчиво сближение, сделанное господином Ламбиным, этих отрывков с письмами патриарха Николая I Мистика. На основании его автор относит данные события ко времени Олега (указан. статья, стр. 89, примеч. I).

[661] В.Г. Васильевский принимает Аккерман за один город с Мавракастроном. Он основывается на словах Гильбера-де-Лануа, который называет его Mancastre ou Bellegard и затем на картах средних веков, где этот город, под названием Mancastro, Maurocastro, помещается на месте Аккермана. (Указан. статья, стр. 417—418). Мы не

знаем, как с XIV в. произошло отнесение этих обоих имен к одному городу, но принимая известия нашей летописи, отделяющей Белгород от Черного-города, и Абульфеды, различающего Аккерман и Сара-Керман, причем он даже полагает между ними известное расстояние, — мы также считаем эти два города существовавшими отдельно друг от друга.

[662] В.Г. Васильевский. Указан. статья. Стр. 377. Из того, что туземцы смотрели на путешественника как на близкого, *на родного* даже, можно только заключить, что *славянское* гостеприимство, готовность всегда помочь гостю, как родному, была одинакова во все века. Туземцы, славяне радушно встретили, радушно и провожали путешественника. Грек выразился, что они ему «*рукоплескали*» на прощанье. В этом видеть национальную черту и считать туземцев греками нет никакой возможности. Грек топарх только употребил греческое выражение, назвал их действия при прощанье рукоплесканиями, что есть знак радости, выражение удовольствия у греков, а они, может быть, махали руками, кричали.

[663] Constautinus Porphyrogenitus. v. HI, p. 167. Эти города: Τουγγάται, Κρακνακαται, Σαλμακάται, Γίαιουκάται. Они, по словам писателя, носили печенежские названия, но, очевидно, переведенные со славянского. Интересно, между прочим, в этом факте то, что император, значит, собирал сведения, или ему собирали, *и от кочевников*. Припомним, что он Днестр называет Τρούλλος = Turlu.

[664] «Божиею же милостию придоша лодья *из Ольшья*, и приехаша в них на Днестр, и насытишася *рыб и вина*»... (Ипат. лет. под 1213 г. Стр. 491).

[665] См. выше.

[666] См. начало III главы.

[667-668] Constantinus Porphyrogenitus. III, 73.

[669] Scriptores rerum hungaricarum. I. Thwrocz. P. 116. Pray. Annales regum Hungariae p. 67.

[670] Stritter. Memoriae populorum. III, 858 etsq.

[671-672] Thwrocs, p. 130; Pray, p. 83.

[673] Ibidem.

[674] Ипат. лет. Стр. 346.

[675] Ипат. лет. Стр. 341.

[676] Уимя отца и сына (и святаго Духа аминь). Аз Иванко Ростиславович от стола Галичского, кнезь Берладскыи сведчуиу купчем (Меси)брииськым, да не платет мыть у граде нашем (у Ма)лом у Галичи на изклад, разве у Берладе и у Текучому, и (у г)радах наших: на исъвоз розьным товаром тутошным и угрськым и чесь(кым), а то да платет николиж, разве у Малом Галичи. А кажить воевода: а на том обетъ. (В лето) от рожьства Христова, тисещу и стъ и трдсеть и четыре лет, месяца мае к день». (Шараневичь. История Галицко-Володимирской Руси. Стр. 36, примеч. 51).

[677] «Шед с половци и ста в городех Подунайскых, и изби две кубаре и взя товара много в нею и пакостяше рыболовом Галичьскым» (Поход Ивана Ростиславича в 1159 г. Ипат. лет. Стр. 341). Грамота выше.

[678] Ипат. лет. Стр. 355.

[679] Ипат. лет. Стр. 390.

[680] Костомаров. Богдан Хмельницкий. I, XX.

[681] Скальковский. История Новой Сечи. I, 30.

[682] Тут, в Берладе, искал зарождение сечи господин Вагилевич. (См. его статью о гуцулах. Пантеон. 1855 г. т. XXI, к. V, май, стр. 29).

[683] В Гилее предполагал начало сечи господин Скальковский. История Новой Сечи. Стр. 6, т. II.

[684-685] Constantinus Parphyrogenitus, p. 165, III.

[686] Ипат. лет. Стр. 434 и possim.

[687] Ibidem. Стр. 372, 375, 385.

[688] Вот как передает их имена Д'Оссон: *Tokssoba* (у нас в летописи упоминаются Токсобичи) (432), *Yetia, Bourdj-Ogli, Elberli, Coungour-Ogli, Antchogli, Dourout, Feluna-Ogli, Djeznan, Cara-Beurkli, Kenen. Ogli* значит сын; *Cara-Beurc'i = Черные Колпаки.* (Histoire des mongols, I, 338—339, note 1). *Bourdj-Ogli* наша летопись перевела бы *Бурджовичи* и т. д.

[689] Constantinus Porphyrogenitus, III, 165.

[690] Γεωργίου τού Κεδρήνου Σύνοφις ίστοριών, II, p. 587—590. Письмо Брунона к императору Германии Генриху в Monumenta

Poloniae historica, v. I. *Кедрен* рассказывает, что печенеги, посланные императором в Малую Азию против турок сельджуков, переправленные через море, у Митилены стали и собрали совет (κόμεντον), на котором было решено возвратиться на Балканский полуостров. — *Брунон*, ходивший с проповедью к печенегам, рассказывает, что на третий день по удалении от русских границ, он и его спутники были схвачены печенегами и приведены к большой стоянке. Жизнь проповедникам была оставлена только до тех пор, пока весь народ, собранный вестниками, явится на общий совет. На совете князьям едва удалось спасти их жизнь.

[691] См. главу III.

[692] Geographie d'Aboulfeda. Ed. Reinaud. II, 293—294.

[693-694] Ibidem, p. 293. Абульфеда говорит, что власть князей у печенегов была наследственна и переходила от отца к детям. Но более заслуживает доверия приведенное нами известие Константина Багрянородного, который ближе стоял к делу как по месту, так и по времени. Вспомним, что Абульфеда жил в XIII и XIV вв. См. также. D'Ohsson. Les peuples du Caucase. P. 118.

[695] Анна Комнина. Stritter. Memoriae populorum, III, 841—842.

[696] Ипат. лет. Стр. 178.

[697-698] Анна Комнина. Stritter. Memoriae populorum, III, 862—863.

[699-700] Γεωργίου τού Κεδρήνου Σύνοφις ίστοριών, II, 607.

[701] Известие раввина Петахьи. От. Записки. 1858 г. Ч. CXXI. Этот путешественник в 1170—1180 гг. проехал в Азию из Регенсбурга, через Польшу, Киев, Крым или Хазарию. Из Киева он плыл шесть дней по Днепру и затем вступил в землю Кедар. *Кедариты* раввина Петахьи, очевидно, наши половцы, потому что в XII ст. только они одни занимали степи у Днепра, а никаких татар и в помине не было.

[702] Анна Комнина. Stritter Memoriae populorum. III, 864.

[703] Раввин Петахья. От. Зап. 1858 г. Ч. CXXI.

[704] О половцах: Раввин Петахья. От. Зап. 1858 г. Ч. CXXI; об узхторках: Excerpta ex breviario historico Ioannis Scylitzae Curopalatae.

Bonnae 1839 a. II, 655—656. Другие путешественники говорят то же о татарах. Этот способ переправ был общекочевнический.

[705] Рассказ об этом у Кедрена: Σύνοψις ἱστοριών, II, 587—590.

[706] Ibidem. Набеги Тираха, II, 582—587. Ср. Массуди. Frahn. Ibn-Foszlan's und anderer araber Berichte, p. 60.

[707] См. главу III.

[708] Ипат. лет. Стр. 184.

[709] Записки Ак. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II, стр. 660. Выписки из Ибн-эль-Атира.

[710] Воскр. лет. I, 108.

[711] Ибн-Батута. Ездил в степи кипчаков во время владычества татар. Defremery. Fragments des geographes, p. 159.

[712] См. легенду о половчине. Начало III главы и ниже.

[713] Ипат. лет. Стр. 184.

[714] Эль-Бекри. Defremery. Fragments des geographes, p. 15.

[715] «Слово о полку Игореве». Хрестоматия Аристова, стр. 1268.

[716] Ипат. лет. Стр. 369.

[717] Constantinus Porphyrogenitus, III, 71—73.

[718] Соловьев. История России. Москва 1856 г. т. VI, стр. 68.

[719] Записки Ак. Н. по I и III отд. 1854 г. т. II, стр. 660. Выписки из Ибн-эль-Атира.

[720] Pray. Annales regum Hungariae, p. 351. См. также гл. IV.

[721] Аль-Янбуи, Сказания мусульманских писателей. Стр. 185; D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 118.

[722] Ибн Батута, Defremery, p. 151.

[723] Раввин Петахья. От. 3. 1858 г. Ч. CXXI.

[724] Кедрен называет эти инструменты флейтами и кимвалами. II, 604. Ипат. лет. Стр. 438.

[725] «Се бо готьскыя красные девы вспеша на брезе синему морю; звоня рускыим златом, поют время Бусово, лелеют месть Шаруканю». «Слово о полку Игореве». Хрестоматия Аристова. Стр. 1272 г. Очевидно, это были песни половецкие, перешедшие к азовским готам, которые тогда были покорены половцами и находились с ними в тесных отношениях.

[726] По нашему мнению, слова Севенча Боняковича: «*хощю сечи в Золотая ворота, якоже и отец мой*»... взяты из существовавших эпических произведений о Боняке и его сыне.

[727] Сейчас мы приведем этот отрывок о Кончаке. Мы его уже указывали мимоходом.

[728] Ипат. лет. Стр. 480.

[729] Ипат. лет. Стр. 429.

[730] З А.Н. по I и III отд. 1854 г. т. II. Выписки из Ибн-эль-Атира. Стр. 662.

[731] Defremery. Fragments des geographes, p. 16.

[732] Раввин Петахья. От. З. 1858 г. Ч. CXXI.

[733-734] Geographie d'Aboulfeda. Reinaud II, 292.

[735] Geographie d'Aboulfeda, II, 292—293.

[736] Fejer Codex diplom. Hungariae eccles. et civil, v. IV, pars 2, p. 265. То, что сообщает Рубруквис далее, дает повод думать, что он видел кельтские постройки. Он рассказывает: Alias vidi sepulturas versus orientem: areas scilicet magnas structas lapidibus, aliquas rotundas, aliquas quadratas, et postea quatuor lapides erectos ad quatuor regiones mundi circa aream».

[737] Histoire de la decadence et de la chute de l'Empire Romain. Edouard. Gibbon. Paris 1843 a. P. 739, n. 2.

[738] Ипат. лет. Стр. 9.

[739] Письмо Брунона в Monum. Poloniae hist. v. I.

[740] Хрестоматия Аристова. Стр. 858.

[741] Ипат. лет. Стр. 495.

[742] Никон. лет. II, 67, 202.

[743] Ипат. лет. Стр. 242.

[744] Хрестоматия Аристова. Стр. 1278—1284.

[745] Житие св. Никона Многотерпеливого. Печерский Патерик по изданию Яковлева. Памятники русской литературы XII и XIII веков. СПб. 1872 г. Стр. 95—96.

[746] Дошедший до нас половецкий словарь составился, видимо, из записей, сделанных купцами и проповедниками. На это указывает обилие слов для выражения понятий религиозных и технических, употреблявшихся в торговле.

[747] Defremery. Fragments des geographes, p. 15—16.

[748] Летопись мало или лучше ничего не говорит нам об отношениях половцев к болгарам. Сохранилось в ней только два известия о набегах половцев на Болгарию. В 1117 г.: «Тогда же придоша половци к болгаром, и высла им князь Болгарьскый пити с отравою, и пив Аепак и прочии князи вси помроша». (Ипат. лет. Стр. 205). В 1183 (1184 г.) Всеволод Суздальский пошел на болгар. Уже в земле Болгарской к нему явились половцы Емяковы и сказали: «Кланяють ти ся, княже, половци Емякове, пришли есми ко князем Болгарьским воевать болгар: слышахом бо тебе идуща их же воевать». (Воскр. лет. Стр. 96, ч. I).

[749] Путешествие Марко Поло. Перев. Шемякина. Москва, 1863 г. Стр. 57, примеч. 51.

[750] Собрание путешествий к татарам. Плано Карпини и Асцелин. Стр. 191.

[751] См. след. главу.

[752] История первых завоеваний изложена на 156—248 стр. в Histoire genealogique des Tatars, D'Abulgasi—Bayadur-Chan. A Leyde. 1726.

[753] Defremery. Fragments des geographes, p. 26, 27. note 3, p. 35—36. Известия Ибн-эль-Атира.

[754] Известие Ибн-Кхальдуна. Ibidem, p. 128—129, примеч. I, p. 129—130.

[755] Abulgasi — Bayadur-Chan, p. 309—311; Ибн-эль-Атир. З.А.Н. по I и III отд. 1854 г. т. II, стр. 659.

[756] Какой-то смутный слух о борьбе двух ханов половецких дошел до венгерских миссионеров. В их реляции между прочим рассказывается, что во время войны татар с Хорезмом был в земле половцев князь *Витоф* (Witoph, по-другому вар. Vithuth), славившийся своими богатствами. На него напал другой князь *с реки Буга* (de flumine Buchs), вар. Вис по имени *Урех* (Urech, вар. Gureg) и ограбил. Витоф бежал к хорезмийскому султану (de Hornack, вар. Ornach). Последний за какие-то более ранние обиды повесил Витофа, сыновья которого бежали к Ureху. Урех убил старшего, а младший бежал в татарам, к хану Гургуте (?). Последний наказал

Уреха, затем по просьбам сына Витофа двинулся и на Хорезм, Персию, потом на половцев и т. д.

Оба варианта этой реляции напечатаны в Codex Arpadianus, v. Wenzel. v. XII, Supplementa, № 2, A и B. В этой путанице фактов, весьма вероятно, лежит основа действительности. Urech, Gureg чуть ли не наш Юрий Кончакович.

[757] Ипат. лет. Стр. 495—497; Воскр. лет. I. 123—132; Ибн-эль-Атир. З А.Н. по I и III отд. 1854 г. т. II, стр. 661; Abulgasi—Bayadur-Chan, p. 311—314.

[758] Уч. З А.Н. по. I и III отд. т. II, 1854 г. Куник. О признании 1223 г. временем Калкской битвы. Стр. 760.

[759] Никон. лет. II, 350.

[760] См. выше.

[761] Ипат. лет. Стр. 498, 503, 507; 513, 514, 515, 516.

[762] Ibidem. Стр. 520.

[763] D'Ohsson. Histoire des Mongols, II, p. 112.

[764] Путешествия к татарам. Языкова. Стр. 25.

[765] Ибн-эль-Атир. З А.Н. по I и III отд. 1854 г. т. II.

[766] Ипат. лет. Стр. 538, 542—3, 543.

[767-769] Opis powiatu Wasylkowskiego, Edward Rulikowski. Warszawa 1853. st. 33—34: «a oddzial jego przodkowski, Skwirski, jaco przodki jego: Tugorhan i Karymam i inne po nich odzierzeli, na Rsi, po Rastavicy i Kamienicy, ktory swano Skwira, a teraz Powietszczyzna».

[770] Comes Geza Kuun. Codex Cumanicus, p. LXI.

[771] Rogerius. De destructione Hungariae per Tartaros facta. Scriptores rerum hungaricarum. Schwandtneri. Vindobonae. 1746 a. 1, 294, 296—297, 298—299; Pray. Annales regum Hungariae, p. 251.

[772] В конституции 1279 г., данной Ладиславом-Половцем, внуком Белы IV, сыном Стефана V, говорится: «Et quia copiosa multitudo Comanorum copiosum terrae spatium capiebat, statuimus, ut hi, qui cum generatione sua inter *Danubium et Titiam*, at *juxta fluvium Kriss*, vel *inter flumina Tymus et Marus*, aut circa eadem descenderant, et non alias, sed super eisdem fluminibus sen locis, sive terris, super quibus primitus quamlibet generationem cum suis tabernaculis *Dominus Bela Rex, avus noster, illustris Rex Hungariae, inlytae recordationis,*

descendere fecerat, ibi et nunc descendant et resideant». (Fejer. Codex diplomaticus, v. V, pars 2, p. 512—518).

[773] Comes Geza Kuun. Codex Camanicus, p. XXX.

[774] Он только что говорил о Кумании.

[775-776] «De istis Communis uenit olim fugata quaedam ploralitas populi usque in terram Aegypti, quae ibidem succreta nunc ita invaluit, ut suppressis indigenis videatur regnare: Nam et de seipsis constituerunt hunc, qui modo est Soldanus, Melech Mandibron». Hakluit's collection. London. 1810. v. II, p. 122.

[777] Notices et extraits des manuscrits. v. XIII, p. 267—268.

[778] Ипат. лет. Стр. 162.

[779] Драгоманов. Малорусские народные предания и рассказы. Киев. 1876 г. Стр. 224—225.

[780] Костомаров. Богдан Хмельницкий. СПб. 1870 г. Стр. 180.

[781] Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням. «Русская Беседа». 1856 г. Т. IV, стр. 4.

[782] См. Буслаев. Русский богатырский эпос. Р. В. 1862 г. Т. 41; Погодин в Ж.М.Н.П.; Веселовский. Южнорусские былины. Сиб. 1881 г.; Аксаков. Указ. статья. Барсов. Богатырское слово. СПб. 1884 г. и др.

[783] Богатырское слово. Стр. 9—10.

[784] Песни, собранные Киреевским. М. 1862 г. Ч. IV стр. CXXXII—CXLVI.

[785] Здесь мы допускаем небольшую перестановку в тексте летописи: переписчик ее напутал.

[786] Ипат. лет. Стр. 83—85.

[787] См. начало III главы и статью В.Б. Антоновича: Змиевы валы в пределах Киевской земли. Киев. Старина. 1884 г. Март.

[788] Песни, собранные П. В. Киреевским. IV, стр. CXLI—CXLII.

[789] Фундуклей. Обозрение валов, могил и городищ Киевской губ. Стр. 30—31.

[790] Песни, собранные Рыбниковым. Москва 1861 г. Ч. 1, № 24.

[791] Песни, собранные Киреевским. Вып. II, стр. I—VIII и д.

[792] Исследование о Рус. Правде. Архив Калачова. 1859 г. кн. III Приложение. Стр. 79—80.

[793] См. гл. III.

[794] Twrocs. scriptores rerum hung. v. I, p. 116. Pray. Annales regum Hungariae. Vindobonae. 1763. P. 67.

[795] Ibidem. P. 132 и 88.

[796] Аноним. P. 12.

[797] P. 20.

[798] P. 26.

[799] P. 21.

[800] Аноним. Pp. 14, 19.

[801] От главного города Эрлау, известного в документах под именем Agria.

[802] От гл. города Грана, который назывался гораздо чаще Strigonium.

[803] См. карту при Atlas universel d'histoire et de geographie, par Bouillet. Paris. 1865. Также его Dictionnaire universel d'histoire et de geographie. Paris. 1872.

[804] «Ad haec, quia praedictae septem generationes Cumanorum in diversis locis, et in pluribus processibus utpote Domini A — episcopi Colocensis, et venerabilium patrum Dominorum, Varadiensis, *Agriensis*, Chanadiensis et Vaciensis Episcoporum residebunt etc. Конституция у Fejer'a в Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis, v. IV, pars 1, p. 235—236.

[805] «...nos villam Nyarhid, in qua Cumani per nos fuerant constituti... concessimus monasterio S. Eustaphii... molendinum quattuor rotarum, quod iidem Cumani tenebant *in fluvio Nitra* dedimus...» (Fejer. v. IV, pars 3, p. 184—185). Отдается десять пустых деревень.

[806] «Bela Dei gratia... cum *Koncha Cumanus*, heredum solatio destitus decessit, Ivanca comes... supplicavit, petens, ut *terram dicti Koncha Cumani*, Nemechich vocatam, *in comitatu Nitriensi* existentem... eidem conferre dignaremur... (Fejer. v. IV, p. III, p. 182—183).

[807] Отрывок из этого послания помещен у Бруна (Черноморье, ч. I, стр. 116). См. также: Kritische Sammlungen zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen. Gottingen. 1795 a. P. 202.

[808] Напечатано у Прая в Annales regum Hungariae. Vindobonae 1763 a. P. 232.

[809] Wenzel Gustaw. Monumenta Hungariae historica. Codex diplomaticus Arpadianus continuatus. Pest. 1860—1874 a. v. VI, № 195.

[810] Ibidem. V. VIII, № 63.

[811] Fejer, v. V, pars 3, p. 192. Относится к 1283 г.

[812] Ut predicti *Cumani terras sive possessiones* eorum, ad presens vacuas et habitatoribus destitutas, *in comitatu Borsienei existentes*, quas ex donatione Domini Belae regis Quarti pie memorie possidebant... etc. (Codex Arpadianus. v. XXII, № 436). Относится к 1292 г.

[813] Prag. Annales regum Hungariae. P. 120.

[814] Kritische Sammlungen zur Geschichte der Deutschen in Siebenburgen. P. 202.

[815] Rogerius. De destructione Hungariae per Tartaros facta, p. 244. Также конституция 1279 г.

[816] См. Марцали. Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Arpaden. Berlin. 1882.

[817] «Si hospites, videlicet boni homines, ad Regnum venerint, sine consilio Regni ad dignitates nou promoveantur». Fejer, v. III, pars 1, p. 376. В 1231 г. было подтверждено это постановление. См. Pray. Annales regum Hungariae. P. 234.

[818] Rogerius. De destructione Hungariae per Tartaros facta, pp. 195—296.

[819] См. Geschichte von Ungarn v. Fessler. Leipzig. 1867 a. L. IV, p. 411 ets. Договорные и мировые грамоты между Белой IV и Стефаном V в Codex Arpadianus. v. VII, № 88, 92.

[820] Аноним. P. 28.

[821] Аноним. P. 37—38.

[822] См. главу II. Также. Siffridi, presbyteri Misnensis epitomes, L. II, p. 1103, sub anno MCCLXI в Scriptores rerum germanicarum, v. I.

[823] Сохранилось несколько писем у Fejer'a и Wenzel'a, дающих нам возможность утверждать это.

[824] Это хождение издано у Fejer'a, v. IV, pars II. В русском переводе в записках Одесского Общества Истории и Древностей. 1863 года т. V господином Юргевичем.

[825] Оба варианта изданы у Wenzel'я в Codex Arpadianus, v. XII, Supplementa № 2, A u B.

[826] Насколько считались важными и как быстро передавались донесения этих миссионеров, это видно из следующей отметки в конце 1-го варианта: «Notum sit omnibus Christi fidelibus, quod hoc scriptum Rex Hungariae delegavit Patriarche Aquilegiensi, et patriarcha transmisit Episcopo Brixiensi, et Comiti Tyrolensi, ct ipsi universis Christi fidelibus transmittant, admonendo eos, ut Deum pro Ecclesia exorare studeant». Codex Arpadianus, v. XII, p. 554.

[827] Письма напечатаны: 1214 г. у Fejer'a в Codex diplom. Hungariae v. III, pars 1, p. 163—164; 1215 г. у Wenzel'я в Codex Arpadianus, v. XI, № 227.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Степи до появления печенегов 5

Их племенное родство и происхождение 33

Русь и кочевники 56

Судьбы окраинного славянского населения 152

Кочевники у себя 174

Нашествие татар и выселение половецкого народа 188

Дополнения 195

Примечания 214

Научно-популярное издание
Тайны Земли Русской

Голубовский Петр Васильевич

ПЕЧЕНЕГИ, ТОРКИ И ПОЛОВЦЫ
Русь и Степь до нашествия татар

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*
Корректор *О.Н. Богачева*
Дизайн обложки *М.Г. Хабибуллов*
Верстка *И.В. Левченко*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:
129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 28.10.2010. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 9. Тираж 4000 экз. Заказ О-1590.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

В конце X — середине XI века в пределы Древней Руси вторглись племена кочевников — печенегов, торков и половцев. Они изменили ход исторической жизни Руси и всего восточного славянства и оказали значительное влияние на их дальнейшие судьбы. В течение нескольких веков Русь не только воевала со степняками, но и основывала с ними военно-политические союзы. В своей книге (оригинальное название 1884 г. «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX—XIII веков») известный русский историк Петр Васильевич Голубовский рассказывает насколько и как повлияло соседство кочевников на политическую жизнь Древней Руси, каковы были отношения между степняками и славянами. Основываясь на важных русских, византийских и арабских источниках, ученый также рассказывает о взаимном племенном родстве и племенном происхождении печенегов, торков и половцев.

Книга издается с небольшими сокращениями.

ISBN 978-5-9533-5268-0

9 785953 352680

Вече